

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Москва
2015

УДК 93/94
ISSN 2219-3987

1.2015

Издается с 2010 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

ПИ № ФС 77-19007
от 15.12.2004 г.

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16-18

Интернет-адрес:

www.mggu-sh.ru

Подписной индекс

83632

в основном каталоге
Роспечати

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
им. М.А. Шолохова

Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ»

Редакционная коллегия

И.Г. Жиряков (*гл. редактор*),
А.А. Орлов (*зам. гл. редактора*),
Д.Н. Сергованцев (*отв. секретарь*),
Е.В. Бродовская, Ф.А. Михайловский,
А.В. Миронов, В.Д. Нечаев, Д. Савино,
Н.И. Смоленский, А.Д. Эпштейн,
А.И. Юрьев

Электронная версия журнала:
www.mggu-sh.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

С.Н. Щербаков
«Посадское строение» XVI–XVII вв. 5

Д.В. Лобанов
Захоронения героев Отечественной войны 1812 г.
и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.
в некрополе Донского монастыря 8

И.А. Купцова
Культура провинции в пореформенный период развития
русского общества 23

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

А.Г. Смирнов
Роль религиозного сознания в идеологических установках
и жизненной практике рыцарей Четвертого крестового похода 37

Д.В. Суржик
Борьба за морально-боевой дух англичан в годы
Второй мировой войны 48

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

А.В. Вахромеева, И.С. Иванов
Информационно-агитационное и организационно-массовое
направление избирательных кампаний в России (2011–2012 гг.) 62

В.Д. Кортнева
Демографический кризис в России: предпосылки возникновения
и перспективы развития 72

Э.В. Тюхтеев
Организация системы управления региональной
избирательной кампанией: опыт применения
мобилизационных технологий 80

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

В.В. Регнацкий
Образовательные организации как субъекты формирования
национально-государственной идентичности
молодежи Москвы 91

В.В. Суховерхов

Преемственность испанских конституционно-парламентских идей: от политической философии Г.М. де Ховельяноса к конституциям 1855 и 1978 гг.	102
НАШИ АВТОРЫ	110
CONTENTS	112
ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ	116

С.Н. Щербаков

«Посадское строение» XVI–XVII вв.

На основании анализа опубликованных источников и современных научных исследований, в статье рассматриваются особенности становления и проблемы государственного реформирования посадов в период XVI–XVII вв. Реализация «посадского строения» в общегосударственном масштабе в XVII в., наряду с проведением реформы подворного обложения 1679 г., позволили произвести подсчет первого государственного бюджета России 1680 г.

Ключевые слова: государственного бюджет России 1680 г., реформа подворного обложения 1679 г., посадское строение царя Бориса Годунова, служилые люди.

С конца XV в. появляется обозначение «посадские люди», т.е. люди, проживающие на великокняжеской земле. Термин «строение посадов» в Московском государстве XVI–XVII вв. обозначал не только основание новых городов и укрепление их, но также внутреннее переустройство и организацию государевых черных тяглых слобод. Во второй половине XV и в первой половине XVI вв. вотчинные дворы в городах обращаются в вотчинные слободы, которые начинают быстро разрастаться, причем их владельцы часто добиваются распространения на них тарханских и несудимых грамот. При Иване III происходило «строение» государевых посадов, сопровождавшееся отпиской частновладельческих слобод в пользу государства не только на севере, но и в южных городах приокской пограничной полосы. Объединяя различные элементы населения удельных городов в сословие «посадских людей», великие князья Иван III, Василий III и царь Иван IV Грозный предоставляли им основные права населения слобод: право на личную свободу при служении ключником в городе (ст. 66 Судебника Ивана III, 1497 г.), уничтожение закабаления в пользу горожан (ст. 82 Судебника Ивана IV, 1550 г.).

В период 1497–1550 гг. черные слободы посадских людей сохраняли положение государевых слобод и были открыты для прихода новых людей.

«Посадское строение» XVI–XVII вв. неотделимо от политической борьбы в Московском государстве. В период 1530–1540-х гг. сословие посадских людей начало принимать участие в политической жизни страны то мятежными вспышками, как это было в 1547 г., то в форме представительства на Земских соборах с 27 февраля 1549 г. Судебник Ивана IV Грозного 1550 г. ограждал честь посадских людей и их жен, которая, вероятно, страдала от насилий боярских детей, очень высокими штрафами. Он поднимал посадских людей в особый «честный» чин и ставил его наряду и даже выше дворян и детей боярских городовых. Далее, Судебник 1550 г. отменил для посадских людей, живущих на монастырских землях, подсудность церковному суду, а также запретил выдачу новых тарханских грамот и назначил пересмотр старых иммунитетов (ст. 43 и 91). С изданием первого закона о «заповедных годах», т.е. с осени 1581 г., когда был временно приостановлен закон о крестьянском выходе в Юрьев день, закон этот стал применяться к посадским тяглым людям, хотя они к Юрьеву дню никакого отношения не имели.

«Строение посада» в период гоудуновского правительства при жизни царя Федора Иоанновича (1584–1598) дало новые запрещения против закладничества на посадах и выхода тяглецов из городов. В конце 90-х гг. XVI в. правительство предприняло «строение посада» – обширную перепись с целью заменить данные устаревших писцовых книг, составленных еще по постановлению Стоглавого собора. Посадское строение царя Бориса Годунова в 1600–1602 гг. определялось записью в посадское тягло. Не всякий, кто жил на посаде за государем, считался посадским человеком, жильцом и старожильцем, а тот, кто хоть однажды потянул посадское тягло и, следовательно, когда-нибудь являлся членом посадской общины, связанной круговой порукой. Для этого не обязательно было родиться в посаде или находиться в родственных отношениях с посадскими тяглецами. Посадская старина была связью личного характера, и юридическая ее природа вытекала из однажды принятого на себя обязательства состоять членом общины, причем это обязательство давалось либо формально путем записи, либо фактически, путем участия в разверстке посадских платежей и посадских служб. Сопровождавшее посадское «строение» землеустройство посадов было связано с неизбежной ломкой облегающего посады вотчинного и поместного землевладения, которая производилась иногда без вознаграждения, а в других случаях, возможно, с вознаграждением тех лиц,

земли которых отбирались в черные посады. Посадское строение царя Бориса Годунова характеризовалось тем, что в посады стройщиками брались по двум основным признакам: по посадскому старожилью и по торгу и промыслу владельческие крестьяне, бобыли, захребетники, дворники и др. По тем же, вероятно, признакам брали в посад и приборных служилых людей: пушкарей, затинщиков, казенных сторожей, воротников и рассыльщиков.

При царе Михаиле Федоровиче в 1619 г. был образован приказ Сыскных дел для разбора жалоб служилых людей по судным земельным делам, и правительство снова пыталось ограничить расширение «белых слобод» светских и духовных феодалов, проводя «сыски» посадских людей в частном порядке с целью вернуть их в посадское тягло [1]. В 1634–1648 гг. по челобитьям посадских людей правительство создает целый ряд посадских сысков для пресечения ухода населения в закладчики. Например, с этими целями в 1638–1642 гг. велась работа приказа Сыскных дел боярина князя П.А. Репнина [3].

При царе Алексее Михайловиче под влиянием челобитий посадских людей в 1645–1646 гг. правительство Бориса Ивановича Морозова провело «посадское строение» во Владимире, Суздале, Костроме и некоторых других городах. После ряда восстаний в 1648 г. в городах Московского государства окончательно конфискацию «белых слобод» в посадах обозначила XIX глава Соборного Уложения 1649 г., положения которой были одобрены «выборными людьми» в период работы Земского собора 1648–1649 гг. [2]. Принципы «посадского строения» были оформлены в XIX главе Соборного Уложения 1649 г.: все «белые слободы» на посадах, принадлежавшие светским и духовным феодалам, подлежали безвозмездной конфискации; подгородные владения феодалов отписывались за вознаграждение «по посадской близости» и без компенсации в случае, если они находились на бывшей посадской земле; посадам приписывались подгородные земли для выгона скотины и содержания огородов; все закладчики возвращались в посадское тягло по принципу «посадской старины» и «посадского родства»; членами посадской тяглой общины становились жители конфискованных частновладельческих слобод и отдельных дворов феодалов. «Служилые люди по прибору» были обязаны или продать в 3-месячный срок свои торговые и ремесленные заведения посадским людям или стать тяглецами посадской общины (исключение было сделано в отношении стрельцов и части «служилых» казаков). Занятие торгово-ремесленной деятельностью было провозглашено монополией посадских людей; выход из общины и переход из посада в посад были запрещены.

Опираясь на XIX главу Соборного Уложения, боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков в 1648–1652 гг. во главе приказа Сыскных дел провел реформу «посадского строения» в общегосударственном масштабе. Князь Ю.А. Долгоруков в 1676–1679 гг. по государеву указу организовал новое проведение «посадского строения», которое явилось подготовительным этапом при проведении им реформы подворного обложения 1679 г. [4]. Результаты «посадского строения» 1676–1679 гг. и подсчет выгоды от реформы подворного обложения 1679 г. позволили князю Юрию Алексеевичу Долгорукову, возглавлявшему финансовые приказы (Счетный, Доимочный и Денежного сбора) составить первый сохранившийся до нашего времени государственный бюджет России 1680 г., который оканчивался без дефицита.

Библиографический список

1. Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.-Л., 1947. Т. 1–2.
2. Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.
3. Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель: В 4-х т. М., 1991. Т. 1.
4. Щербаков С.Н. Юрий Алексеевич Долгоруков – российский полководец, дипломат, администратор XVII века. М., 2012.

Д.В. Лобанов

Захоронения героев Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. в некрополе Донского монастыря

Автор статьи дает краткий обзор захоронений, продолжая и дополняя путеводитель по некрополю Донского монастыря, изданный Государственным научно-исследовательским музеем архитектуры (ГНИМА) им. А.В. Щусева в 1988 г.,

где представлен список 62 героев Отечественной войны 1812 г. В данной статье представлены 73 участника Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., похороненных на территории Донского монастыря.

Ключевые слова: Донской монастырь, некрополь Донского монастыря, участники Отечественной войны 1812 г., церковь Михаила Архангела в Донском монастыре, надгробия захоронений Донского монастыря, Московское ополчение 1812 г.

Захоронения генералов и офицеров – участников Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. – сохранились в монастырских некрополях и на городских кладбищах Москвы. Некоторые из них в советское время были уничтожены, многие могилы не сохранились. Так, на Ваганьковском кладбище сохранилось только 4 могилы, в некрополе Новодевичьего монастыря – 11. В этом отношении некрополю Донского монастыря повезло. В 1934 г. на территории монастыря разместился Музей архитектуры (ГНИМА им. А.В. Щусева). Здесь на монастырском кладбище нашли упокоение около 80 участников Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии, причем большая часть надгробных памятников сохранилась до наших дней.

В трапезной Малого собора Донского монастыря под чугунной плитой нашел покой командующий 3-й Обсервационной армии генерал от кавалерии *Александр Петрович Тормасов* (1752–1819), в 1814 г. ставший московским генерал-губернатором. Под его командованием была одержана первая победа в Отечественной войне 1812 г. при Кобрине, за что Тормасов получил орден Св. Георгия 2-го кл. В 1819 г. его сменил на посту московского генерал-губернатора генерал от кавалерии светл. кн. *Дмитрий Владимирович Голицын-5-й* (1771–1844). В августе 1812 г. он в чине генерал-лейтенанта вернулся в армию и во время Шевардинского боя командовал кавалерией 2-й Западной армии, а в Бородинском сражении – 1-й и 2-й кирасирскими дивизиями. За отличие при Бородине и под Красным был награжден орденом Св. Александра Невского с алмазами. В 1813 г. возглавил Резервный корпус, отличился при Дрездене и Кульме. Был награжден орденом Св. Владимира 1-й ст. и австрийским орденом Марии-Терезии 3-й ст. Участвовал во взятии Парижа. 2 апреля 1814 г. получил чин генерала от кавалерии. Нашел упокоение под бронзовой плитой в церкви Св. Архангела Михаила Донского монастыря (в усыпальнице Голицыных) [24, с. 196–197]. При погребении 19 мая 1844 г. надгробное слово произнес архимандрит Донского монастыря Феофан [37, л. 1–7].

В усыпальнице Голицыных под мраморной плитой похоронен генерал от инфантерии кн. *Алексей Григорьевич Щербатов-1-й* (1776–1848), в свою очередь сменивший Д.В. Голицына на посту московского генерал-губернатора. В 1812 г. в чине генерал-майора он командовал 18-й пехотной дивизией в составе 3-й Обсервационной армии. За сражение под Кобриным получил орден Св. Анны 1-й ст., а за Городечню – орден Св. Георгия 3-го кл. Участвовал в преследовании отступавшего неприятеля вплоть до Вильно. За осаду Торна в 1813 г. получил орден Св. Владимира 2-й ст., за Бауцен – алмазные знаки к ордену Св. Анны 1-й ст. 26 мая 1813 г. был произведен в генерал-лейтенанты. После Плейвицкого перемирия командовал 6-м пехотным корпусом в Силезской армии. Разбил дивизию Ж. Пюто под Левенбергом, за что получил орден Св. Александра Невского, а за отличие под Ларотьером – орден Св. Георгия 2-го кл. Участвовал во взятии Парижа [24, с. 810]. Младший брат А.Г. Щербатова, генерал-майор кн. *Николай Григорьевич Щербатов-2-й* (1777–1848), в чине полковника сформировал в 1812 г. 2-й Украинский казачий регулярный полк и стал его главой. Полк вошел в состав Силезской армии. Участвовал в осаде крепости Глогау в 1813 г. За переправу через р. Бобр 15 сентября 1813 г. был произведен в генерал-майоры. За бой у Левенберга получил орден Св. Георгия 4-го кл. Был при блокаде Дрездена и взятии Парижа. На его могиле возвышается мраморная призма с фронтоном и портретом [24, с. 810–811].

Старший брат Д.В. Голицына генерал-лейтенант кн. *Борис Владимирович Голицын-2-й* (1769–1813) 20 августа 1812 г. был определен в 1-ю Западную армию, а 22 августа назначен в 6-й корпус генерала Д.С. Дохтурова. В ходе Бородинского сражения получил контузию в ребро, после чего находился на излечении во Владимире [24, с. 195]. Умер в Вильно 7 января 1813 г. и был похоронен в церкви Преображения Господня в своем имении Большие Вяземы Звенигородского уезда (ныне – Одинцовский район) Московской губернии. В 1936 г. надгробие было перевезено в Донской монастырь в усыпальницу князей Голицыных [31, с. 365].

В некрополе Донского монастыря нашел упокоение племянник А.В. Суворова генерал от инфантерии кн. *Андрей Иванович Горчаков-2-й* (1776/1779–1855). 1 июля 1812 г. он в чине генерал-лейтенанта вступил в командование авангардным корпусом 2-й Западной армии. 24 августа командовал отрядом, оборонявшим Шевардинский редут. Получил орден Св. Георгия 3-го кл. Из-за полученной раны долго лечился. Вернулся в армию в январе 1813 г., став командиром 8-го пехотного корпуса, а с июня – 1-го пехотного корпуса. За отличие под Лейпцигом

награжден орденом Св. Владимира 1-й ст. и прусским орденом Красного Орла 1-й ст. За отличие при взятии Парижа награжден орденом Св. Георгия 2-го кл. и золотой шпагой «За храбрость» с алмазами. Надгробие не сохранилось [24, с. 200]. Похороненный в некрополе его троюродный брат генерал-майор кн. *Михаил Алексеевич Горчаков* (1768–1831), отец канцлера А.М. Горчакова, был принят на службу 22 ноября 1812 г. и определен состоять по кавалерии. Находился при формировании резервных эскадронов. С 6 апреля 1813 г. командир 3-го резервного кавалерийского корпуса [19, с. 20–21].

Генерал-лейтенант *Василий Дмитриевич Иловайский-12-й* (1785/1788–1860) в компанию 1812 г. в чине полковника сражался против французов при Романове, затем состоял с казачьим полком в отряде генерала Ф.Ф. Винценгероде и участвовал в делах под Велижем и Поречьем. За храбрость и умелые распоряжения 16 сентября 1812 г. был произведен в генерал-майоры. Отряд под его командованием первым вошел в оставленную неприятелем Москву и вытеснил оттуда французский авангард. После Кульмского сражения его казаки окружили и взяли в плен генерала Д.Р. Вандама со штабом. За дело при Ганау получил орден Св. Георгия 3-го кл. На его могиле в Донском монастыре высится гранитный обелиск [24, с. 298–299]. Генерал-майор *Иван Кузьмич Краснов-1-й* (1752–1812) командовал девятью казачьими полками во 2-й Западной армии, отличился под Смоленском. 24 августа 1812 г. в начале Бородинского сражения в бою у Колоцкого монастыря ему оторвало обе ноги [25, т. 1, с. 377]. Скончался 26 августа и на следующий день был похоронен в некрополе Донского монастыря при большом скоплении народа. Надпись на гранитной призме гласит: «Убит французами в начале Бородинского сражения близ Колоцкого монастыря» [23, л. 40].

Кавалерийской бригадой в составе авангардного отряда генерала К.О. Ламберта в 3-й Западной армии командовал генерал-майор *Иван Алексеевич Хрущев-1-й* (1774–1824). При взятии Борисова был награжден золотой саблей «За храбрость» с алмазами. Участвовал в преследовании неприятеля до Данцига, в 1813 г. – в осаде Торна. В 1814 г. за Фер-Шампенуаз получил орден Св. Георгия 4-го кл. На его могиле в Донском монастыре стоит гранитная урна с рустом [24, с. 765]. В некрополе Донского монастыря нашел упокоение генерал-лейтенант, член Военного совета *Михаил Никитич Клименко* (1784–1840). В 1812 г. он в чине подполковника командовал инженерной командой в Хотине. В 1813 г. командирован в Главную квартиру армии. Участвовал в осаде крепости Торн, после ее взятия был оставлен для приведения крепости в исправность и постройки на берегу Вислы мостового прикрытия. За участие в осаде

Данцига получил орден Св. Анны 2-й ст. с алмазами. В марте 1814 г. был при блокаде Гамбурга. За Гамбургское дело имел орден Св. Владимира 3-й ст. [38, с. 197–198].

В Отечественной войне 1812 г. участвовали 5 офицеров лейб-гвардии Преображенского полка. Все они нашли упокоение в стенах некрополя Донского монастыря. Генерал-адъютант, действительный тайный советник *Степан Степанович Стрекалов* (1782–1856) при Бородине был в чине полковника Преображенского полка, сильно контужен «в ляшку», за отличие получил орден Св. Анны 2-й ст. Участвовал в делах при Лютцене, Бауцене, в блокаде крепости Модлин. Был похоронен в Малом соборе Донского монастыря [11, с. 78; 14, с. 361]. Генерал от инфантерии, декабрист, член Союза Благоденствия *Сергей Павлович Шипов* (1789/1790–1876) в чине поручика Преображенского полка участвовал в Смоленском сражении при Бородине и в ночной экспедиции при Тарутино. С отличием участвовал в сражениях под Малоярославцем, Вязмой и Красным. За деятельное преследование неприятеля получил орден Св. Владимира 4-й ст. с бантом. 14 апреля 1813 г. получил чин штабс-капитана. Сражался под Лейпцигом, Бауценом, Теплицом. За Кульм получил от прусского короля военный орден *Pour le mérite* и Кульмский крест. Был похоронен в фамильном склепе Шиповых [9, с. 201; 33, т. 23, с. 297]. Гвардии штабс-капитан *Николай Алексеевич Теплов* (1791–1871) участвовал в Бородинском сражении в чине подпоручика Преображенского полка [39]. 29 июля 1837 г. Теплов купил место для погребения в некрополе Донского монастыря «возле покойной жены Федосьи Николаевны», урожденной Тургеневой, тетки знаменитого писателя Ивана Сергеевича Тургенева [13, л. 4 об. – 5; 46, с. 145]. Генерал-майор *Кирилл Михайлович Нарышкин* (1785–1857) в чине штабс-капитана Преображенского полка участвовал в сражениях при Витебске и Смоленске, в арьергардных боях при Вязьме и Гжатске. Отличился при Бородине, состоя адъютантом при генерале от инфантерии М.Б. Барклае де Толли, был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом. За отличие под Малоярославцем получил орден Св. Анны 2-й ст. Участвовал в осаде и взятии Торна, бою под Бауценом, в осаде Дрездена, бою при Лейпциге. 4 мая 1813 г. за отличие по службе был произведен в капитаны. За Кульм получил Кульмский крест. 7 декабря 1813 г. стал полковником с назначением командиром Псковского пехотного полка. В 1814 г. за бой при г. Сен-Дизье имел прусский орден Красного Орла 3-й ст. Памятник на могиле не сохранился [20, с. 451–462]. Полковнику *Михаилу Михайловичу Обольянинову* (1790–1855), участвовавшему в битве в чине поручика Преображенского полка, оторвало

ядром ногу. На его могиле в некрополе Донского монастыря стоит памятник в виде колонки с рустом [14, с. 275].

В чине подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка участвовал в бою при Бородине полковник *Григорий Иванович Нарышкин* (1790–1835). Был контужен от ядра в грудь и живот, за отличие награжден орденом Св. Анны 4-й ст. С января 1813 г. – батальонный адъютант. За Кульму получил орден Св. Владимира 4-й ст. и прусский Железный крест. 23 сентября 1813 г. был произведен в поручики. На его могиле высится памятник в виде колонки с рустом [20, с. 487–490]. В том же полку в чине подпрапорщика участвовал в Бородинском сражении философ и публицист *Петр Яковлевич Чаадаев* (1794–1856). За отличие был произведен в прапорщики. Участвовал в сражениях при Тарутине и Малоярославце. За участие в штыковой атаке при Кульме был награжден орденом Св. Анны 3-й ст. и Кульмским крестом. На его могиле в Донском монастыре чугунная плита [9, с. 193].

Генерал-майор, декабрист, член Союза Благоденствия *Николай Петрович Годаев* (1790–1856) был при Бородине в чине подпоручика лейб-гвардии Измайловского полка батальонным адъютантом. Получил орден Св. Анны 3-й ст. Участник Заграничных походов русской армии. Похоронен в Сретенской церкви Большого собора Донского монастыря [9, с. 53; 22, с. 47]. В том же полку подпрапорщиком в 1812 г. служил гвардии штабс-капитан *Владимир Алексеевич Блохин* (ум. 24 марта 1830), участник Бородинского сражения. Блохин нашел упокоение под папертью Большого собора Донского монастыря [18, т. 1, с. 110; 40]. На территории некрополя похоронен также гвардии полковник *Иван Матвеевич Спиридов* (1788–1819), двоюродный брат П.Я. Чаадаева, в 1812 г. поручик лейб-гвардии Измайловского полка, дивизионный адъютант генерал-адъютанта гр. П.А. Строганова. 20 ноября 1812 г. за отличие произведен в штабс-капитаны [27, с. 298; 40].

Генерал-лейтенант *Владимир Иванович Каблуков-2-й* (1781–1848) в чине полковника лейб-гвардии Кавалергардского полка участвовал в сражениях под Витебском и Смоленском, а в Бородинском сражении командовал эскадром. Получил орден Св. Владимира 4-й ст. с бантом. За отличие при Кульме был награжден орденом Св. Георгия 4-го кл. В 1814 г. отличился при Фер-Шампенаузе, 10 мая 1814 г. был произведен в генерал-майоры со старшинством от 13 марта 1814 г. На его могиле высится гранитная призма [24, с. 319]. Полковником того же полка в 1812 г. был и генерал-лейтенант *Иван Захарович Ершов* (1777–1852). Он, командуя запасным эскадром Кавалергардского полка, сражался при р. Свольне. Под Полоцком командовал Сводным кирасирским

полком, захватил 15-орудийную батарею неприятеля, получил орден Св. Георгия 4-го кл. Участвовал в делах у Смоленян и Чашников, под Батуриным и на р. Березине. В начале 1813 г. его батальону был пожалован Георгиевский штандарт. В составе Кавалергардского полка ходил в атаки под Лютценом, Бауценом и Кульмом, находился при блокаде Магдебурга и Глогау. 15 сентября 1813 г. был произведен в чин генерал-майора. На его могиле в некрополе Донского монастыря возвышается гранитная стела [24, с. 686–687].

Генерал от инфантерии гр. *Павел Дмитриевич Киселев* (1788–1872) в чине поручика Кавалергардского полка сражался при Бородине, участвовал во всех атаках, причем некоторое время, за убыль старших офицеров, командовал 1-м эскадром, получил орден Св. Анны 4-й ст. После Бородинского сражения Киселев стал адъютантом генерала М.А. Милорадовича. Участвовал в сражениях под Тарутино, Вязьмой, Дорогобужем, Красным, в Заграничных походах русской армии. В 1814 г. стал флигель-адъютантом императора Александра I, был произведен в полковники. Над захоронением П.Д. Киселева в Донском монастыре стоит мраморная часовня [12, с. 10–11; 32, т. 10, с. 773–774].

Тайный советник *Дмитрий Михайлович Львов* (1793–1842) был корнетом того же полка, проявил храбрость и мужество при Бородине, получил орден Св. Анны 2-й ст. За Кульм получил орден Св. Владимира 4-й ст. с бантом, за Фершампенуаз – прусский Pour le mérite и баварский орден Максимилиана. На его могиле в некрополе Донского монастыря высится чугунный бюст на постаменте [26, с. 238].

Генерал-майор *Илья Степанович Сорочинский* (1788–1845), женатый на дочери генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова, участвовал в Бородинском сражении в чине ротмистра лейб-гвардии Конного полка, получил орден Св. Анны 2-й ст. 8 января 1813 г. был произведен в полковники. За Кульм имел золотую шпагу с надписью «За храбрость», за Фер-Шампенуаз – орден Св. Георгия 4-го кл. и австрийский орден Леопольда малого креста. Похоронен с женой на кладбище Донского монастыря, но памятник не сохранился [1, с. 85; 22, с. 65; 23, л. 1 об.]. В том же полку при Бородине участвовали два брата: поручиком – в будущем генерал-лейтенант кн. *Николай Яковлевич Голицын* (1788–1850), корнетом – в будущем ротмистр кн. *Григорий Яковлевич Голицын* (1789/91–1821). Первый получил орден Св. Владимира 4-й ст. с бантом, второй был контужен и награжден орденом Св. Анны 3-й ст. В 1813 г. кн. Григорий Яковлевич был ранен в руку под Кульмом. Над его могилой в Донском монастыре стоит чугунный обелиск. Николай Яковлевич нашел упокоение в церкви Михаила Архангела (усыпальнице Голицыных) [1, с. 85; 23, с. 66; 44, с. 235–236].

Генерал-майор *Александр Иванович Базилевич* (1788–1843) при Бородине в чине штабс-капитана командовал 1-й батареей ротой лейб-гвардии Артиллерийской бригады, получил контузию в плечо. 21 ноября 1812 г. получил за отличие орден Св. Георгия 4-го кл. Отличился в сражении при Лейпциге. Над его могилой возвышается высокая колонна [4, с. 223; 14, с. 34]. В той же бригаде в Бородинском бою в чине капитана 1-й Легкой ротой командовал генерал-лейтенант *Алексей Александрович Вельяминов* (1785–1838). Был контужен, но остался в строю. Его могилу украшает постамент с полуколонной [14, с. 76; 15, с. 186, 230]. Генерал от инфантерии кн. *Петр Дмитриевич Горчаков* (1789–1868) в 1812 г. поручиком Артиллерийского батальона служил адъютантом у генерала Ф.Ф. Довре. Участвовал в Заграничных походах русской армии, в 1813 г. – капитан, в 1814 г. – полковник. На его могиле возвышается гранитная призма [5, т. 1, с. 389–390; 19, с. 21–22]. Генерал-майор артиллерии *Александр Богданович Философов* в 1812 г. командовал 2-й понтонной ротой 1-й резервной артиллерийской бригады в чине подполковника, участвовал в сражении на р. Свольне в составе 14-й пехотной дивизии 1-го корпуса гр. П.Х. Витгенштейна. Умер 26 марта 1847 г. и был похоронен в стенах некрополя Донского монастыря [15, с. 478; 18, т. 3, с. 260]. Капитан артиллерии *Яков Александрович Левашов* (1783–1820) в октябре 1813 г. возглавил гвардейскую батарею роту, сформированную из Гвардейского артиллерийского резерва при 1-й запасной артиллерийской бригаде. Его могилу украшает гранитная урна с рустом [7, с. 11; 17].

В Бородинском сражении в чине капитана гренадерской роты 2-го батальона Рязанского пехотного полка защищал Багратионовы флеши полковник *Николай Иванович Прежевский* (1782–1829). После того, как был убит командир полка, он вступил в командование батальоном и делал это «с отличною храбростию», был представлен к чину майора. В дальнейшем командир Рязанского полка. Над его могилой стоит гранитная стела [3, с. 196; 7, с. 12–13]. Там же, при защите Багратионовых флешей, был ранен «в левую ногу пулей навывлет» *Дмитрий Михайлович Юрьев* (1757–1825), тогда капитан гренадерской роты 2-го батальона Софийского пехотного полка. Могилу Д.М. Юрьева венчает гранитная призма с крестом [14, с. 439]. Прапорщиком Минского пехотного полка в Отечественной войне 1812 г. и в Заграничных походах русской армии участвовал гвардии полковник Александр Александрович Левашов (1790–1864). Памятник на могиле не сохранился [7, с. 11; 40].

Полковник *Александр Васильевич Воейков* (1779–1815) в июне 1812 г. стал командиром Пензенского пехотного полка. Осенью 1812 г.

действующие батальоны полка из Крыма были направлены к Брест-Литовску в 3-ю Западную армию и участвовали в преследовании отступавшего противника. В 1813–1814 гг. полк в составе 13-й дивизии под командованием генерал-майора И.П. Росси находился в составе Польской армии, участвовал в осаде крепости Замостье и при Лейпциге. А.В. Воейков умер от полученных ран 8 марта 1815 г. На его могиле стоит гранитная урна с кубом [18, т. 1, с. 52; 25, т. 2, с. 7].

На территории некрополя Донского монастыря похоронен генерал-майор *Владимир Николаевич Ергольский* (1775–1836), в 1812 г. в чине полковника командовавший 43-м егерским полком в составе корпуса генерал-майора М.Л. Булатова в Дунайской армии [6, с. 423]. Батальоном 14-го егерского полка в 1812 г. в чине майора командовал генерал от инфантерии, сенатор *Яков Осипович Отрощенко* (1779–1862). В составе 3-й Западной армии Отрощенко сражался при Городечно, Новосвержене, под Лошницей и на р. Березине. В 1813 г. находился при блокаде Кюстрина и Магдебурга, после Плейсвицкого перемирия был в составе Северной армии при Лейпциге и при блокаде Гамбурга. В 1814 г. в составе Силезской армии отличился в сражениях при Краоне и под стенами Парижа. За отличие в сражение при Краоне был произведен в полковники, имел золотую шпагу с надписью «За храбрость». Нашел упокоение на 5-м участке некрополя [1, с. 317; 25, т. 2, с. 655].

Генерал-майор, художник-баталист граф *Александр Иванович Дмитриев-Мамонов* (1786/1787–1836) в 1812 г. поступил в Московское ополчение, потом был переведен поручиком в Сумский гусарский полк, во время Бородинского сражения исполнял обязанности адъютанта М.И. Кутузова. С 30 апреля 1813 г. воевал в составе лейб-гвардии Гусарского полка. Будучи адъютантом генерала П.П. Палена, участвовал в сражениях при Лютцене и Бауцене, затем, адъютантом генерала А.П. Ермолова, – при Кульме и Лейпциге. В 1814 г. был при взятии Парижа. Отмечен орденами Св. Анны 4-й ст. и Св. Владимира 4-й ст. с бантом. Памятник на его могиле типичен для 1830-х гг.: невысокая колонна красного гранита, пересеченная рустом и увенчанная черной гранитной плитой [10, с. 55–57; 25, т. 1, с. 628–629].

Генерал-майор *Петр Львович Давыдов-3-й* (1777/1782–1842) Отечественную войну 1812 г. встретил в чине майора. В ходе отступления, командуя двумя эскадронами Ахтырского гусарского полка, отличился в аррьергардных боях при Мире и Романове, за что получил орден Св. Георгия 4-го кл. 31 октября за отличие произведен в подполковники. В 1813 г. некоторое время командовал Лубенским гусарским полком, за отличие при Лейпциге произведен в полковники, за кампанию во Франции удостоен чина

генерал-майора. На его могиле возвышается прямоугольный саркофаг [24, с. 220]. В том же полку в 1812 г. в чине поручика служили штаб-ротмистр *Алексей Васильевич Нелидов* (1791–1828) и майор *Петр Иванович Макаров* (1791–1847). Почти сразу после Бородинского сражения Нелидов был ранен в арьергардном бою 29 августа при с. Крымское (Татарка) [14, с. 268; 30, с. 147]. Макаров воевал в партизанском отряде Д.В. Давыдова. Оба нашли упокоение в стенах некрополя Донского монастыря. На могиле Макарова стоит гранитная колонка с рустом [7, с. 11].

24 августа 1812 г. в стремительной атаке Новороссийского драгунского полка, сковавшей наступление корпуса кн. Ю. Понятовского на Шевардинский редут в первый день Бородинской битвы, был убит прапорщик *Василий Иванович Дунин*. На могильном памятнике в виде скорбящей плакальщицы надпись: «...убитый на поле сражения при Бородине 1812 года 24 августа» [7, с. 9; 28, с. 136]. В том же полку в 1812 г. прапорщиком служил отставной гвардии поручик Николай Михайлович Шидловский (умер 9 мая 1863 г.) [18, т. 3, с. 354; 28, с. 569; 35, с. 110].

В составе Московского ополчения в Отечественной войне 1812 г. принимал участие генерал-лейтенант *Федор Иванович Талызин-1-й* (1773–1844). Сначала он стал шефом 3-го егерского ополченческого полка в чине генерал-майора, а во время Бородинского сражения в районе Утицкого кургана командовал 3-й дивизией ополчения. 31 августа стал командиром 2-й бригады 7-й пехотной дивизии. За бои под Малоярославцем получил орден Св. Анны 1-й ст. В кампанию 1813 г. сражался со своей бригадой в войсках Ф.Ф. Винцингероде под Калишем. Получил орден Св. Владимира 3-й ст. С июля 1813 г. командовал 7-й пехотной дивизией. За Кацбах получил алмазные знаки к ордену Св. Анны 1-й ст. За переправу через р. Рейн в декабре 1813 г. награжден орденом Св. Георгия 3-го кл. Участвовал во взятии Парижа. Его брат, генерал-майор *Александр Иванович Талызин-2-й* (1777–1847), в 1812 г. при Бородине командовал 2-м егерским ополченским полком. Участвовал в Заграничных походах, командуя 2-й бригадой 7-й пехотной дивизии, заменив брата. За Ла-Ротьер получил орден Св. Владимира 3-й ст., за Ла Ферте-сюр-Жуар награжден орденом Св. Анны 1-й ст. Их могилы украшают памятники – стела красного гранита и колонка с рустом [24, с. 688–689].

В 4-м пешем полку Московского ополчения в Бородинском сражении в чине подпоручика сражался гвардии прапорщик *Петр Егорович Фаминцын* (1773–1832) [7, с. 15; 30, с. 575]. В том же полку корнетом при Бородине был тайный советник кн. *Андрей Петрович Оболенский* (1769–1852) [7, с. 12; 32, т. 12, с. 23]. На могиле Фаминцына в Донском монастыре стоит урна с рустом красного цвета, на могиле князя Оболенского –

гранитная призма. 21 августа 1812 г. в Московское ополчение в чине прапорщика поступил полковник гр. *Александр Никитич Панин* (1791–1850). За отличие при Бородине Панин был произведен в поручики. За бой под Малоярославцем получил орден Св. Анны 3-й ст. Уже служба в Псковском кирасирском полку, отличился под Лейпцигом. Был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом [36, л. 7]. За отличие в боях при осаде Гамбурга в 1814 г. был произведен в штаб-ротмистры. На его могиле в Донском монастыре стоит гранитная призма с мраморным крестом [7, с. 12]. В составе Московского ополчения при Бородине участвовал генерал-майор, декабрист гр. *Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов* (1790–1863). В 1812 г. он на свои средства сформировал из своих крепостных крестьян и добровольцев казачий полк, получивший его имя. Награжден золотой саблей «За храбрость». Его могилу венчает мраморный обелиск [24, с. 248]. Майором в Московском ополчении был *Стефан Кузьмич Калантаев* (1761–1832). На его могиле возвышается саркофаг [7, с. 10]. С Московским ополчением отличился при Бородине генерал-лейтенант кн. *Алексей Николаевич Долгоруков* (1750–1816). Его могилу в Донском монастыре венчает памятник в виде колонки с рустом [Там же, с. 9]. Московским ополченцем был также генерал-майор и кавалер *Алексей Александрович Ушаков* (1776–1849) [Там же, с. 6]. В чине корнета Московского ополчения поэт и литератор кн. *Александр Иванович Долгоруков* (1793–1868) сражался под Тарутиным и Малоярославцем [Там же, с. 9]. Их надгробные памятники не сохранились. 1 июля 1812 г. урядником в Московское ополчение вступил штабс-капитан *Сергей Александрович Римский-Корсаков* (1794/1798–1883) [8, с. 33, 367; 45, с. 369], нашедший упокоение в стенах некрополя. В 1812 г. в состав Московского ополчения записался выдающийся архитектор *Осип Иванович Бове* (1784–1834), но вскоре был уволен по болезни [25, т. 1, с. 191]. Могилу Бове украшает гранитная стела.

В стенах некрополя похоронен коллежский советник *Иван Павлович Ключарев* (1789/1792–1848). 11 августа 1812 г. он поступил в Смоленское ополчение сотенным начальником. Участвовал в Бородинском сражении, 5 октября 1812 г. назначен адъютантом к командиру Смоленского ополчения генерал-лейтенанту Н.П. Лебеву. В память войны 1812 г. имел серебряную и бронзовую медали [21, с. 172; 33, с. 115–116].

В 1812 г. Нижегородским ополчением и 3-м ополченским округом в чине генерал-лейтенанта командовал генерал от инфантерии гр. *Петр Александрович Толстой* (1769–1844). В конце 1812 г. выступил в поход с частями ополчения, участвовал в походе до Варшавы. По прекращении Плейсвицкого перемирия его войска были сведены в особый корпус,

вошли в состав Польской армии и содействовали взятию Дрездена. Был награжден золотой шпагой «За храбрость» с алмазами. Надгробный памятник на его могиле не сохранился [24, с. 705]. Старший сын генерала, тоже похороненный в некрополе, генерал от кавалерии гр. *Алексей Петрович Толстой* (1798–1864) в 1813 г. вступил в Нижегородское ополчение, 21 мая 1813 г. был назначен прапорщиком в Свиту Его Величества [5, т. 2, с. 587].

Генерал-майор, шталмейстер кн. *Александр Федорович Щербатов* (1778–1817) в 1812 г. сформировал два полка Тульского ополчения и, командуя ими, участвовал в боях под Тарутиным и Красным, во взятии Парижа. Памятник не сохранился [24, с. 809]. В составе Тульского ополчения подпоручиком 3-го пешего полка служил поручик *Александр Аркадьевич Терский* (1791–1856), участвовал в сражениях под Тарутиным, Малоярославцем, в осаде Данцига. На его могиле стоит гранитная призма [7, с. 14].

Московский гражданский губернатор, тайный советник, сенатор *Николай Андреевич Небольсин* (1785–1846), будучи полковником, 15 июля 1812 г. был назначен командиром Конного полка Костромского ополчения. Участник Заграничных походов русской армии, награжден орденом Св. Георгия 4-го кл. На его могиле высится обелиск из красного гранита [32, т. 10, с. 166]. Корнетом того же полка был действительный статский советник *Александр Алексеевич Бехтеев* (1795–1849). С 13 марта 1813 г. стал адъютантом командира Костромского ополчения генерал-лейтенанта П.Г. Бардакова, в августе переведен во 2-й пехотный полк ополчения с оставлением в адъютантах. Участник блокады Глогау. С 4 марта 1814 г. служил в Орденском кирасирском полку. Награжден орденом Св. Анны 4-й ст. Памятник на могиле не сохранился [29, с. 216–217].

В 1-й пеший полк Нижегородского ополчения в 1812 г. вступил коллежский асессор *Иван Петрович Петров* (1788–1861), участник Заграничных походов русской армии. На его могиле поставлен гранитный саркофаг [7, с. 12]. В составе Симбирского ополчения в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии участвовал в чине корнета Конного полка *Александр Васильевич Толстой* (1770–1823). В 1-м пешем полку Симбирского ополчения воевал гвардии поручик Андрей Петрович Ниротморцев (1776–1827). На могиле Толстого возвышается гранитная урна с рустом, на могиле Ниротморцева – памятник в виде колонки с рустом [Там же, с. 12–14].

Генерал-майор по флоту *Михаил Лаврентьевич Львов* (1757/1758–1825) в 1812 г. по выбору дворян Медынского уезда Калужской губернии был назначен командовать 3-м пешим полком Калужского ополчения,

состоящим из ополченцев Медынского уезда. Совместно с Донским казачьим полком Быхалова-1-го прикрывал кордонные линии вдоль границ Калужской губернии, потом занимался очищением от отставших и бродячих групп неприятеля южных уездов Смоленской губернии, был ранен при занятии Могилева. За отличие награжден орденом Св. Владимира 3-й ст. [25, т. 2, с. 386; 32, т. 10, с. 461].

В чине подпоручика 2-го пешего полка Владимирского ополчения воевал младший брат И.М. Спиридова коллежский ассессор *Андрей Матвеевич Спиридов* (1789–1847). С частями ополчения в октябре 1812 г. освобождал Богородск (Ногинск), участвовал в ликвидации отрядов у западных границ Российской империи в 1813 г. На его могиле возвышается призма красного гранита [7, с. 13]. Штабс-капитаном 4-го пехотного полка Владимирского ополчения был артиллерии штабс-капитан *Василий Андреевич Калачев* (1785–1843). Его могилу в Донском монастыре украшает памятник в виде колонки с рустом [Там же, с. 10]. Такой же памятник возвышается над могилой генерал-майора *Якова Даниловича Мерлина* (1753–1819), получившего наибольшее количество голосов при баллотировке на должность начальника Саратовского ополчения, хотя оно в 1812 г. не потребовалось [43, с. 39].

Действительный статский советник Матвей Андреевич Баталин (1769–1855) в 1812 г. был штаб-доктором в должности корпусного доктора при Главной Квартире 1-й Западной армии. За отличие в Смоленском сражении, сражениях при Валутиной Горе и Бородине 6 декабря 1812 г. награжден орденом Св. Анны 2-й ст. За участие в Заграничных походах в 1814 г. получил орден прусского Красного Орла 3-й ст. и французский орден Почетного Легиона [34, с. 99; 42]. Похороненный в некрополе действительный тайный советник *Егор Александрович Дурасов* (1781–1855) в 1812 г. в чине полковника был московским полицмейстером [17, с. 573].

Нашли упокоение в стенах Донского монастыря и гражданские герои Отечественной войны 1812 г. В Малом соборе Донского монастыря был похоронен управляющий Московским архивом министерства иностранных дел действительный статский советник *Николай Николаевич Бантыш-Каменский* (1737–1814), в 1812 г. своевременно вывезший архив из Москвы. Гранитная пирамида с акротериями украшает могилу главного смотрителя Московского Воспитательного дома действительного статского советника *Ивана Акинфиевича Тутолмина* (1752–1815), получившего орден Св. Анны 1-й ст. за спасение Воспитательного дома во время оккупации Москвы французами [25, т. 3, с. 500]. Мраморный крест стоит на могиле серпуховского купца 1-й гильдии *Василия Васильевича*

Варгина (1791–1859). В 1812 г. он снабжал армию холстом по низким ценам, став поставщиком Комиссариатского департамента, что позволило сохранить казне многие миллионы [25, т. 1, с. 270–271].

На сегодняшний день число захоронений героев Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. достигает 80. Не случайно в путеводителе по некрополю, изданном ГНИМА им. А.В. Щусева, старое кладбище Донского монастыря названо «некрополем героев этой освободительной войны» [7, с. 4]. Надеюсь, что новые архивные материалы и документы дополнят это число новыми именами.

Библиографический список

1. Анненков И.В. История л.-гв. Конного полка. Ч. 2. Примечания. СПб., 1849.
2. Артамонов М.Д. Московский некрополь. М., 1995.
3. Бородино. Документальная хроника. М., 2004.
4. Военный орден Святого великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник. М., 2004.
5. Волков С.В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 1, 2. М., 2010.
6. Габаев Г.С. Роспись русским полкам 1812 года. Справочник. М., 2013.
7. Герои Отечественной войны 1812 г. Путеводитель по некрополю Донского монастыря. М., 1988.
8. Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. Чаадаев П.Я. Очерки прошлого. М., 1989.
9. Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.
10. Домбровский И.Е. Некрополь Донского монастыря. М., 2007.
11. Долгов С., Афанасьев А.Н. История Лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883 г. Т. 3. 1801–1883. СПб., 1888.
12. Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 1. СПб., 1882.
13. Книга записи денежных сумм, получаемых от кладбища Донского монастыря. 1837–1844 гг. // Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 421 (Московский ставропигиальный Донской монастырь). Оп. 1. Д. 5500.
14. Книга памяти офицеров Российской армии, убитых и раненых в Отечественной войне 1812 г. / Сост. С.В. Львов. М., 2012.
15. Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998.
16. Лейб-гвардии 2-я артиллерийская бригада // Русская императорская армия. URL: <http://www.regiment.ru/reg/1/C/2/1-2.htm> (дата обращения: 29.05.2014).
17. Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 1. М., 2011.
18. Московский некрополь / Сост. В.И. Сайтов, Б.Л. Модзалевский. Т. 1. СПб., 1907. Т. 3. СПб., 1908.
19. Нарбут А.Н. Князя Горчаковы. Родословные росписи. Вып. 19. М., 2003.
20. Нарышкин А.К. В родстве с Петром Великим. Нарышкины в истории России. М., 2005.
21. Наумов О.Н. Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 2. М., 2010.

22. Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1812. СПб., 1812.
23. Описание памятников, находящихся на кладбище Донского монастыря. XIX в. // ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7756.
24. Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия / Отв. ред. В.М. Безотосный. М., 2004.
25. Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: Энциклопедия / Отв. ред. В.М. Безотосный, А.А. Смирнов. Т. 1–3. М., 2012.
26. Панчулидзе С.А. Сб. биографий кавалергардов. Т. 3. СПб., 1906.
27. Петров П.Н. История родов русского дворянства. Кн. 2. М., 1991.
28. Потто В.А. История Новороссийского драгунского полка. 1803–1865. СПб., 1866.
29. Пэнежко О. Город Киржач, храмы Киржачского и Кольчугинского районов Владимирской области. Владимир, 2008.
30. Руммель В.В. и Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб., 1887.
31. Русские генералы в войнах с Наполеоновской Францией в 1812–1815 гг. Подробная роспись // Российский архив. Т. 7. М., 1996. С. 257–645.
32. Русский биографический словарь / Под ред. А.А. Половцева. Т. 10. СПб., 1914. Т. 11. СПб., 1914. Т. 12. СПб., 1912. Т. 23. СПб., 1911.
33. Рындин И.Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 4. Рязань, 2009.
34. Савелов Л.М. Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1. М., 1914.
35. Сб. тр. потомков участников Отечественной войны 1812 г. Вып. 1. М., 2008.
36. Свидетельство о военной службе; паспорт и патент на чин гвардейского ротмистра гр. Панина А. и сообщение главнокомандующего польской армией о награждении его орденом св. Владимира 4 ст. 26 октября 1813 г. – 20 октября 1819 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1378 (Мещерские). Оп. 1. Д. 1.
37. Слово при погребении князя Голицына Д.В. (печатный материал). 1848 г. // РГАДА. Ф. 1263 (Голицыны). Оп. 10. Д. 2526.
38. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. III. Отд. IV. Память о членах Военного совета / Сост. Н.М. Затворницкий. СПб., 1907.
39. Участники войны 1812 г. Л.-гв. Преображенский полк // Офицеры 1812 г. Информационный ресурс по офицерам Российской Императорской армии Эпохи Отечественной войны 1812 г. URL: <http://officers.wardoc.ru/officers.php?id=1> (дата обращения: 29.05.2014).
40. Участники войны 1812 г. Л.-гв. Измайловский полк // Офицеры 1812 г. Информационный ресурс по офицерам Российской Императорской армии Эпохи Отечественной войны 1812 г. URL: <http://officers.wardoc.ru/officers.php?id=3> (дата обращения: 29.05.2014).
41. Участники войны 1812 г. Минский пехотный полк // Офицеры 1812 г. Информационный ресурс по офицерам Российской Императорской армии Эпохи Отечественной войны 1812 г. URL: <http://officers.wardoc.ru/officers.php?id=69> (дата обращения: 29.05.2014).

42. Участники войны 1812 г. Медики // Офицеры 1812 г. Информационный ресурс по офицерам Российской Императорской армии Эпохи Отечественной войны 1812 г. URL: <http://officers.wardoc.ru/medic.php> (дата обращения: 29.05.2014).
43. Хованский Н.Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1912.
44. Целорунго Д.Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения. Историко-социологическое исследование. М., 2002.
45. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1989.
46. Чернов Н.М. Провинциальный Тургенев. М., 2003.

И.А. Купцова

Культура провинции в пореформенный период развития российского общества

В статье анализируются факторы динамики российской провинции после реформ 1860-х гг. Особое внимание уделено субъектам провинциального сообщества и культуры, а также условиям исторического развития провинции. Рассматривается социально-сословная структура провинциального общества, выявляются механизмы сословной трансформации. Анализируется взаимосвязь провинции и столицы, роль учреждений культуры в их развитии.

Ключевые слова: провинциальная культура, российская культура, пореформенный период, динамика культуры, трансформация культуры, культура России XIX в.

После отмены крепостного права в 1861 г. и ряда проведенных затем реформ в разных областях общественной жизни в России произошла стремительная трансформация как культуры в целом, так и ее локальных вариантов. Законодательно-правовые механизмы динамики российского общества шли из центра и, реализуясь в провинции, вызывали к жизни новые явления культуры [8]. Реформы 1860-х гг. заложили основы формирования рыночных отношений, распространения новых технических

средств, появления новых производств, освоения новых территорий, а также качественным образом изменили отношения между людьми.

Социальная стратификация провинциального общества претерпела коренные изменения, сохраняя при этом сословную составляющую, которая характеризовалась обособленностью социальных групп, различием в их системе ценностей, образе жизни, образовании [9]. Ведущей социальной и культурной силой продолжало оставаться *дворянское сословие*, которое олицетворяло элитарную аристократическую культуру российского общества, и было неоднородным по своему внутреннему составу. При стратификации данного сословия исследователи [1, с. 45] опираются на вид деятельности его представителей и выделяют два основных слоя: служилое дворянство, основным источником доходов которого являлась государственная служба, и поместное дворянство, получавшее средства за счет владения землей [1, с. 45]. Среди последнего традиционно принято выделять категории дворянства в зависимости от величины земельного имущества: крупнопоместное, среднепоместное и мелкопоместное. При этом в пореформенное время происходило значительное внутрисословное изменение дворянства.

В последней четверти XIX в. нарастал процесс сокращения поместного землевладения. Опережающими темпами шло падение величины земельного фонда относительно сокращения численности землевладельцев, т.е. происходило сокращение общего объема земли у помещиков и величины их наделов. В то же время наблюдалось интенсивное внутреннее перераспределение земли. С одной стороны, крупные помещики являлись главными покупателями земли у мелкопоместного и среднепоместного дворянства, с другой – именно крупные поместья дробились и переходили в собственность в том числе представителей других сословий. Таким образом, в пореформенный период произошло измельчание среднестатистического поместья при уменьшении общей площади поместной земли. В результате этих изменений больше всего пострадало мелкопоместное дворянство (оно преобладало в средней полосе России), которое в силу тяжелого экономического положения утрачивало статусные признаки, не могло обеспечивать соответствующий образ жизни и характер занятий для себя и своих детей. Поэтому его представители активнее, чем крупнопоместное дворянство, интегрировались в новую структуру общественной занятости и экономического производства.

В пореформенный период имперской России появляется особый слой в составе дворянства – частные предприниматели, интересы которых реализовывались в промышленной сфере и в сфере обслуживания. Представители данной группы оставались малочисленными, в том числе

вследствие негативного, пренебрежительного отношения в дворянской среде к хозяйственным занятиям и торговле.

Изменения, происходившие в социально-экономической и общественно-политической сфере, сказывались и на ценностных ориентациях дворянского сословия. Исследователи дворянской культуры отмечают такие базовые черты менталитета дворянства, как «цивилизованный патриотизм, его составными частями были религиозность, жертвенность, чувство собственности, верности долгу и присяге, кодекс дворянской чести, ответственность, естественность связи с народом и властью» [1, с. 67]. Эталоном поведения являлись идеальные нормы – разум, честь, достоинство. Основной идеей являлось служение Отечеству. Институтами, которые транслировали данную систему ценностей, являлись семья и образование. Однако изменявшаяся общественная и экономическая ситуация «размывала» ценностные ориентиры провинциального дворянства. Многие дворянские дети лишались возможности получить высшее образование вследствие отсутствия средств и других возможностей у семей.

В пореформенный период дворянство постепенно начинает утрачивать былое ведущее положение в провинциальном обществе. Крупные помещики, как правило, живут в столицах, редко бывают в провинции, их делами на местах управляют доверенные лица. Дворяне, занявшись промышленно-торговыми предприятиями, практически все время посвящают делам и не находят возможности для участия в общественно-политической и культурной жизни провинциальных городов. Мелкопоместное дворянство находится в крайне затруднительном материальном положении и, по существу, уже не отражает ценностно-смысловой комплекс дворянских традиций и образа жизни.

Постепенно уходят в прошлое сельские дворянские усадьбы, которым прежде принадлежала роль своеобразного «культурного магнита» для той местности, где они располагались. Становятся историей усадебные салоны, театры, библиотеки, коллекции, собрания дворянского общества, ветшают архитектурные ансамбли, приходят в запустение парки и сады. В последней трети XIX в. сельские дворянские усадьбы можно разделить на два типа. Первый – усадьба как развитый промышленно-хозяйственный комплекс, который отражал успешность деятельности своих владельцев, перестроившихся в соответствии с экономическими и общественными изменениями. В рамках таких усадеб открывали маслобойное, винокуренное, свеклосахарное, полотняное и др. производства, содержали оранжереи, занимались рыбоводством. Второй тип, который в большинстве своем представляли малые и средние поместья, – это

разорившиеся или разоряющиеся усадьбы, где царили запустение и бедность. В дальнейшем эти типы трансформировались в доходные усадьбы и усадьбы-дачи соответственно. При этом далеко не всегда они оставались собственностью представителей дворянского сословия.

Социальная структура российского общества конца XIX в. заметно усложнялась, формировались новые социальные группы и классы. Потомственные и личные дворяне пополняли ряды профессиональной интеллигенции, чиновников, формирующейся буржуазии. Дворянство было вынуждено по-новому взглянуть как на свое хозяйственное положение, так и на место в общественной структуре. Оно оказалось втянутым в круг понятий новой капиталистической эпохи, и должно было само заниматься своим хозяйством или осваивать современные профессии [1, с. 131].

Заметную роль в русской провинциальной культуре пореформенного периода продолжало играть купечество, которое представляло собой исторически сложившуюся социальную группу, отличающуюся по профессиональному признаку и общественному статусу. Несмотря на длительную фактическую историю существования, закрепление официального статуса купечества происходит лишь в XVIII в. с оформлением гильдий (сначала три, а затем две купеческие гильдии). Таким образом, начиная со второй половины XVIII в., все горожане делились на купцов и мещан (в данном случае мы не рассматриваем дворянское сословие). Гильдейское купечество занималось традиционным торговым делом, а затем подключилось к развитию промышленного производства, банковской сферы, новых видов услуг.

Характерными чертами представителей купеческого сословия являлись зачастую противоположные качества. С одной стороны, можно отметить трудолюбие, способность много и продуктивно работать, расчетливость, честность в делах. С другой, бесшабашность, разгульность, пьянство. Прогрессивность в смысле использования технических нововведений в своем деле сочеталась у купцов с архаичностью в личных, семейных отношениях, а также в других формах взаимодействия с окружающими. Из очерка с описанием текстильной фабрики пореформенного периода мы узнаем: «Машины у нас все новенькие, начиная с неуклюжей трепальной машины до живчика-станка, – все только что выписано из-за границы и со всеми новейшими усовершенствованиями европейской промышленной изобретательности; что же касается до управления фабрикой, помещения рабочих, заработной платы и других порядков, то все это у нас самое старое, патриархальное, завещанное дедами и прадедами...» [2, с. 376–377]. На одном полюсе характеристик купечества – честность

и порядочность (известная нерушимость честного купеческого слова), на другом – лукавство, которое до сих пор считается вполне естественным в торговых делах. Особо отметим предприимчивость и одновременно религиозность представителей купеческого сословия (в купеческой среде было много старообрядцев).

В пореформенное время именно купеческое сословие во многом определяло культурное «лицо» провинциального города. Через купеческую среду в провинцию привносятся многие городские новшества: возникает и развивается реклама (в т.ч. печатная), через торговлю проникает мода, появляется книгоиздательское и книготорговое дело и т.д. Купечество было наиболее подвижной и динамичной частью провинциального общества, его представителей отличал более широкий, по сравнению с мещанами, кругозор. Данный социальный слой через коммерческую деятельность транслировал в провинции актуальные для столиц тенденции и направления развития культуры (правда, в весьма своеобразной трактовке, имевшей существенный «налет» местных особенностей).

Уже в конце XVIII – начале XIX вв., во многом в результате инициатив купечества, русская провинция продемонстрировала стремительное развитие народных промыслов: елецкие кружева, фарфоровое производство Гжели, лаковая миниатюра Федоскино, Палеха и Мстеры, сергиево-посадские матрешки и др. Сначала многие виды изделий создавались по зарубежному образцу, но затем непременно обретали самобытность, неповторимые характерные черты и свой «фирменный» стиль. Особо выделим исконные русские народные промыслы, возникшие и развивавшиеся самостоятельно: хохломская роспись, жостовские подносы, дымковская/вятская игрушка, ростовская финифть, павлово-посадские платки и шали, великоустюжская/северная чернь и многое другое [10]. Они продолжали свое развитие наряду с заимствованными художественными ремеслами. Таким образом, проявилась способность провинциальной культуры, с одной стороны, воспринимать и творчески трансформировать инокультурные образцы, а с другой – самостоятельно порождать явления художественной культуры.

Одновременно посредством торгово-промышленной деятельности купечества началось проникновение передовых технических достижений из провинций на национальные окраины российской империи (в Закавказье, Среднюю Азию, на Дальний Восток). Например, торговый дом «Т.М. Филатов», зарегистрированный в дер. Шувои Богородского уезда Московской губернии, построил Механическо-ткацко-красильную фабрику для Средней Азии, рекламу которой издавал как на русском,

так и на арабском языках [12, с. 329]. Воспринимая зарубежные технические новшества, провинция их осваивала и транслировала дальше, за пределы своего социокультурного пространства. И, хотя целью этой деятельности было, прежде всего, получение прибыли, она значительно сказывалась на местной провинциальной жизни, привнося сюда новые технологии, промышленные изделия и отношения между людьми. Примечательно, что на многих подобных мануфактурах, превратившихся затем в фабрики, работали, в основном, вчерашние крепостные крестьяне, не только осваивавшие новые виды деятельности, которые существенно отличались от крестьянского труда, но и переживавшие трансформацию ценностно-смыслового комплекса, вызванную городской культурной средой.

На средства купечества в провинциальном городе нередко возводились торговые ряды, общественные здания (например, дома купеческого собрания), учреждения образования, театры, храмы. Купцы прославились своей благотворительностью, мотивы которой имели противоречивые основания: с одной стороны, религиозная традиция, желание заслужить прощение своих грехов, с другой – возможность получить государственный чин, звание, награду.

Несмотря на традиционное внимание и обилие источников по истории дворянства и купечества, необходимо отметить малочисленность данных сословий в общей социальной картине российского общества. Совокупное число дворян и купцов в 1897 г. составляло по разным оценкам от 0,5 до 1% населения в границах Российской империи. При этом доля городского населения составляла 16% в 1897 г. и 18% в 1914 г. Сословный состав населения городов России в 1897 г. оценивается следующим образом: дворянство и чиновничество – 6,2%; духовенство – 1%; почетные граждане – 1,1%; купцы – 1,3%; мещане – 44,3%; крестьяне – 38,8%; военные – 1%; инородцы – 3,7%; иностранные подданные – 1,5% [7, с. 180].

Наиболее многочисленным слоем горожан, в том числе и в провинции, в пореформенный период являлось мещанство. Само слово «мещане» польского происхождения и в переводе означает «горожанин, житель города». Таким образом, изначально мещанство рассматривалось как городское сословие. Мещанство определялось как «средний род людей», «городские обыватели»; также как и крестьяне, мещане относились к податному сословию и передавали сословную принадлежность по наследству (в отличие от личного дворянства и купечества). По роду деятельности они были мелкими торговцами, приказчиками, ремесленниками, прислужгой, фабричными рабочими. По происхождению это могли быть купцы, не желавшие оглашать размер своего капитала, а также

разбогатевшие и переехавшие в город крестьяне, которые могли подтвердить свой доход и «приписаться» к мещанству.

Мещане – представители мелкой торговли, ремесла – в пореформенное время участвовали в формировании нового социокультурного пространства провинции. В своем большинстве мещанство тяготело к традиционной культуре и оставалось ее носителем, проявляя общие с крестьянством черты мировоззрения, духовно-нравственных позиций, ценностных ориентаций. В то же время представители мещанства нередко становились проводниками культурных и социальных новаций. Так, они осваивали новые профессии, характерные исключительно для городского образа жизни (например, среди мещан было много модных портных, тогда как крестьяне в изготовлении одежды обходились своими силами). В мещанской среде пореформенного периода появляется профессиональная прослойка юристов, учителей, врачей.

Технические и технологические новшества последней трети XIX в. привели к появлению новых профессий: железнодорожных служащих, почтовых работников, телеграфистов, фотографов, в среде которых находили себе применение выходцы из мещанского сословия. В массе провинциальных обывателей они заметно выделялись не только наличием образования и специальных профессиональных навыков, но и контрастом самой сути их занятий с прежними традиционными и устоявшимися видами деятельности (торговля, ремесло, услужение др.).

В повседневной жизни провинциальных мещан нашло яркое отражение обращение к досугу и развлечениям, причем как традиционного, так и нового вида. Основная тенденция была связана с ростом новых форм не индивидуального, а общественного досуга. Среди них можно назвать: народные гуляния, балаганы, аттракционы, вечеринки, танцы. Как верхний слой купечества старался подражать дворянам, так и зажиточные мещане стремились к выражению «благородности». Обеспеченные горожане начинают летом выезжать на дачу; мужчины посещают клубы, играют в карты, бильярд [6]. При этом представители данного сословия, как правило, оставались достаточно равнодушными к общественной жизни, плохо знали события, происходившие в стране; их больше интересовал внутренний городской мирок и его новости. В мещанстве выделяется образованное и прогрессивное меньшинство и патриархальное большинство городских обывателей, которые были ориентированы на традиционные народные ценности культуры.

Наряду с мещанством многочисленным слоем населения провинциальных городов являлось крестьянство. Несмотря на то, что многие из крестьян постоянно проживали в городе или проводили в нем значительную

часть времени, рассматривать данное сословие как носителей городской культуры будет не вполне корректно. Крестьяне сохраняли непосредственные, в т.ч. родственные, связи с селом, деревней и являлись носителями традиционной народной культуры. Обладая сословной замкнутостью, крестьянство менее других слоев было подвержено культурным инновациям (главным образом, из-за крайне низкого уровня образования, да и просто отсутствия грамотности), проявлявшимся в провинциальной городской среде. При этом в пореформенный период формируются юридические условия для социальной мобильности крестьян. Однако на практике произошло обнищание, обезземеливание заметного числа их представителей (особенно в Центральном регионе России), которые приходили в город и постепенно осваивали новые для них виды профессиональной деятельности. Характерными чертами крестьянства того периода являлись: патриархальность, традиционализм, религиозность, семейственность.

Заметным субъектом культурной активности второй половины XIX в. стали разночинцы [3; 11; 13]. Эту своеобразную межсословную категорию населения составили выходцы из духовенства, купечества, мещанства, крестьянства, мелкого чиновничества, солдат. Отличительной характеристикой разночинцев являлось наличие образования. Отрываясь от прежней социальной среды, представители данной социальной группы были вынуждены зарабатывать на свое содержание, в основном, умственным трудом. В художественной литературе и публицистике того времени разночинцы часто противопоставлялись дворянам. Они воспринимались не только как социальный слой, но и как носители новой идеологии – либеральной, демократической, прогрессивной, революционной. Определенная их часть была сторонниками радикальных политических преобразований. Разночинцы представляли собой слой прогрессивных представителей нового этапа развития России, связанного с буржуазными преобразованиями. Они стали прообразом русской интеллигенции.

Субъекты русской провинциальной культуры определяются не только по сословному признаку. Их формирует общность культурных ориентаций и предпочтений: мировоззрение, общественные взгляды, художественный вкус, отношение к судьбе своей малой родины, своего края. Рассмотрим факторы, динамизировавшие провинциальную культуру пореформенного периода, более подробно.

Рост образованной части населения провинции в пореформенное время особенно сказался на изменениях в культурной жизни малых и средних городов [14]. Провинциальная культура во многом зависит от состояния

общественных контактов и коммуникационных связей, расширяющих круг взаимодействий и увеличивающих интенсивность общения провинций между собой, а также с крупными центрами и столицами. Возраставшие под давлением экономических и социальных изменений потребности в более тесных и частых контактах между различными российскими регионами приводят во второй половине XIX в. к распространению печати, почты, телеграфа как основных информационных звеньев этого взаимодействия. Наряду с традиционными письмами, благодаря развитию почтовой службы через систему подписки в повседневную жизнь русской провинции входят газеты и т.н. «толстые» журналы. Среди выписываемых изданий были как центральные газеты и журналы («Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Коммерческая газета», «Земледельческая газета», «Собрание романов», «Моды», «Современник», «Отечественные записки» и др.), так и местные издания (прежде всего, «Губернские ведомости»).

Несмотря на скромное число подписчиков, данная тенденция свидетельствует о формировании в провинции прослойки жителей, занимавших активную общественную позицию, интересовавшихся не только местными событиями, но и тем, что происходит в стране и столицах. Благодаря периодической печати, жители провинциальных городов могли познакомиться как с новостями, так и с научными открытиями, новинками отечественного и зарубежного литературного творчества (например, журнал «Отечественные записки» включал разделы: «Современная хроника России», «Науки», «Словесность», «Художества», «Современная библиографическая хроника»; на его страницах публиковались произведения Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Д.И. Писарева, А.Н. Островского и др.). Почтовое сообщение качественно изменилось с появлением и развитием сети российских железных дорог.

В целом железная дорога заметно повлияла на судьбу многих провинциальных городов. Там, где она проходила, появлялись новые виды профессиональной деятельности, общественные объекты (строились железнодорожные вокзалы, станции, ремонтные мастерские и т.д.), что вносило неизбежные изменения в повседневную жизнь. Провинциальные города, оказавшиеся в стороне от железной дороги (зачастую по воле верхушки местного общества, которая не увидела перспектив этого нововведения, как это, например, произошло в Суздале), как правило, приходили в упадок и запустение. Позже они окончательно оказались на «обочине» экономического, социального и культурного развития. Напротив, провинциальные города, связанные железнодорожным сообщением, в конце XIX в. получили дополнительный импульс динамики.

Отчасти это положение сохраняется и в настоящее время, учитывая плохое состояние автомобильных дорог, неразвитость малой авиации и малого речного судоходства в условиях масштабности территорий нашей страны.

Железные дороги связали губернские города с уездными, столицы – с регионами, город – с селом. К концу XIX в. в Центральной России железными дорогами были соединены все губернские и многие уездные города [7, с. 399]. Они меняли облик провинциальных городов, а также представление о времени и пространстве у их жителей. «Чугунка» постепенно вошла в повседневность провинциальной культуры, стала темой фольклора и художественного творчества (например, изображение паровоза использовалось в рекламе, упаковке, рисунке ткани т.д.).

По железной дороге почтовой службой в библиотеки и книжные магазины провинции пересылались книги, теперь они гораздо быстрее доходили до отдаленных уездов и малых городов. Чтение входило в повседневную жизнь населения провинциального города. Столичные торговцы книгами стремились расширить региональный охват и объем своей торговли и активно сотрудничали с владельцами книжных лавок и магазинов в провинции. Появились дешевые издания, в т.ч. русской классической литературы, которые были рассчитаны на бедные слои населения, жителей отдаленных территорий. Происходила своеобразная популяризация чтения, опиравшаяся на предпочтения разных слоев жителей провинциального города и модные веяния из столиц.

На формирование субъектов провинциальной культуры также оказало влияние появление публичных библиотек и музеев в малых городах. Если в начале XIX в. эти учреждения культуры находились только в столицах, затем крупных городах, то к концу века музеи и библиотеки работали почти во всех губернских и многих уездных городах. Их открытие, как правило, было инициативой местного общества или частных лиц. В провинции появляются городские картинные галереи, создаются художественные объединения. Работники данных учреждений культуры становятся значимыми субъектами культурной активности русской провинции. Во второй половине XIX в. массовым явлением в провинции был театр. Постоянные театры или временные труппы работали в ряде губернских и в некоторых уездных городах. В эти годы театры были в Орле, Рязани, Костроме, Пензе, Смоленске, Саратове, Самаре, Калуге [4, с. 406].

Особая роль в изменении культурной жизни провинциальных городов пореформенного периода принадлежала деятелям земств. Созданные в ходе Земской реформы по «Положению о губернских и уездных

земских учреждениях» в 1864 г. эти выборные межсословные органы местного самоуправления постепенно стали играть важную роль в жизни провинции (особенно уездных и удаленных городов). В земские учреждения входили наиболее активные помещики, купцы, разночинцы, крестьяне. Возглавлял земство предводитель дворянского собрания (губернского или уездного). Земство составляли как выборные гласные, участвовавшие в этой деятельности безвозмездно, так и наемные служащие: врачи, фельдшеры, учителя, статистики, агрономы, ветеринары, работавшие за счет средств земства. В рамках земства происходило взаимодействие различных сословий провинциального сообщества, которые в недалеком прошлом были «изолированы» друг от друга. Они работали совместно, реализуя потенциал самоорганизации провинциальной культуры, и заботились о благополучии своей территории.

Именно члены земств проявляли особую заботу и внимание к местным проблемам провинции. Их усилиями открывались учреждения образования, медицины (больницы или фельдшерские пункты), оказывалась помощь и поддержка учителям, врачам; была организована земская почта (проникала в самые отдаленные населенные пункты и часто работала лучше государственной), которая служила для сообщения внутри уездов и обмена корреспонденцией с государственной почтовой службой. Результатами деятельности земств явилась сеть дорог в провинции, соединившая самые отдаленные поселения с центром; многочисленные школы, больницы; агрономические новшества на селе. Земства представляли значительную общественную силу и выступали фактором культурного развития в провинциальных городах.

В деятельности земств проявилась способность местных сообществ к самоорганизации, хотя инициирована она была «сверху» государством. Это удачный пример инновационного начала, зародившегося в центре и успешно воплощенного на местах. Однако уже вскоре государственная власть обеспокоилась той силой и самостоятельностью, которую набирали земства. Новое земское законодательство 1890 г. сократило число гласных и придало избирательным собраниям сословный характер, а также существенно ограничивало права земств. Отметим и разобщенность земств, развившуюся как результат отсутствия единого общероссийского органа, который позволил бы координировать действия земств в масштабах всей страны (Всероссийский земский союз был создан лишь в 1914 г. с началом Первой мировой войны, но уже не смог сыграть существенной роли в России, стремительно вступавшей в эпоху военно-политического кризиса). В деятельности земств разных уездов и губерний прослеживается характер динамических процессов по линии провинция – провинция,

отличавшийся слабыми связями и незначительным взаимодействием между локальными пространствами. Также деятельность земств проникнута дуализмом, базирующемся на противопоставлении правительственного и местного начал. В этом случае положение земств отражает динамику провинциального пространства, развивавшуюся по линии центр – периферия, а также внутривинциальные взаимодействия различных властных и исполнительных ветвей. Деятельность земств, при выборности гласных из всех социальных страт, все же носила сословный характер. Это проявлялось в формировании бюджетов земств, где основное бремя ложилось на владения крестьян [5].

В пореформенный период XIX в. изменения характера динамики провинции связаны с развитием средств связи (улучшением работы почты, появлением телеграфа), возникновением сети железных дорог, распространением периодической печати. При этом отметим, что данные факторы оказывались значимыми для небольшой прослойки горожан, составлявших «верхушку» (как властную, так и интеллектуальную, профессиональную) провинциального сообщества.

Жизнь провинциального обывателя в пореформенный период во многом оставалась неизменной и основывалась на многовековых народных традициях. Бытовало сложившееся гендерное распределение занятий и сфер влияния в семье. Традиционно мужчина отвечал за семью в целом, обеспечивал ее материально, имея стабильный доход от имеющейся недвижимости, развивая свое дело, получая жалование, поступив на государственную службу или работая по найму. Женщина занималась воспитанием детей и поддержанием домашнего хозяйства. Отдельные категории работающих женщин – это представительницы педагогических специальностей (домашние гувернантки, учителя музыки и т.д.), а также разного рода прислуга. Постепенно женщины, получившие образование (в основном, из разночинской среды), заявляют о себе в сфере общественной жизни. Они становились учителями, актрисами, писателями, сестрами милосердия и уже оказывали, пусть незначительное, влияние на провинциальную культуру.

Отметим при этом неразрывную связь провинциального города и окружающих его деревень и сел, которые становились источником притока населения. Городская среда выступала резким контрастом крестьянскому миру. За внешними атрибутами и поведением вчерашних крестьян скрывались глубинные изменения, происходившие в русской культуре. Формируется маргинальная прослойка провинциального мира, уже не тяготевавшая к крестьянской культуре, но еще не ставшая подлинным носителем культуры городского типа.

В пореформенный период традиционная роль в жизни провинции принадлежала православной церкви, продолжавшей определять ценностно-смысловые ориентиры жизни людей. Храмы оставались центрами локального культурного ландшафта, местом регулярных встреч членов прихода. Ритм провинциальной жизни во многом задавался чередованием рабочих и выходных дней, с неизменным посещением воскресной церковной службы, сменой православных постов и праздников, в период которых местные жители духовно объединялись, выполняя обязательные религиозные обряды и ритуалы (освящали кулич и яйца на Пасху, шли за святой водой в Крещенский сочельник и т.д.).

С целью установления более тесных связей между священнослужителями и прихожанами с 1864 г. при церквях стали создаваться приходские попечительства, на которые возлагалась забота по благоустройству церквей, школ и благотворительных учреждений в провинциальных приходах и пр. Результаты деятельности попечительств были различны в зависимости от епархии, в одних дело обстояло лучше, в других – хуже. Повсеместно единодушие проявлялось по вопросу открытия церковно-приходских школ и школ грамоты в целях повышения уровня образования прихожан. Церковные школы во многом компенсировали недостаток светских учебных заведений. Одновременно были образованы многочисленные церковные библиотеки. Таким образом, деятельность православной церкви пореформенного периода выполняла не только присущие ей духовные функции, но и выступала своеобразным механизмом динамики культуры русской провинции, например, напрямую влияя на уровень грамотности ее жителей.

Подъем образовательного уровня населения провинции, появление учреждений культуры (музеев, библиотек, театров), расширение географии и увеличение скорости почтового сообщения и новых средств связи, центральная и местная периодическая печать, книжная торговля, развитие городской инфраструктуры, результаты деятельности земств в социокультурной сфере кардинально изменили облик провинции в конце XIX в. Произошло заметное оживление культурной жизни провинциальных городов; расширились связи провинции с другими регионами и столицами (во многом, благодаря новым средствам связи и железным дорогам); формировались новые социальные группы провинциальных жителей молодого поколения, ориентированные на новации и стремившиеся к улучшению жизни в городе – местная интеллигенция.

В то же время в повседневность провинциальной жизни входили стандартизированные модели поведения и культурные предпочтения, идущие из столиц и крупных городских центров. Они открывали канал для

проникновения в провинциальную среду продукции массовой культуры и образцов популярного искусства, которые стремительно обретали характер самостоятельного фактора динамики местной культуры.

Библиографический список:

1. Барина Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008.
2. Благовещенский Н.А. На ткацкой фабрике // Русские очерки: в 3-х т. Т. 2. М., 1956. С. 376–377.
3. Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Пер. с англ. М., 2002.
4. Города России в 1904 году. СПб., 1906.
5. Земства на Северо-Западе России в конце XIX – начале XX века: к вопросу об эффективности местного самоуправления в дореволюционной России / Отв. ред. А.С. Тургаев. СПб., 2010.
6. Кашеева Е.В. Городские формы досуга: московское мещанство // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 5. М., 1994. С. 160–172.
7. Кошман Л.В. Город и городская жизнь России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М., 2008.
8. Купцова И.А. Динамика русской провинциальной культуры второй половины XIX – начала XXI веков. М., 2011.
9. Лавицкая М.И. Эволюция сословного общества Орловской губернии в условиях российской модернизации второй половины XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010.
10. Макарова Е.В. Народные художественные промыслы Подмоскovie (Гжель, Жостово, Федоскино): история возникновения и развития // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2012. № 3. С. 5–10.
11. Мирский Д.С. Беллетристы-разночинцы // Мирский Д.С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. London, 1992. С. 445–450.
12. Перхавко В.Б. История русского купечества. М., 2008.
13. Сергеев В.Д. Разночинцы-демократы Вятки. Киров, 2003.
14. Смит-Питер С.Д. Провинциальная модернизация в городской истории дореформенной России // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2013. № 3. С. 5–17.

А.Г. Смирнов

Роль религиозного сознания в идеологических установках и жизненной практике рыцарей Четвертого крестового похода

Статья посвящена специфике восприятия религиозного долга рыцарями-крестоносцами, оказавшей значительное влияние на их действия в Четвертом крестовом походе. Интерпретация событий сквозь призму религиозного сознания самими рыцарями позволяет лучше понять как отдельные аспекты исторических событий 1199–1204 гг., так и ценностно-мировоззренческие приоритеты, доминировавшие в среде воинов-крестоносцев.

Ключевые слова: рыцарство, крестовые походы, идеология рыцарства, Константинополь, священная война, четвертый крестовый поход, крестоносцы, религиозное сознание, религиозный фактор средневековых войн.

Христианский фактор в значительной мере повлиял как на развитие Западной Европы в средние века, так и непосредственно на формирование идеологии крестовых походов. Инициированные католической церковью военно-религиозные походы западных христиан интерпретировались современниками как акты покаяния и служения делу веры.

В рассматриваемом нами IV крестовом походе (1199–1204 гг.) исследовательский интерес представляет оценка происходивших событий с точки зрения религиозного сознания непосредственных их участников. Это позволяет увидеть особенности восприятия принципов христианства в среде рыцарей-крестоносцев рубежа XII–XIII вв., понять специфику их ценностно-мировоззренческих приоритетов. Именно такую задачу выделял в качестве приоритетной для историка видный медиевист А.Я. Гуревич. Он предостерегал от опасности «применить

к иным эпохам и цивилизациям наши собственные мерки» и призывал подходить к прошлому «с адекватными ему критериями... вскрыть его собственную структуру» [2, с. 18–20]. Также историками отмечается значительная взаимосвязь идеальных теоретических моделей, декларируемых в рыцарской литературе, и их практической реализации воинами-милитами (*milites*) [6, с. 13]. В этом ракурсе наибольшую ценность представляют записи одного из руководителей похода маршала из Шампани Жоффруа де Виллардуэна [1] и мемуары простого рыцаря из Амьена Робера де Клари [5].

На рубеже XII–XIII вв. в западноевропейском обществе сформировалась так называемая трехчастная (молящиеся – воюющие – трудящиеся) социальная дифференциация [10]. Именно рыцарство, как привилегированное воинское сословие, латинская церковь призывала послужить делу веры силой оружия. Поэтому мы, исходя из принципа исторической корректности, рассматриваем воззрения не всех участников IV крестового похода, среди которых было много горожан-венецианцев. По этой же причине нами уделено мало внимания воспоминаниям участника похода аббата Мартина, записанным с его слов в 1207–1208 гг. в Эльзасе монахом Гунтером Пэрисским, а также ряду других работ, в которых отражена позиция представителей духовного сословия, иначе воспринимавшего и трактовавшего все происходившее.

Декларируемые цели похода – помощь христианам Святой земли, возврат им утраченного в 1187 г. Иерусалима и получение в награду индульгенций – традиционны для крестовых походов и ясно свидетельствуют о религиозной мотивации как ценностно-смысловой доминанте данной акции [1, § 2; 5, IV; 27]. Примечательно, что Жоффруа де Виллардуэн и Робер де Клари в начале своих повествований пишут о проповедовавшем поход священнике Фульке из Нейи как о человеке благочестивом и отмечают сотворенные Богом через него чудеса [1, § 1; 5, I]. Этот аспект очень важен для средневекового мировоззрения, т.к. проповедник в этом случае выступал проводником божественной воли. Лишь затем более информированный маршал Шампани пишет о санкционировании похода римским папой Иннокентием III и о прибытии во Францию папского легата Петра Каруанского [1, § 2].

Длинный перечень участников похода подчеркивает особую роль рыцарства в его реализации, восприятию им своего участия как долга воина-христианина [Там же, § 2–10; 5, I]. Отметим, что, несмотря на сословную общность, в рыцарской среде существовала иерархия. Однако у Робера де Клари, явно не входившего в элиту *milites*, в начале его повествования эта дифференциация не ощущается вовсе. Напротив, он

отмечает небывалый энтузиазм, охвативший всех рыцарей, принявших в то время крест.

Новшеством для крестоносцев стало изменение направления похода – Египет вместо Палестины. Но, учитывая геополитическую ситуацию и вектор активности исламских сил, такой выбор логичен. Робер де Клари писал, что они шли «в Вавилон (Каир) или Александрию, самую сердцевину страны сарацин, где сумели бы причинить им (мусульманам. – *А.С.*) наибольший вред» [5, V]. Со времен I крестового похода (1096–1099 гг.) опасность для образованного крестоносцами Латино-Иерусалимского королевства исходила именно из Египта. На изменение стратегии повлияла и неудача III похода (1189–1192 гг.).

Учитывая большую протяженность пути из Западной Европы на Ближний Восток, необходимость пересечения мусульманских земель, потребность в снабжении войска припасами в пути, крестоносцы после I крестового похода весь XII в. добирались в Святую землю морским путем. Поэтому обращение рыцарей к Венеции, обладавшей большим флотом и опытом перевозки пилигримов, было логично. По договору, датируемому апрелем 1201 г. и утвержденному Иннокентием III, венецианцы обязывались построить флот (их кораблей оказалось мало) и выделяли на год «по собственному желанию для служения Божьего пятьдесят вооруженных галер» [3, с. 173].

Жоффруа де Виллардуэн с похвалой отзывался о выполнении своих обязательств венецианцами. В его записях нет и намек на сословную рознь, хотя пренебрежительное отношение рыцарей к простолюдинам общеизвестно. Этот аспект также позитивно характеризует крестоносцев, ибо поход также идентифицировался как акт покаяния, а вражда между единоверцами прямо противоположна евангельской заповеди любви к своему ближнему.

Отметим лишь, что барон, отправляясь в поход, был мотивирован идеей долга. Ввиду нехватки средств, он часто закладывал свои земли и замок. К началу XIII в., за сто лет «священной войны» с мусульманами, современникам стало понятно, что на Ближнем Востоке сложно разбогатеть. В случае возвращения воина домой его обычно ожидали почет и выплата больших долгов [8, с. 174–176]. Венеция за услуги крестоносцам получала по договору огромную сумму – 85 тыс. марок серебра [3, с. 173].

Таким образом, планы крестоносцев были санкционированы церковью и пользовались значительной общественной поддержкой. Об этом свидетельствуют позиция Иннокентия III, значительная сумма пожертвований и большое число принявших крест рыцарей, перечисление имен которых

занимает много места у Жоффруа де Виллардуэна и у Робера де Клари [1, § 2–10; 5, I].

Также важным аспектом ценностно-мировоззренческих ориентаций крестоносцев является провиденциализм. Гуревич справедливо указал на свойственную средневековым авторам тенденцию рассматривать события сквозь призму доминировавшего в ту эпоху религиозного сознания [2, с. 182]. Оба хрониста, представлявшие разные слои рыцарства, демонстрируют в своих трудах убежденность в том, что ход исторического развития не хаотичен, а строго подчинен божественной воле. Божий промысел, по их твердому убеждению, в значительной мере влиял как на судьбы отдельных воинов, так и войска крестоносцев в целом. Именно с промыслом Божиим в средневековом сознании связывались успехи и неудачи, зависящие от благочестия и верности долгу [1, § 18, 46, 93, 182–183, 384 и др.; 5, XXX, LI, LXXIV, LXXV и др.].

На определяющую роль религиозного сознания в средневековой культуре повседневности указывает и характер датировки событий хронистами. Например, сбор войска начался в период праздника Пятидесятницы [1, § 47; 5, IX], а прибытие крестоносцев к далматскому г. Задар (Зара), расположенному на побережье Адриатического моря, произошло ко дню Св. Мартина [1, § 78; 5, XIV].

Советский медиевист М.А. Заборов отметил, что в тексте Жоффруа де Виллардуэна часто встречаются обороты речи, созвучные тексту Евангелия, Посланий апостолов и Псалтыри. На наш взгляд, он очень точно объяснил это явление тем, что для маршала Шампани «скрытые цитаты являли собой бессознательное подражание тому, что вошло в его плоть и кровь, и само собой закрепилось в его лексиконе» [1, с. 160–161]. Французский историк Ж. Ларма также отметил в данном тексте аналогии еще и с Ветхим Заветом [12, p. 415].

Таким образом, можно констатировать особую важность религиозного сознания в ценностных установках крестоносцев начала XIII в. При этом следует выделить и особенность восприятия религиозного долга воинами той эпохи. За более чем тысячу лет христианства проблема войны и воинов претерпела радикальную трансформацию в западноевропейской теологической мысли. Пацифистские идеи апологетов II–III вв. утратили актуальность в IV в., когда прекратились гонения на христиан и верующим потребовалось самим поддерживать правопорядок и защищать церковь и государство от внешних врагов. В Западной Европе теория справедливой войны (*bellum justum*), ориентированной на оборонительные действия, к концу I тысячелетия уступила место концепции наступательной священной войны (*bellum sacrum*) против

иноверцев [11]. Ее принципы стали идеологической базой крестовых походов.

Во многом на данную эволюцию повлияла особая роль войны в этико-поведенческих установках древних германцев, заселивших Западную Европу в раннем средневековье. Западная церковь, осознавая амбивалентность военного дела и исходя из мотивации его применения, пыталась минимизировать насилие в Европе как в рамках доктрины Божьего мира (*Pax Dei*), так и путем направления воинской активности за пределы католического мира. Несмотря на часто встречаемый в хрониках термин «пилигримы», доминантой акций крестоносцев была не этическая трансформация, а борьба с неверными. Английский историк М. Кин отметил в связи с этим, что рыцарство увидело в крестовых походах уникальную возможность покаяния, занимаясь привычным для себя военным делом [4, с. 101]. Т.е. для *milites* изменялся вектор применения профессиональных навыков, трактовавшийся как служение Богу. Отсюда важная роль причинно-следственных связей между практическим результатом акции и ее «богоугодностью». Именно в контексте особой роли христианского фактора в средневековом массовом сознании и специфики его преломления в идеологии крестовых походов следует рассматривать последовавшие далее события IV крестового похода.

Первая военная акция оказалась диаметрально противоположна декларируемому намерению. Вместо помощи Святой земле крестоносцами 10 ноября 1202 г. был осажден, а 24 ноября захвачен и разграблен населенный католиками г. Задар.

Подобные войны не уникальны для средневековой Европы. Феодалные конфликты рыцарства обыденны, а победы в них воспринимались как источник обогащения и славы. В XII–XIII вв. между Венецией и Венгрией постоянно шли войны за Задар; при этом сами жители города отдавали предпочтение венграм, дававшим им бóльшую автономию. Прецедентом стало нападение не простых рыцарей, а крестоносцев, принесших обет служения Богу. В договоре участников похода Венеция предоставляла 50 галер «для служения Божьего». Там же потеря Иерусалима христианами в 1187 г. связывалась с «неправедностью провинившегося народа» [3, с. 170].

Часто историки однозначно трактуют происшедшее как грабительский поход. Но метаморфоза слишком радикальна, не согласуется с религиозным рвением рыцарей и заключенным договором. В договоре есть лишь упоминание о равном разделе трофеев, но, при удачном исходе акции, они, очевидно, были бы захвачены у мусульман. Ни один современник до лета 1202 г. (а проповедь похода началась в 1199 г.) не упоминал о Задаре.

В середине 1202 г. оказалось, что часть крестоносцев отправилась в Палестину иными путями. Вместо ожидаемых 33 тыс. воинов в Венецию к назначенному сроку прибыли лишь 12 тыс. [13, р. 232]. Поэтому пилигримы сумели собрать лишь 51 тыс. марок, оставаясь должны 34 тыс. [1, § 61]. Войско, блокированное на о. Св. Николая (о. Лидо), не имело средств для уплаты долга. Прекращение подвоза продовольствия негативно сказалось на моральном состоянии воинов. На это указывает и бурный восторг, охвативший лагерь при известии об отсрочке уплаты долга. Пилигримы «припадали к его [дожа Венеции. – А.С.] стопам от радости», а затем всю ночь праздновали избавление от плена. Робер де Клари, как и большинство воинов, не знал об условиях соглашения, сообщая, что дож обещал «перевезти их за море», т.е., в их понимании, в Святую землю [9, XI–XIII]. Это было бы логично, но Венеция поставила перед руководителями похода условие отсрочки и разблокировки войска – помощь в войне с торговым конкурентом [1, § 62–63; 5, XIII]. Такая акция явно противоречила главной идее крестовых походов и концепции Божьего мира (*Pax Dei*), ориентированной на демилитаризацию католических земель и направление воинской деятельности за пределы Европы. Но при отсутствии всякой реальной альтернативы предложение венецианцев было принято.

По прибытии к Задару его жители представили крестоносцам грамоты римского понтифика, где фигурировала перспектива анафемы агрессорам-католикам. Находившийся в войске аббат Во категорично запретил штурм города. Это разгневало дожа, который открыто сказал, что не откажется от мести даже ради папы и призвал рыцарей сдержать свое обещание [5, XIV]. В связи с новыми обстоятельствами некоторые рыцари, например граф Симон де Монфор, отказались штурмовать Задар. По свидетельству Анонима из Гальберштадта, они ушли в Венгрию, где встретили хороший прием и получили помощь для отправки на Ближний Восток [3, с. 198]. Угроза отлучения от церкви открывала перед крестоносцами перспективу легитимного отказа от вынужденно взятых обязательств. Но этого не последовало. Отметим, что войско напало на владения венгерского короля Имре, также принявшего крест.

У Жоффруа де Виллардуэна мы встречаем объяснение произошедшему необходимостью сохранения войска для дальнейшего похода в Египет. Но это слабый аргумент, т.к. находившиеся под отлучением (вне церкви) не могли быть крестоносцами. Сами рыцари ясно сознавали нелегитимность идейно-смысловой мотивации штурма Задара в религиозном аспекте. На это указывает спешное направление послов в Рим с просьбой о снятии интердикта [1, § 105–107]. Последовавшее положительное

решение папы было бы невозможно без признания воинами своего греховного поведения и покаяния в нем.

В геополитическом аспекте, несомненно, более значительным актом стал захват Константинополя и последовавшее возникновение на землях Византии Латинского королевства (1204–1261 гг.). В отличие от штурма Задара, продиктованного корыстно-прагматическими мотивациями, прямо противоречащими ценностям крестовых походов, в этом случае имелись серьезные аргументы для легитимизации похода на Константинополь. Новая трансформация маршрута пилигримов была связана с просьбой о помощи в восстановлении законных прав малолетнего Алексея IV, сына свергнутого императора Византии Исаака II Ангела. Просьба подкреплялась посланием королем Германии Филиппа Швабского, подтверждавшего статус своего шурина и призывавшего пилигримов оказать ему содействие [1, § 70, 91–93]. В рефлексии рыцарства защита справедливости и наказание изменника – одни из приоритетных постулатов, не противоречивших христианской этике. Жоффруа де Виллардуэн идентифицировал произошедшее как чудо. В его трактовке появление Алексея IV в лагере крестоносцев не поддавалось рациональному объяснению и относилось к сфере сакрального. Т.е. сам Бог менял маршрут крестоносцев. На божественное предопределение указывают и слова Филиппа Швабского: «Если Бог поможет вам возвратить его наследие» [Там же, § 93]. Аббат Мартин Пэрисский интерпретировал мотивацию рыцарей-крестоносцев как легитимный акт христианского благочестия, основываясь в своем мнении на сакральной трактовке монархической власти в средние века [3, с. 232].

Важным аспектом стала и обещанная имевшим серьезные финансовые проблемы крестоносцам материальная и военная помощь со стороны Византии. Она заключалась в выплате 200 тыс. марок серебра, поставке продовольствия в течение целого года, присоединении к походу в Египет 10 тыс. византийских воинов и обещании постоянно содержать в Святой земле 500 рыцарей [1, § 93; 5, XXXII].

Византийский хронист Никита Хониат справедливо отметил, что 12-летний Алексей IV не мог сознавать последствий подписанного им договора [3, с. 202–203]. Однако интерпретация Хониатом произошедшего как обмана неточно отражает суть события. Бесспорно, отмеченные условия были слишком обременительны для Византии. Но они содержались в письме родственника наследника престола, Филиппа Швабского, к рыцарям. Крестоносцы лишь юридически зафиксировали их, считая справедливыми. При этом щедрость была одним из принципов этики рыцарства, а размер выплат был пропорционален статусу

императора. Отметим и важность в договоре положений о поддержке христиан Святой земли.

Отдельно крестоносцы (и воины, и клирики) выделяли перспективу преодоления церковного раскола (Великой схизмы) и присоединения Византии к Римской церкви. Исходя из закрепившегося к XIII в. в сознании западноевропейцев негативного образа византийцев-схизматиков и свойственного средневековой ментальности принципа универсализма, перспектива воссоединения церковью воспринималась пилигримами как важный аспект религиозного служения [3, с. 232, 242].

Несмотря на осознание соответствия целей экспедиции в Византию ценностным нормам и религиозному сознанию пилигримов, они опасались нового интердикта. Сомнениям способствовали и продолжавшиеся разногласия в войске, часть которого требовала немедленной отправки в Сирию или Египет. Поэтому рыцари дважды обращались к бывшим с ними епископам с просьбой подтвердить правомерность намеченной акции в религиозном аспекте. В обоих случаях рыцарей заверили, что их намерения являются законным актом восстановления справедливости, а их реализация в перспективе послужит делу освобождения Святой земли [5, XXXIX, LXXIV].

В этом контексте был легитимен последовавший в июне-июле 1203 г. штурм Константинополя, мотивированный восстановлением прав на византийский престол Алексея IV и его отца Исаака II. Серьезное сопротивление греков было инициировано узурпатором Алексеем III, а также связано с опасением обычного для средних веков разграбления города победителями. Ход событий интерпретируется Жоффруа де Виллардуэном с точки зрения провиденциализма. Так, 17 июля 1203 г. греки в 10 раз превосходили находившихся в лагере крестоносцев, но так и не решились напасть, а затем отступили. «Никогда еще Бог не избавлял какой-либо народ от большей опасности!» [1, § 181]. Последовавшее затем бегство Алексея III и успехи крестоносцев в целом описываются реалистично и детально, но при этом сочетаются с идеей об особом Божьем благоволении. «Тому, кому Бог хочет помочь, повредить никто не в состоянии» [Там же, § 183].

Падение империи в январе 1204 г. было неожиданно для латинян. Бароны имели финансовые претензии к восстановленному в правах императору Исааку II, ратифицировавшему договор с крестоносцами [Там же, § 189], но не имевшему возможности выполнить взятые обязательства. Вызванный этим обстоятельством значительный рост налогов, а также грабежи горожан крестоносцами, о которых почти не упоминают латинские авторы, привели к государственному перевороту. Исаак II и его сын

погибли, а на трон взошел Алексей V Мурзуфл. По рассказу аббата Мартина, «эта новость повергла все войско в сильный страх» [3, с. 253]. Латиняне оказались среди враждебно настроенного населения, а денег для продолжения похода, как и перспектив их получения, не было. Именно с этими обстоятельствами связано, по оценке аббата, решение о необходимости штурма Константинополя. Однако Жоффруа де Виллардуэн писал, что рыцари и венецианцы в конце марта 1204 г. договорились не только о штурме города и разделе трофеев, но и о выборе императора из своей среды. О продолжении похода речь не шла, т.к. они постановили: «Тот, кто захочет, может уехать; а те, кто останутся в [этой] стране, будут нести службу императору» [1, § 235].

Поведение крестоносцев в захваченном Константинополе было в целом обычно для практики войн в средние века. Отметим только небольшое число жертв среди горожан, что было связано с быстро прекратившимся после бегства Алексея V сопротивлением. Разграбление города в разных интерпретациях описано во многих источниках. Анонимный русский паломник из Новгорода и Никита Хониат подчеркивали в качестве ведущей мотивации латинян именно материальный стимул. Также отмечено ими насилие и случаи убийств [3, с. 268–269; 9, с. 286–288]. Сами крестоносцы и ранее с восхищением описывали величие города и его богатства. Но после его захвата как Робер де Клари, так и обычно более сдержанный Жоффруа де Виллардуэн не скрывали своего восторга, посвящая целые главы описанию трофеев [1, § 250–255; 5, LXXX–LXXXVIII]. В рыцарской ценностной ориентации трофеи считались законным способом обретения богатства. В договоре с венецианцами рыцари изначально оговорили раздел захваченного имущества. Использование же светской практики крестоносцами не противоречило идеологии священной войны, в рамках которой воины были ориентированы на смену не этико-поведенческого стереотипа, а направления их профессиональной деятельности.

Итоги IV крестового похода в религиозном аспекте следует рассматривать в нескольких ракурсах: отношение к христианским святыням, преодоление церковной схизмы и заявленная ранее помощь Святой земле.

Самоидентификация пилигримов как слуг Божьих резко контрастировала с их визуальной характеристикой. Никита Хониат и новгородский паломник со скорбью описывали повсеместное разграбление церквей и монастырей. Они идентифицировали практику крестоносцев как вандализм, противный христианскому благочестию [3, с. 268–269; 9, с. 286–288]. Отметим, что для мировоззренческой системы католического общества характерен негативный образ греков-схизматиков,

нивелировавший их статус христиан-единоверцев в сознании крестоносцев и сакральность православных культовых сооружений.

Двойственное отношение пилигримов к обретенным ими реликвиям обусловлено сакральной и материальной ценностью святынь, а также синтезом в идеологической модели священной войны религиозной мотивации и светских ценностных ориентаций *milites*. Традиционный для воинского сословия обычай разграбления города изначально дезавуировал религиозные идеи. В таком случае и реликвии расценивались как легитимная добыча. При этом нельзя не отметить кощунство латинян при обретении святынь, когда в храмы заводили животных для вывоза ценностей и проливали там кровь, использовали сакральные предметы для бытовых нужд [3, с. 268–269]. Подобное поведение, даже учитывая наличие межконфессиональной неприязни между католиками и православными, выступает антитезой христианскому благочестию.

Однако нахождение христианских святынь у схизматиков и способ их обретения не умаляли сам статус реликвий, исходя из сакральной природы данных объектов. Нельзя не отметить то восхищение, с которым Робер де Клари описывал увиденные им храмы и находившиеся в них реликвии [5, LXXXII–LXXXVIII]. Перемещение на Запад объектов религиозного почитания интерпретировалось католиками, исходя из роли христианства в культуре средневековья, как возвращение святынь в лоно истинной, т.е. католической церкви. По оценке французского историка Г. Мишо, реликвии «были приняты верующими Запада как самый ценный трофей» [7, с. 197].

Образование на землях Византии Латинской империи имело большое психологическое значение для католического мира. Древняя империя ромеев, теперь вошедшая в западноевропейский политико-религиозный универсум, позволила как самим участникам похода, так и папству позитивно интерпретировать итоги похода в религиозном плане. При этом схизма так и не была преодолена. Отметим, что решению данной проблемы со стороны новых правителей не было уделено должного внимания.

Несмотря на планы участников IV похода, помощь Святой земле не была оказана. Это обстоятельство объясняется как необходимостью осуществления властных полномочий на захваченных территориях при наличии небольшого числа воинов-латинян, так и осознанием крестоносцами выполнения религиозного долга, исходя из идеи возвращения империи схизматиков в ареал римского церковного универсума. Финансовые трудности, постулировавшиеся главным препятствием для реализации помощи Святой земле, после взятия Константинополя утратили

актуальность. Однако обретенный потенциал не был использован западноевропейцами в соответствии с декларированным ранее планом.

Таким образом, IV крестовый поход стал существенным отклонением от предыдущих аналогичных акций рыцарей-пилигримов, т.к. оружие впервые было обращено против христиан. При этом в мемуарах Жоффруа де Виллардуэна и Робера де Клари религиозный фактор отчетливо выступает в качестве доминанты идейных установок и практики воинов-крестоносцев. Подчеркнем здесь не только повсеместно встречающуюся на страницах их записок декларативную составляющую, но и более важную для восприятия ментальности пилигримов специфику восприятия религиозного долга участниками похода. В западноевропейской средневековой теологической мысли концепция священной войны синтезировала воинскую практику и религиозное служение, ориентируя *milites* более не на этико-поведенческую трансформацию, а на практические достижения (победу над мусульманами, отвоевание Святой земли и пр.). Отсюда доминирование идей провиденциализма в мемуарах Жоффруа де Виллардуэна и Робера де Клари. Именно в этом контексте данные авторы рассматривали IV крестовый поход как успешный, называя рыцарей-пилигримов исполнителями сакральной воли.

Библиографический список

1. Виллардуэн Ж., де. Взятие Константинополя. Песни труверов. М., 1984.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
3. История крестовых походов в документах и материалах / Сост. М.А. Заборов. М., 1977.
4. Кин М. Рыцарство. М., 2000.
5. Клари Р., де. Завоевание Константинополя. М., 1986.
6. Лучицкая С.И. Рыцарство – уникальный феномен западноевропейского средневековья // Одиссей. Человек в истории / Гл. ред. А.Я. Гуревич. М., 2004. С. 7–35.
7. Мишо Г. История крестовых походов. М., 2001.
8. Перну Р. Крестоносцы. СПб., 2001.
9. Повесть о взятии Царьграда фрягами // Изборник: Сб. произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 280–289.
10. Duby G. Les Trois Ordres ou l'imaginaire du feodalisme. Paris, 1978.
11. Flory J. L'ideologie du glaive: Prehistoire de la chevalerie. Geneve, 1983.
12. Larmat J. Sur quelques aspects de la religion chretienne dans les chroniques de Villehardouin et de Clari // Le Moyen age. 1974. № 3–4. P. 403–427.
13. Queller D.E. The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople. Philadelphia, 1977.

Д.В. Суржик

Борьба за морально-боевой дух англичан в годы Второй мировой войны¹

В статье рассматривается борьба за морально-боевой дух англичан, которая развернулась между Би-Би-Си и нацистской радиостанцией «Говорит Германия» в годы Второй мировой войны. Как известно, в этот период на территории Великобритании не зафиксировано ни одного массового прогитлеровского выступления. Однако до сих пор от исследователей остается скрытой борьба в радиоэфире. Между тем, приемы контрпропаганды, использовавшиеся в то время, не утратили своей актуальности.

Ключевые слова: Би-Би-Си, «Говорит Германия», лорд Хау-Хау, радиовещание в годы Второй мировой войны, радиопропаганда.

На территории Великобритании уже в первой трети XX в. средства массовой информации получили широкое распространение. К началу Второй мировой войны британская сеть масс-медиа уступала только США [2, с. 334–339]. Ежедневно на Британских островах выпускалось 14,5 млн. экземпляров газет, в стране имелось около 9 млн. радиоприемников, документальную хронику в кинотеатрах еженедельно смотрели около 20 млн. чел. [27, р. 175]. Самыми массовыми периодическими изданиями были «Дейли экспресс» (более 2,5 млн. экз.), «Дейли геральд» (более 1,8 млн. экз.) и «Дейли миррор» (более 1,5 млн. экз.), от которых значительно отставала правительственная «Таймс» (204 тыс. экз.) [20, р. 29]. В британской прессе господствовали две тенденции: ограниченное наименование ежедневных печатных изданий и высокая степень монополизации газетного рынка. Из общего наименования в 1 877 газет только 150 были ежедневными. При этом из последних 11 публиковали исключительно спортивные новости, а 4 – только финансово-экономические. Тираж воскресных изданий составлял 16,5 млн. экземпляров [9, с. 69–72].

Важную роль играла Британская радиовещательная корпорация (Би-Би-Си), которая контролировалась властями и получала от них последние

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Проект 14-31-12084 «“Мы” и “они”: Великая Отечественная война в оценках англо-американской общественности и современной историографии».

новости. Радиостанция имела 2 канала вещания, одну общенациональную программу и местные передачи в каждом из семи регионов вещания (Лондон, Мидленд, Север, Запад, Уэльс, Шотландия и Ирландия). Накануне войны в национальных передачах Би-Би-Си музыка занимала 60% эфира, а политические и спортивные новости – 22%. В региональных передачах радиокompании музыке отводилось 75%. Около 4% занимали религиозные передачи, остальное время занимали радиопьесы, оперетты, реклама [9, с. 73–74].

«Последние известия» Британской радиовещательной корпорации с 18.00 до 21.00 ч собирали от 30 до 50% всего взрослого населения Британских островов. В годы коренного перелома в войне Би-Би-Си резко увеличило свое зарубежное вещание, доведя количество передач из Лондона на оккупированную Европу в 1943 г. до 179 в день [6, с. 19]. Нью-Йоркская редакция Би-Би-Си активно сотрудничала с Управлением военной информации США.

Ведущим государственным органом информирования британцев в годы Второй мировой войны стало Министерство информации, созданное в сентябре 1939 г. Им последовательно руководили Г. Макмиллан, Дж. Рейт, Д. Купер и – с июля 1941 по май 1945 гг. – Б. Бракен. Министерство собирало данные о настроениях англичан в отношении важнейших внутренних и внешнеполитических проблем, а также по отдельным аспектам Второй мировой войны (с 22 июня 1941 г. – в отношении СССР). Материалы поступали от сети региональных агентов, из донесений полиции и почтовой службы (почтовая и телеграфная цензура, объединенная в Бюро прессы и цензуры, также вошла в Министерство информации), а также из негосударственного Британского института общественного мнения и общественной организации «Масс обзервейшн». Ежемесячно подобные сводки представлялись кабинету министров и становились предметом рассмотрения на Даунинг-стрит.

В конце сентября 1939 г. «Би-Би-Си» провела опрос радиослушателей в рабочих кварталах Бирмингема. В меморандуме, составленном по итогам анкетирования, отмечалось наиболее популярное время радиовещания, усталость от заполняющих весь эфир «серых», повседневных новостей и желание ярких, эмоциональных, компетентных и легких для восприятия передач. Отмечался недостаток музыки (отрывков из опер, танцевальных ритмов, варьете или музыкальных комедий) и радиокниг, ставших привычным явлением довоенного вечернего радиозэфира в субботу. Отсутствие деталей в английских новостных выпусках вынуждало слушателей настраиваться на частоты радиостанций, вещавших из Рима или Гамбурга. Однако англичане не давали повода упрекнуть их

в лояльности. Так, они предпочитали слушать профессиональных дикторов «Би-Би-Си», нежели чиновников любого ранга [14].

Другим направлением деятельности Министерства информации было распространение информации, способствующей поднятию морально-боевого духа британцев. Повод для гордости давала и сама личность У. Черчилля, воплотившаяся на многих английских плакатах того времени в образе упрямого английского бульдога. Он жил и работал в столице под гитлеровскими бомбами, осматривал руины после налетов люфтваффе, хотя время налетов для него не было тайной. Решительность и твердая воля Черчилля вселяли в нацию несгибаемую веру в победу. Его знаменитый жест из двух раздвинутых пальцев в виде латинской буквы «V» (victory – победа) был воспринят массами и говорил о поддержке его курса. Летом 1941 г. этот символ появился на всех домах в Англии. Тогда же советские дипломаты писали в Москву: «Члены правительства, парламентарии, журналисты, дельцы Сити, служащие, рабочие продолжали твердо рассчитывать на будущую победу. Но никто в тот период не был в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно объяснить, как и когда эта победа будет достигнута» [5, л. 144].

Именно личный авторитет помог ему преодолеть правительственный кризис весны-лета 1942 г., вызванный поражениями в Сингапуре и Ливии в феврале и июне. Авторитет консервативно-лейбористского кабинета также достиг минимума за годы войны: только 35% опрошенных институтом Гэллапа англичан были удовлетворены политикой «военного кабинета», 50% высказывали неудовлетворение, 15% не высказали никакого мнения на этот счет [17, р. 291]. Хотя место премьер-министра осталось за Черчиллем, лейбористов и консерваторов в кабинете сменили «независимые кандидаты».

Другим национальным героем стал Роберт Дэвис, до войны работавший инженером, а после начала «воздушной войны» возглавивший группу по разминированию неразорвавшихся немецких бомб. Он и его сотрудники прославились после того, когда в мае 1942 г. извлекли из полуметровой воронки и обезвредили тысячекилограммовую авиабомбу у подножья собора св. Павла в Лондоне. В знак признания заслуг Дэвис и его помощник были награждены крестом Св. Георгия.

У британцев также были и поводы для общей скорби. Один из них – Ковентри, подвергавшийся жесточайшим бомбардировкам люфтваффе наряду с Лондоном (каждая ночь с 7 сентября по 2 ноября 1940 г.), Плимут, Бирмингем и Белфастом. До войны Ковентри был важным центром военной промышленности, где собирались броневые автомобили, двигатели для самолетов и т.д. Большинство рабочих жило рядом

с заводами, поэтому они также могли пострадать при бомбежке предприятий. Самый страшный налет (операция люфтваффе «Лунная соната») произошел в ночь с 14 на 15 ноября 1940 г. и длился 13 часов, за которые было сброшено 500 тонн бомб, в т.ч. 30 тыс. зажигательных бомб. К концу налета было уничтожено 75% строений, 33% заводов и половина жилых домов, была нарушена инфраструктура. Погибло 568 чел. Исследователи «Масс обсервейшн» сообщали о глубоком потрясении жителей Ковентри. Переломить настроения властям удалось только 16 ноября, после визита короля Георга VI. Тогда из нескольких сот тысяч горожан лишь 300 чел. согласились на эвакуацию [22]. Всего же с 1939 по 1945 гг. погибло 62 тыс. чел. гражданского населения и почти 250 тыс. чел. получили ранения различной степени тяжести, четверть жилого фонда страны была разрушена [7, с. 259–260]. Однако Министерство информации следило за тем, чтобы в прессе не появлялось слишком много фотографий массовых жертв и разрушений в результате немецких бомбежек [19].

Дух осажденной крепости или «дух Дюнкерка» – осознание, что отступить некуда – был основой национального единения перед внешним агрессором. Англичане чувствовали возрастающую роль государства в их жизни и лояльно относились к этим изменениям. «В массах – среди рабочих, фермеров, лавочников, интеллигентов, в рядах “среднего класса”, – говорил 13 сентября 1939 г. Д. Ллойд Джордж, – есть мрачная решимость довести войну до конца» [4, с. 263]. Сословные и имущественные различия были стерты (в богатых домах исчезла прислуга). Все были равны перед немецкими бомбами, на службе ежедневно трудились рука об руку люди разного достатка и воспитания. Однако в 1942 г. единение и коллективный дух, характерные для начала войны, сменились моральной усталостью. Она воплощалась в самоиронии, обострении противоречий между начальниками и подчиненными. В годы войны лейбористы в правительстве и парламенте не прекращали борьбы за построение (после войны) более справедливого распределения национального богатства и построение общества, где будет изжита безработица и разрыв в доходах. Их доклады «Старый мир и новое общество» и «Социальное страхование и вспомогательные службы» или «Отчет Бевериджа» (по фамилии автора, президента Королевского статистического общества У. Бевериджа) становились предметом оживленной политической дискуссии. Однако успехи в повышении социального благополучия рядовых граждан были невелики.

Дабы не вносить раскола, в отсутствии решительных успехов своих войск британская пресса с весны 1942 г. перенесла акцент на освещение действий союзников. Тем более что некоторые из них находились на

Британских островах. В годы Второй мировой войны на территории Великобритании находились значительные по своей численности вооруженные силы союзников: около 3 млн. американцев (в 1942–1945 гг.), 500 тыс. канадцев, 35 тыс. французов, 25 тыс. поляков, 3200 чехословаков, по 2 тыс. бельгийцев и датчан и 1750 норвежцев [26; 28, pp. XXIV, 338]. Наиболее противоречивые впечатления от совместной работы остались об американцах. Как писал 30 декабря 1943 г. в письме Б. Бракен, «до тех пор, пока они не начнут воевать, эти американские солдаты представляют для нас большую проблему» [Там же, p. 191].

Трения в отношениях двух стран начались уже в межвоенный период и были связаны с экспансией американского капитала в британские колонии, претензиями ВМС США на паритет с королевским ВМФ, американским отказом от участия в Лиге Наций, но особенно ухудшились с началом Великой депрессии в 1929 г., когда американские инвесторы стали в срочном порядке выводить свои активы из Великобритании.

На взаимоотношения американских «гостей» и англичан в 1942–1945 гг. оказывали свое влияние факторы, вытекавшие из коренных различий «большой Америки» и «малой Британии» (более 3,5 млн. кв. миль и 84 тыс. кв. миль Англии и Уэльса, где, в основном, размещались американские контингенты) [8, с. 15] с разной степенью урбанизации, также различавшейся в десятки раз. Отсюда – различная этика, манеры, поведенческие стереотипы. Выходцам из «молодой страны» (Соединенных Штатов) были неизвестны и чужды многие безусловные нормы поведения людей «старой Британии». Непростыми были и взаимоотношения англичан и американцев, вышедших из Ирландии. Как писал А. Холмс, «британцы оценивали американских солдат как действующих из лучших побуждений, но грубых защитников: уж лучше они, чем немцы» [15].

Существенными были различия в культуре и манерах. Если американцы с трудом знали и желали узнать англичан, то их отношение к культуре было еще более призрачным. Как отмечалось в закрытом докладе 8-й авиадивизии США в ноябре 1943 г., «в целом, американским солдатам не присуще уважение к Англии. Их настроение – не активная, но пассивная, апатичная неприязнь... Главная причина этой острой апатии среди американских войск – ностальгия. Типичный американский солдат не испытывает интереса к Великобритании или ее населению. Единственное, в чем он заинтересован – это окончание войны и возвращение домой» [10].

Нередкими были стычки с американскими военнослужащими разных рас, которых в Англии и Уэльсе за 1942–1945 гг. побывало 130 тыс. чел. [34], которые чувствовали себя значительно более раскрепощено,

чем в Соединенных Штатах. С другой стороны, на Британских островах еще не были полностью изжиты расовые предрассудки. Ситуация была неравномерной. В некоторых графствах между «гостями» и местными жителями складывались дружеские отношения. В других же (например, в Йоркшире) возвращавшиеся с ночной смены на заводах англичане и англичанки становились жертвами нападений (с целью грабежа) американских солдат. Но за несколько лет число таких инцидентов было невелико.

Чтобы улучшить взаимоотношения между двумя народами, британские (из Министерства информации и Би-Би-Си) и американские (из Управления военной информации) пропагандисты выступили с рядом инициатив: киноленты и мюзиклы об англо-американской дружбе и взаимовыручке, выставки об общности сельского быта. Работники дипломатических представительств Великобритании в США¹ собирали митинги и читали лекции о родстве двух народов для учителей. В Лондоне для американских военнослужащих выпускалась газета «Звезды и полосы». Большую работу проделал американский посол Джон Уайнант. Внешне растерянный и смущенный, он был полной противоположностью предыдущему послу Джозефу Кеннеди, который по прилете в Соединенные Штаты объявил о скором падении Британии. Напротив, первой фразой Уайнанта, произнесенной на аэродроме перед британскими журналистами было: «Я очень рад, что я – в Англии. Сейчас это единственное место на земле, в котором я хотел бы быть». Он не покидал Лондон во время самых страшных бомбежек, подобно Черчиллю, посещал руины и рассказывал в своих интервью и телеграммах в Госдепартамент, что, несмотря на суровые лишения, английский дух не сломлен. Он «дергал за каждый нерв, чтобы убедить Америку вступить в войну» и был самым популярным американцем в Англии [25, р. 73]. После прибытия американских войск в Великобританию он организовал выпуск большого количества брошюр, передвижных выставок и демонстрацию фильмов о родстве двух культур. Во многом благодаря ему удалось избежать столкновения двух культур.

Мальчишеская бравада американских парней, их деньги и молодость, не испытавшая лишений немецких бомбежек и блокады, привлекали многих английских девушек. Американцы стали настоящим кошмаром для

¹ После начала Второй мировой войны в английских дипломатических представительствах в США были созданы специальные отделы, объединенные в Британскую информационную службу в составе Министерства информации.

их родителей и британских юношей. За время пребывания американского контингента 512 англичанок стали женами американских военнослужащих и сменили место жительства (подсчитано нами [35]). Однако не всем «британским подругам» так посчастливилось.

Наиболее противоречивые эмоции в Великобритании еще до войны вызывал Советский Союз. С одной стороны, положительные эмоции пятилетки и успехи в планировании, с другой – опасения возможности «мировой революции». Обострение интереса и стремление к союзу с СССР приходится на период до и после «мюнхенского кризиса». Так, в середине октября 1938 г. тред-юнионы провели 2 тыс. митингов с требованием жесткого отпора Гитлеру. 87% респондентов, опрошенных Британским институтом общественного мнения в апреле 1939 г., высказались за заключение военного союза с Францией и СССР [3, с. 62, 63]. После заключения советско-германских соглашений в 1939 г. существовало подспудное мнение, что «не следует очень серьезно относиться к этому пакту» и «на самом деле Россия на нашей стороне» [7, с. 262]. После 22 июня 1941 г. интерес к новой жертве гитлеровской агрессии значительно вырос и перерос в сочувствие. Министерством информации была создана сеть англо-советских комитетов, в которые входили представители крупного банковского и промышленного капитала, государственные деятели. Комитеты регулярно проводили митинги, на которых его члены выступали в поддержку Советского Союза.

Другим источником информирования британцев о СССР была пресса, которая проявила высокий уровень патриотизма и в абсолютном большинстве выступала в поддержку курса премьер-министра, высказывалась за поддержку Советского Союза. Так, Джордж Оруэлл утверждал, что в 1941 г. вся британская печать, в том числе прочемберленовская «Таймс», значительно «полевела» с 1940 г., материалы в поддержку англо-советского союза регулярно публиковали консервативные «Дейли экспресс» и «Санди Таймс» (ее корреспондент А. Верт – автор многочисленных радиопередач из Москвы и статей, объединенных в книгу «Россия в войне»), принадлежавшие лорду Бивербруку, а Ф. Белл пришел к выводу: «Британская пресса, за немногим исключением, склонялась на сторону поддержки политики союза с СССР; позицию центра занимали еженедельники “Спектейтор” и “Экономист”; отдельные католические газеты, отвергавшие сотрудничество с СССР (например, “Тэблет”), широкого распространения не имели» [6, с. 16].

Восхищение стойкостью и мужеством советских людей высказывали не только те, кто в силу определенных обстоятельств оказался в годы войны в СССР, но и многие авторы, непосредственно не сталкивавшиеся

с советской действительностью. В их числе были историки, публицисты, общественные и политические деятели, служители культа и т.д., например, профессор главной теологической семинарии США Х. Уорд, глава Национального совета американо-советской дружбы К. Ламонт [21; 31; 32] (эта организация с 1942 по 1944 г. специально издавала литературу с целью познакомить американцев с СССР и участием его народа в общей борьбе [23; 24]). Однако Министерством информации в отношении СССР, как отмечают современные исследователи, проводилась двоякая политика: «С одной стороны – поощрять поддержку населением правительственного курса сотрудничества двух стран; с другой – пресекать распространение чрезмерно просоветских и прокоммунистических взглядов». Как отмечают многие авторы, в первые месяцы Великой Отечественной войны Би-Би-Си весьма осторожно оценивала шансы Советского Союза на победу над Германией, однако уже тогда новости строились, исходя из того, что Россия – «крупная воюющая страна и мощный союзник в войне» и советский народ «показал нам (гражданам Великобритании. – Д.С.) пример того, как отстаивать идею, идя на добровольные жертвы» [6, с. 20]. В таком и даже более дружественном духе писал для Би-Би-Си ежедневные «Комментарии из России» А. Верт, положительно о Советском Союзе говорили в прямых репортажах П. Уинтертон и Д. Фишер. Активно с Би-Би-Си работало Советское информбюро, которое ежемесячно поставляло для британских средств массовой информации несколько сот статей. В ответ поступали многочисленные материалы о жизни и фронтовых успехах англичан.

Резкий интерес и улучшение отношения британцев к советскому народу относятся к периоду Сталинградской битвы. Иностранные журналисты смогли посетить район боевых действий только в декабре 1942 – январе 1943 гг. Однако с первых дней битвы за Сталинград они, на основании сводок Совинформбюро и других материалов, отражали колоссальную борьбу советских войск в условиях, когда союзники изменили своим обязательствам. Так, аккредитованный в Советском Союзе журналист П. Уинтертон 25 июля 1943 г. отправил весьма резкую телеграмму в редакцию своей газеты «Ньюс кроникл». В телеграмме, ставшей предметом внимания правительства, корреспондент критиковал отсрочку открытия второго фронта, который подменялся многочисленными материалами о британских поставках военных материалов в СССР [30]. Англичане восхищались героизмом советских войск, сражавшихся на излучине Дона. По стране прокатилась мощная волна митингов в поддержку СССР. Уже с октября 1942 г. в Министерство иностранных дел стали приходить первые письма от рядовых граждан с просьбой

наградить Сталинград. Их авторы писали: «Мы чувствуем, что все мужчины, женщины и дети Британской империи хотят продемонстрировать свое понимание тем поразительным усилиям, благодаря которым этот город остается русским и продолжает защищаться... Мы смиренно просим (как было в случае с Мальтой)... признания героизма солдат, летчиков и гражданского населения... этого города вне зависимости от итога этой гигантской борьбы» [1, с. 39]. Как отмечалось в опросе общественного мнения, проведенного Би-Би-Си в июле 1942 г., «глубокая благодарность и восхищение Россией сочетаются с заметным чувством разочарования, вызванным невозможностью предоставить ей более прямую помощь» [6, с. 161].

Победы под Сталинградом и на Курской дуге, другие блистательные операции советских вооруженных сил стали основными новостями и предметом преклонения англичан перед советским народом. Хотя в 1944–1945 гг. события на советско-германском фронте все сильнее отменялись боевыми действиями на Западном фронте и сомнениями в будущем сотрудничестве с Москвой, советские люди остались в сердцах англичан примером высочайшего мужества и самоотверженности.

После провала «воздушного наступления» Германия сосредоточилась на подрыве боевого духа и «бомбовом терроре». Бои развернулись в радиоэфире. Одним из дикторов немецких передач на англичан был «лорд Хау-Хау» – обобщающее имя для нескольких немецких радиопропагандистов, работавших на Великобританию, самый известный из которых – Уильям Джойс (1906–1946). Сын англичанина-протестанта и ирландской католички, он родился в Бруклине. Когда ему было 3 года, родители вместе с ним переехали в Ирландию. Юноша рано начал интересоваться политикой, и уже в колледже Бирбек Джойс возглавлял общество консерваторов [18, р. 33, 31]. Сторонник юнионизма и резкий противник коммунизма, он выступал за укрепление колониального могущества Британской империи и против каких-либо поблажек национально-освободительным движениям. В подростковом возрасте Джойс в ходе англо-ирландской войны 1919–1921 гг. сообщал данные о передвижениях и штабах Ирландской республиканской армии британским войскам. В 1921 г. переехал в Лондон, где получил высшее образование. В 1932 г. он вошел в Британский союз фашистов, но через 5 лет вышел и создал еще более радикальную Национал-социалистическую лигу на платформе антисемитизма и антикапитализма, изложенных в его книге «Национал-социализм сегодня». В 1939 г. бежал из Великобритании. В 1940 г. получил немецкое гражданство и до своего пленения союзниками в 1945 г. был ведущим немецкого коротковолнового радио «Говорит Германия»

(трансляция велась из Гамбурга) на английском языке. В 1946 г. был казнен британскими властями.

В своих еженедельных пятнадцатиминутных вечерних передачах Джойс по псевдонимом «лорд Хау-Хау» преуменьшал успехи Великобритании и ее союзников, призывая к заключению почетного мира с Германией и к созданию нацистского государства на Английских островах. Осенью-зимой 1939 г. его выступления имели целью убедить европейцев в миролюбии Гитлера, который, якобы, не желал войны в Европе. С той же целью 9 ноября 1939 г. служба безопасности (СД) устроила так называемый «инцидент в Венло» – провокацию, в ходе которой был убит офицер голландского генерального штаба Д. Клоп, а также были похищены британский резидент в Голландии майор С. Пейн-Бест и капитан Р. Стивенс. Таким образом, геббельсовская пропагандистская машина получила в свои руки «доказательства» того, что покушение на Гитлера, организованное Г. Эльзером (бомба на встрече старых нацистов в пивной «Бройкеллер» взорвалась после того, как фюрер покинул пивную), было подстроено английской разведкой с территории Нидерландов.

Среди других тем, затрагивавшихся «лордом Хау-Хау», – текущее положение на фронтах, жилье для рабочих, безработица, двусмысленная предвоенная внешняя политика Лондона, антисемитизм – были новости, которые нередко появлялись на страницах британских газет. На популярность Джойса играли точность и своевременность сведений (в т.ч. слухов), приходивших из Великобритании, а также стремление «Би-Би-Си» к замалчиванию плохих новостей [11]. Его основным тезисом было утверждение, что правительство Черчилля не является по-настоящему империалистическим, и только следование примеру гитлеровской Германии, а после 1939 г. – только поражение Черчилля сможет «открыть путь к национал-социализму для вечной Британской империи» и совместной борьбе против Советской России [29, p. 121].

Интересные детали и сарказм в описании событий «лордом Хау-Хау» импонируют его английским слушателям, хотя некоторые особенности произношения выдавали в нем представителя средних слоев, но отнюдь не аристократа. Тем не менее, отдельные его выпуски имели влияние на англичан. Так, 11 декабря 1939 г. генеральный директор «Би-Би-Си» Ф.В. Огилви писал в военное министерство о «некотором количестве сообщений от офицеров по общественной информации, что передачи из Гамбурга стали важным фактором, влияющим на настроения» [13] в Великобритании. Далее Огилви запрашивал санкцию на какую-либо из следующих контрмер: отвлекать внимание англичан более интересными передачами в то время, когда вещал «лорд Хау-Хау», или же высмеивать

в эфире «Британской радиовещательной корпорации» информацию и личность «лорда» по завершении его трансляций [13].

Серьезная озабоченность «вопросом Хау-Хау» высказывалась Огилви 26 декабря 1939 г. в письме канадскому газетному магнату и активному деятелю британского Министерства информации в годы Первой мировой войны Кемпбеллу Стюарту. Директор «Британской радиовещательной корпорации» писал: «Нельзя отрицать, что его (Хау-Хау. – Д.С.) сейчас многие слушают, сомнения возникают в том, как реагируют на его слова» [Там же]. Среди мер противодействия немецкому диктору назывались высмеивание его в юмористических передачах, а также ряд разъяснительных передач («Голос нацистов» – цикл бесед, изобличающих ложь Берлина, и драматический радиосериал «Тень свастики» об истории НСДАП). В 21.30, после окончания выступления «лорда Хау-Хау», на волнах «Би-Би-Си» начинал свое выступление его британский контр-партнер [Там же].

Влияние «лорда Хау-Хау» возросло во время массированных авианалетов люфтваффе осенью 1940 г. Так, 14 октября 1940 г. представитель старейшего британского рекламного агентства «Лондон пресс эксчейндж» Ф. Митчелл отправил в службу мониторинга «Би-Би-Си» письмо, в котором обращал внимание на панические слухи о возможной бомбежке на фабрике «Фрай» концерна «Кэдбери», вызванные фразой «лорда Хау-Хау»: «Кстати, мы все знаем о “Фрае”». (В это время завод был перекалифицирован на выпуск противогазов, крыльев для самолетов, бензобаков и запасных частей для автомобилей) [12].

Передачи радиостанции «Говорит Германия» записывались в архив «Би-Би-Си», а их влияние на британскую публику тщательно изучалось. В январе 1940 г. в стенах корпорации был проведен анализ влияния передач из Гамбурга на английскую аудиторию. По результатам опросов, выяснилось, что с сентября 1939 г. около 1/3 взрослого населения Великобритании, или 9 млн. чел., ежедневно принимали радиостанцию «Говорит Германия» (для сравнения: ежевечерние 9-часовые новости «Би-Би-Си» слушала половина британцев, или 16 млн. чел., а передачу «Тень свастики» – около 11 млн. чел.). Причем наблюдалась интересная тенденция: число слушателей гамбургской радиостанции прирастало за счет новых англичан, но теряло прежних. Таким образом, в конце декабря 1939 г. аудитория немецкой радиостанции упала на 5%. Немецкие передачи слушали, в основном, представители разного пола разного достатка в возрасте 20–30 лет, которые регулярно читали центральную британскую прессу и были достаточно осведомлены в политике. Из всего числа принимавших немецкие радиопередачи англичан около 2/3 слушало

комментарии «лорда Хау-Хау». Его популярность, как считали аналитики «Би-Би-Си», была результатом его свободных высказываний, но не оригинальных новостей. «Общепризнано, что Хау-Хау – лжец, хотя в его высказываниях порой бывают семена правды. Но ни один из опрошенных не сказал, что немецкие передачи для него – откровение» [16].

Несмотря на гитлеровские попытки взять туманный Альбион в голодную блокаду, запугать его жителей «бомбовым террором» или распропагандировать их, англичане хранили верность короне. Немецкие передачи слушались ими, в основном, чтобы узнать детали новостей, переданных «Би-Би-Си». Или же из стремления ознакомиться с альтернативной точкой зрения, ненадолго отключиться от привычного формата и дикторов «Британской радиовещательной корпорации». Однако основное содержание передач «лорда Хау-Хау» не вызывало доверия у англичан, особенно после того, как факты входили в прямое противоречие с его словами. Возможно, отчасти причиной популярности немецких передач было фрондерство, но не более того. В годы Второй мировой войны в Великобритании не произошло ни одной достаточно широкой антиправительственной и прогитлеровской акции.

Таким сложным, тяжелым и многогранным испытанием была Вторая мировая война для Великобритании. Война потребовала стойкости духа, твердой веры в свою победу и отказа от прежних стереотипов. Многие для укрепления национального духа было сделано государственными органами. Министерство внутренних дел имело полномочия закрывать издания, выступающие против продолжения войны с Германией, а изданная в дополнение закона о чрезвычайном положении «Инструкция № 39-Б» объявляла уголовным преступлением публикацию материалов, которые могут нанести ущерб ведению боевых действий и обороне государства. Однако такие случаи были единичными. Как свидетельствует глава Бюро прессы и цензуры (бывший редактор газеты «Дейли Геральд») Ф. Уильямс, его подчиненные лишь запрещали тиражирование секретных сведений, но не мешали свободе мнений [33, р. 31]. Однако государственная корректировка последних от «перегрева» левыми движениями (лейбористами, «Фабианским обществом», «Комитетом 1941» и другими) в просоветском русле была регулярной. Слова Ф. Уильямса подтверждают два правительственных кризиса (весны 1942 и 1943 гг.), причиной которых было не стремление политических партий и населения к миру с Германией, но требование более решительных мер по разгрому агрессоров. В отличие от Первой мировой войны, в 1939–1945 гг. в Великобритании почти не было выступлений в пользу мира с Германией [4, с. 267]. Британцы вполне заслужили оценку, данную им американскими

кинодокументалистами: «Бомбы могут только убить, но им никогда не сломить твердого духа жителей Лондона». Великобритания вместе со своими союзниками выстояла и победила.

Библиографический список

1. Белов Д.А. Сталинград в оценке общественности Великобритании и США (1942–1945). Волгоград – Самара, 2011.
2. Буранок С.О. Героизация битвы за Мидуэй в прессе США // Известия Тульского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. № 1–1. С. 334–339.
3. Война. Народ. Победа / Под ред. Мягкова М.Ю., Никифорова Ю.А. М., 2008.
4. Война и общество в XX веке / Рук-ль проекта О.А. Ржешевский. Кн. 2. М., 2008.
5. Майский И.М. Служебный дневник полномочного представителя СССР в Великобритании // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 017а. Дневник Майского. Оп. 1. Д. 10.
6. Поздеева Л.В. Лондон – Москва. Британское общественное мнение и СССР, 1939–1945. М., 2000.
7. Союзники в войне 1941–1945 / Отв. ред. А.О. Чубарьян, У.Ф. Кимболл, Д. Рейнолдс. М., 1995.
8. Статистическая история США / Отв. ред. В.В. Согрин. М., 2012.
9. Шелленберг В. Вторжение 1940. М., 2005.
10. 8 AF PM Report, 10 Nov., 1943 // Library of Congress. Spaatz papers. Box 70.
11. A Letter from the BBC Director-General // BBC Archive. N.p., n.d. Web. 6 Aug. 2013. URL: <http://www.bbc.co.uk/archive/hawhaw/8926.shtml> (дата обращения: 12.12.2014).
12. A Letter from the London Press Exchange // BBC Archive. URL: <http://www.bbc.co.uk/archive/hawhaw/8922.shtml> (дата обращения: 12.12.2014).
13. A Letter from the War Office, Whitehall. Action Must Be Taken Against Lord Haw-Haw // BBC Archive. URL: <http://www.bbc.co.uk/archive/hawhaw/8923.shtml> (дата обращения: 12.12.2014).
14. A Memo Outlines the Decrease in Listeners to BBC Radio // BBC Archive. URL: <http://www.bbc.co.uk/archive/hawhaw/8920.shtml> (дата обращения: 12.12.2014).
15. Alexander H. Oversexed, Overpaid and over Here // The Phrase Finder. Morgantown Post. 1958. 5 March. URL: <http://www.phrases.org.uk/meanings/oversexed-overpaid-and-over-here.html> (дата обращения: 12.12.2014).
16. An Audience Research Special Report // BBC Archive. URL: <http://www.bbc.co.uk/archive/hawhaw/8927.shtml> (дата обращения: 12.12.2014).
17. Cadler G. The Peoples War. Britain 1939–1945. L., 1992. P. 291.
18. Cole J.A. Lord Haw-Haw and William Joyce. The full story. L., 1964.
19. Conclusions of a Meeting of the War Cabinet held at 10 Downing Street, S.W. 1, on Friday, September 20, 1940, at 12 noon // National Archives WP (40). CAB 65/9/17.
20. Curran J. Impacts and Influences: Essays on Media Power in the Twentieth Century. L., 1987.

21. Lamont C. Soviet Russia Versus Nazi Germany. NY, 1941.
22. McGrory D. The Coventry Blitz // Coventry And Warwickshire News. N.p., 10 Nov. 2008. URL: <http://www.cwn.org.uk/heritage/blitz/index.html> (дата обращения: 12.12.2014).
23. National Council Of American-Soviet Friendship. Salute to Our Russian Ally. NY, 1942.
24. National Council Of American-Soviet Friendship. Know the USSR: Reading the Soviet Union. NY, n.d.
25. Olson L. The Citizens of London. L., 2010.
26. Organization of Allied Naval, Army and Air Contingents // National Archives WP (40) 168. CAB/66/10/12.
27. Propaganda, Politics and Film 1918–45 / Eds. N. Ponoray, D.W. Spring. L., 1982.
28. Reynolds D. Rich Relations. L., 1986.
29. Selwyn F. Hitler's Englishman. The crime of Lord Haw-Haw. L., 1987.
30. War Cabinet meeting minutes. Russian Views about a Second Front // National Archives WP (40) 168. PRO FO 371/32911.
31. Ward H. Soviet Russia and Postwar World. NY, 1943.
32. Ward H. The Soviet Spirit. NY, 1944.
33. Williams F. Press, Parliament and People. L., 1946.
34. UK Ministry of Information regional reports, 2–9 March, 1943. PRO FO 771/34123, A 1609.
35. US Justice Department, Immigration and Naturalization Service Annual Reports. Washington (D.C.), 1942–1945.

А.В. Вахромеева, И.С. Иванов

Информационно-агитационное и организационно-массовое направление избирательных кампаний в России (2011–2012 гг.)

В статье анализируется состояние и основные тенденции информационно-агитационного и организационно-массового направлений в избирательных кампаниях России 2011–2012 гг. Приводятся результаты сравнительного анализа ведения предвыборной борьбы основными парламентскими и непарламентскими политическими партиями.

Ключевые слова: избирательная кампания, политические элиты, политические партии, избирательные технологии, избирательные кампании 2011–2012 гг. в России.

Избирательный процесс является важнейшим элементом демократического правового государства, который несет на себе функцию легитимации политической власти. Открытые, честные выборы возможны только в условиях конкурентного взаимодействия различных политических сил. Инструментом борьбы субъектов избирательного процесса за голоса избирателей является избирательная кампания, эффективность которой определяется качеством технологического сопровождения. Являясь одним из видов управленческих отношений, избирательные кампании играют сегодня ключевую роль в процессе завоевания, удержания, распределения и реализации политической власти на разных уровнях: от федерального до местного.

За два последних десятилетия в России произошли коренные перемены в социально-экономической и политической сферах: сменился

господствующий тип собственности, трансформировалась социальная структура, возник новый механизм формирования государственной власти, что привело к актуализации вопроса технологического обеспечения электорального процесса. Использование политических, в частности, избирательных технологий способствует устойчивости политической системы, повышению эффективности электорального процесса. Вместе с тем, доминирование манипулятивных технологий и дефицит технологий диалоговых приводит к кризису доверия населения к информации, транслируемой властью, и к органам власти в целом, порождает социальную напряженность и дестабилизацию общественных настроений. Так, в конце 2011 – начале 2012 гг. (электоральный цикл 2011–2012 гг.) наблюдался всплеск протестной активности населения, причиной которого послужило активное деструктивное воздействие оппозиционных сил, что способствовало делегитимации не только действующей власти, но и политической элиты в целом.

Технологическое сопровождение избирательных кампаний в современной России носит противоречивый характер: с одной стороны, наблюдается интенсификация использования технологий формирования электорального выбора в рамках открытого этапа избирательной кампании (этапа активных действий), с другой – большинство из них носит манипулятивный характер, что имеет своим следствием кризис доверия к органам государственной и муниципальной власти, институту выборов, приводит к повышению уровня протестной активности граждан. Оптимизация технологического сопровождения электорального процесса связана с построением субъект-субъектного взаимодействия в соответствии с моделью двусторонней коммуникации.

Основной отличительной особенностью избирательных кампаний в России является их ситуативность, которая характеризуется воздействием на избирателя лишь в предвыборный период, что снижает эффективность избирательной кампании. Для сравнения, избирательные кампании в США проводятся на перманентной основе, для США характерно высказывание «после избрания на первый срок сразу начинается кампания для победы ко второму сроку». Подавляющее большинство граждан США имеет четкую партийную определенность, что в какой-то степени является результатом постоянного воздействия избирательных технологий на общество со стороны политических сил. Российские политические кампании распространяются только на предвыборный период, вследствие чего такой важный ресурс политической кампании, как время, значительно сокращается. Субъекты избирательных кампаний в борьбе за избирателя в достаточно сжатые сроки начинают комплексное воздействие

на электорат, погружая его в ситуацию постоянного психологического и информационного давления, что становится причиной отторжения коммуникационного процесса. Такое положение вещей становится причиной еще одной особенности российского избирательного процесса. Отсутствие достаточного количества времени и нежелательная реакция электората на принимаемые меры избирательной кампаний вынуждает использовать более грубые, навязчивые технологии, которые в еще меньшей степени воспринимаются обществом.

Более подробно об особенностях избирательных технологий целесообразно говорить в рамках направлений избирательной кампании (агитационно-рекламное и организационно-массовое).

Активность политических партий в процессе избирательной кампании депутатов Государственной Думы VI созыва существенно различалась. Наиболее активно свою избирательную кампанию проводила партия «Единая Россия», после нее «КПРФ», «ЛДПР», «ЯБЛОКО», менее активны были «Справедливая Россия» и «Правое дело», практически отсутствовала агитация у партии «Патриоты России». Согласно электоральным рейтингам, предложенным ВЦИОМом, рейтинг партий начал расти с октября 2011 г. (таблица 1). Можно предположить, что в это время партии начали вести предвыборную кампанию, не используя политическую агитацию, которая разрешена за месяц до даты выборов.

Таблица 1

Рейтинг политических партий [7]

Партия	Октябрь 2011 г.	Ноябрь 2011 г.	Результаты выборов
«Единая Россия»	45%	40%	52%
«КПРФ»	9%	12%	20%
«ЛДПР»	13%	10%	12%
«Справедливая Россия»	4%	8%	14%
«Яблоко»	0,37%	1,40%	3,43%
«Правое дело»	0,73%	0,37%	0,60%
«Патриоты России»	0,37%	0,31%	0,97%

Пик рейтингов пришелся на ноябрь 2011 г. (таблица 1), в период проведения избирательной кампании. Интересно, что рейтинг «Единой России» сильно упал в этот период, несмотря на то, что политическая реклама партии была популярна среди избирателей. По мнению заместителя директора «Левада-центра» Алексея Гражданкина, до граждан дошел смысл съезда «Единой России», на котором 24 сентября было объявлено

о рокировке в тандеме. Для всех теперь стало очевидным, что рокировка фактически состоялась [3]. Это отторжение «Единой России» обществом актуализировало деструктивный вектор избирательных кампаний оппозиционных партий, который еще более усугубил ситуацию.

Стоит отметить и падения рейтинга партии «Правое дело», которая проводила активную кампанию через Интернет. Падение рейтинга было связано с резонансным выходом из партии М. Прохорова, а также с резкой сменой визуального сопровождения партии, что негативно повлияло на узнаваемость не только агитации, но и самой партии.

Выборы же Президента показали низкую активность кандидатов, что отражает одну из особенностей избирательных кампаний в России, вытекающую из особенностей российской политической системы. Причиной низкой активности кандидатов в президенты можно считать короткий промежуток между электоральными циклами, который не позволяет кандидатам развернуть избирательную кампанию в полной мере сразу после выборов в Государственную Думу VI созыва, из-за сжатия этих сроков избирательная кампания кандидатов в Президенты воспринимается как продолжение избирательной кампании партий, которые они представляют.

Одной из ключевых тем рассматриваемой думской кампании стал национальный вопрос. В начале мая Минюст подтвердил регистрацию международного фонда помощи соотечественникам «Конгресс русских общин» (КРО), в августе была реанимирована российская организация «Родина. КРО» во главе с постпредом РФ при НАТО Дмитрием Рогозиным. К началу осени все говорило о возвращении Д. Рогозина во внутреннюю политику, обсуждался вопрос о включении Д. Рогозина в предвыборный список «Единой России». Однако на сентябрьском съезде «Родины. КРО» Д. Рогозин заявил, что его возвращение в российскую политику откладывается, а позже Д. Рогозин вошел в общественный комитет сторонников Д.А. Медведева.

Д.А. Медведев перед началом кампании наложил строгий запрет на использование националистической риторики и неоднократно повторял, что разжигание розни в предвыборную кампанию недопустимо. Предостережение главы государства не помешало ЛДПР использовать традиционные лозунги «За русских!» и «В защиту русского народа!», которые стали одной из основных тем избирательной кампании партии.

Агитационно-рекламное воздействие на избирателя относится к технологиям информационного типа, их целью является информирование избирателей о кандидате, партии, программе и т.п. Последние электоральные циклы показали, что политическая реклама или агитация

является достаточно популярной формой коммуникации между субъектами избирательной кампании. В избирательных кампаниях партий в рамках выборов депутатов Государственной Думы VI созыва активно использовалась такая рекламная продукция, как телевизионные ролики, реклама на наружных рекламных носителях, реклама на транспорте, мелкая агитационная продукция и т.п. Практически все партии представили свои программные положения и идеологические взгляды на будущее страны в агитационной форме. «Единая Россия» проводила агитационную кампанию наиболее эффективно. Ролики этой партии понравились 36% избирателей, дебаты – 20%, наружная агитация – 26%, печатные материалы – 21%.

Остальные партии, проходящие в парламент с меньшими показателями, показали и менее успешные результаты в агитации. Так, «КПРФ» в соревновании по партийным роликам смогла получить положительные отзывы только 23% респондентов, по дебатам – 15%, по наружной агитации – 10%, по печатным материалам – 13%. «Справедливая Россия» в ряде случаев проводила агитацию более эффективно, чем «КПРФ». Например, ролики «Справедливой России» понравились избирателям больше, нежели «КПРФ» (32%). Аналогичная ситуация – с наружной агитацией (14%) и печатными материалами (17%). «ЛДПР» показывала высокие результаты в отдельных элементах агитационной кампании: третье место в соревновании по популярности роликов (29%), второе – по дебатам (19%) и наружной агитации (14%).

«Малые» партии, которым не удается преодолеть 7%-ный барьер, слабо проявили себя и в агитационной кампании. Ролики, дебаты, наружная агитация, печатные материалы партий «Яблоко», «Правое дело», «Патриоты России» большинство избирателей не заметили [1].

В процессе избирательной кампании на пост Президента РФ ситуация оказалась иной, рекламная продукция как таковая практически отсутствовала. Агитация проводилась в форме сообщений в СМИ, информационных поводов. Наиболее популярными каналами коммуникации среди граждан являются телевидение и Интернет, при этом второй выделяют оппозиционно настроенные избиратели.

В этой связи стоит отметить отличительную особенность избирательной кампании М.Д. Прохорова, который в качестве канала коммуникации активно использовал Интернет, в частности – различные интернет-сообщества в социальных сетях, личные страницы кандидата, его блог. Михаил Прохоров изначально позиционировал себя как политик с либеральными взглядами, идущий в ногу со временем. Интернет как ресурс избирательной кампании в данном случае положительно влиял на ее

эффективность, по данным ВЦИОМа, за избирательной кампанией на пост Президента следили более половины россиян (55%). Наибольший интерес к этой теме проявляют сторонники М. Прохорова (82%) [2].

Другие кандидаты в президенты также проводили свои избирательные кампании. В качестве агитационно-рекламного сопровождения выступали ролики на телевидении. Г.А. Зюганов представил в рекламе обновленный, в какой-то степени прогрессивный образ политика. В.В. Жириновский сменил вектор избирательной кампании, и наряду с роликами типа «Выбирай или будет хуже!» продемонстрировал более мягкий образ политика, сопровождаемый лозунгом на голубом фоне: «Выбирай и будет лучше!».

Организационно-массовое направление избирательных технологий тоже имеет ряд отличительных особенностей в рамках последних электоральных циклов. Избирательная кампания партий на выборах в Государственную Думу VI созыва, помимо неотъемлемых встреч с представителями партий и митингов в различных регионах страны, характеризовалась использованием одной из технологий взаимодействия – «от двери к двери». В рамках кампании эту технологию использовала партия «Единая Россия» на территории Тульской области, взаимодействие основывалось на выдаче социальной карты «Забота».

Технология проводилась в несколько этапов. На первом этапе агитаторы обходили квартиры туляков, интересуясь, проживают ли в семье инвалиды, ветераны и пенсионеры. Устанавливался контакт с избирателями, раздавались агитационные листовки, собирались адреса и номера телефонов. Второй этап заключался в повторном обходе квартир, в которых проживали целевые группы (пенсионеры, инвалиды, ветераны, многодетные семьи), представителям групп раздавались именные карты «Забота», по которым их обладатели получали скидки на различные товары и услуги в магазинах, аптеках и других коммерческих организациях города. Такого рода акция эффективно работает именно на социально незащищенную часть избирателей, она позволяет демонстрировать заинтересованность в проблемах данной группы и готовность «заботы» о них.

В рамках кампании федерального уровня «Единая Россия» использовала технологию «наказов», объявив в мае о создании «Общероссийского народного фронта», который должен был освежить имидж партии и привлечь в ее ряды новые лица. Активистам этого новообразования были обещаны места в партийном списке «партии власти», но только после победы на обязательных внутрипартийных праймериз. Во «фронт» вступали предприятиями, «фронтвики» массово слали «наказы» для «Народной программы», которую должен был сформулировать специально

созданный институт во главе с бывшим президентом Чувашии Н. Федоровым.

Технология достаточно эффективно действовала на рост рейтинга партии. Уровень поддержки Общероссийского народного фронта постоянно возрастал (с 27 до 33% за три недели). Позитивно к созданию этой организации относились, в первую очередь, респонденты, одобряющие деятельность В.В. Путина (43%), сторонники «Единой России» (50%) и столичные жители (46%). В то же время, стабильной осталась группа респондентов, негативно настроенных в отношении Народного фронта (21%). Это, чаще всего, россияне, не одобряющие деятельность В.В. Путина (46%), сторонники непарламентских партий (50%). Поддержать на выборах кандидатов, выдвинутых Народным фронтом, был готов каждый третий россиянин, знающий об этой организации (33%). Прежде всего, это москвичи и петербуржцы (46%), респонденты, одобряющие деятельность В.В. Путина (45%) и сторонники «Единой России» (51%). 48% опрошенных не были готовы проголосовать за кандидатов от Общероссийского народного фронта. Это, как правило, респонденты, негативно оценивающие деятельность В.В. Путина, а также приверженцы «ЛДПР» (по 77%) [5]. Однако стоит отметить, что итоговый предвыборный список партии расходился с результатами праймериз, а предвыборной программой партии стали выступления Дмитрия Медведева и Владимира Путина на партийном съезде.

Президентская кампания 2012 г. стала отличительной благодаря митингам и акциям протеста, проходившим по всей России. Волна митингов оппозиции «За честные выборы» началась еще после думских выборов. Основные события развивались на проспекте Сахарова 27 декабря 2011 г. Характерные особенности этих акций – активное использование Интернета для организации митинга и социальный и возрастной состав митингующих. По данным ВЦИОМа, в митинге участвовали, как правило, мужчины (64%), в большинстве случаев – моложе 45 лет (62%), высокообразованные (70%), специалисты с высшим образованием в коммерческом секторе (44%), со средним материальным положением (56%) [4]. Стоит отметить, что митинги, проходившие сразу после выборов, являются в большей степени выражением гражданской позиции и исходили от общества, в меньшей степени граждане были мобилизованы при помощи каких-либо технологий.

Информационно-психологическое воздействие на избирателей является наиболее скрытым и требующим особого анализа. В рамках последних электоральных циклов наблюдалась тенденция использования деструктивных методов воздействия на избирателей, особенно со стороны

оппозиционных партий. Партия «ЛДПР» применяла технологии введения в полярности: лозунги партии «ЛДПР или будет хуже!» ставят избирателя перед выбором двух противоположных альтернатив. Также партией использовалась технология создания угроз: при помощи рекламных роликов избирателей погружали в атмосферу угрожающего будущего в случае победы «партии власти» на выборах.

Основной технологией, которая использовала партия «Единая Россия», была технология «медиаторов» или технология подражания. На постерах, листовках и другой визуальной агитации, наряду с представителями партии, изображались высшие должностные лица регионов. Другие партии в качестве «медиаторов» использовали звезд российского шоу-бизнеса и кинематографа, например, рекламные ролики «Справедливой России» начинались с обращения Риммы Марковой.

Уже на протяжении второго электорального цикла (выборы в Государственную Думу V созыва 2007 г. и выборы в Государственную Думу VI созыва 2011 г.) «Единая Россия» активно использует технологию «паровозов». В рамках избирательной кампании 2007 г. Участие Президента РФ В.В. Путина в избирательной кампании в качестве кандидата в депутаты Государственной Думы, возглавлявшего федеральный список одной из политических партий, создало для него возможности использования преимуществ своего должностного положения с целью агитации за данную партию. Следует отметить, что Президент РФ в течение двух месяцев, когда он был кандидатом в депутаты, в основном, не занимался предвыборной агитацией. Тем не менее, можно привести примеры его выступлений, которые оппоненты расценили как злоупотребление должностным положением с целью агитации за «Единую Россию». Первый эпизод имел место в ходе прямого теле- и радиозифира («Прямая линия с Президентом России») 18 октября 2007 г., который транслировался ведущими теле- и радиоканалами, и фрагменты которого публиковались во многих газетах. Президенту был задан вопрос: в чем особенности выборов 2007 г., которые подвигли его войти в список одной из партий. Ответ В.В. Путина свелся к тому, что он считает крайне важным избрать дееспособный парламент, а «Единая Россия» была «ключевым элементом дееспособности парламента в предыдущие годы». В этом высказывании Президента РФ можно увидеть некоторые признаки предвыборной агитации, все же оно было достаточно аккуратным и сдержанным, а его целью можно было считать разъяснение мотивов поступка, сделанного Президентом незадолго до этого. На выступление В.В. Путина и его трансляцию были поданы в ЦИК РФ жалобы от «КПРФ» и «Союза Правых Сил». Рабочая группа

ЦИК РФ, рассмотрев эти жалобы, не усмотрела в выступлении наличия предвыборной агитации.

В электоральный период 2011 г. список партии возглавил также действующий Президент Д.А. Медведев. Второго декабря 2011 г. Медведев выступил с традиционным предвыборным обращением к гражданам с призывом прийти голосовать на участки. В своем выступлении он не агитировал напрямую за партию власти, однако подчеркнул, что в парламенте должно быть «устойчивое большинство» «ответственных политиков», и призвал проголосовать за тех, кто «имеет опыт преодоления кризисных ситуаций» [6]. Региональные списки партий возглавляли известные политические персоны, на выборах в Государственную Думу VI созыва от Тульской области баллотировался Б.В. Грызлов. На агитационных материалах кандидат изображался с Губернатором Тульской области В. Груздевым. В данном случае происходило сочетание технологий «паровозов» и «медиаторов».

Что касается президентских выборов, то основной упор информационно-психологического воздействия был направлен на противодействие негативному влиянию митингов протеста на рейтинги В.В. Путина. Для этого в СМИ использовались такие технологии, как метод перефокусировки внимания, метод отвлечения. Предвыборным штабом В.В. Путина активно использовалась технология «информационной перегрузки», но немного в другом ее понимании, при помощи этой технологии СМИ выдавали огромные потоки информации о деятельности В.В. Путина как должностного лица, премьер-министра, таким образом, что информация о других кандидатах терялась в этом потоке. Изначально избирательная кампания В.В. Путина как кандидата в Президенты в первую очередь отталкивалась от продвижения курса стабильного развития политической системы, именно поэтому было важно фактическое большинство «Единой России» на выборах в Государственную Думу VI созыва. Можно сказать, что кампания в рамках депутатских выборов была неотъемлемой частью кампании В.В. Путина на президентских.

Ситуация же с выборами президента в 2008 г., когда баллотировался Медведев, была иная. На тот период избирателям нужно было предоставить определенного лидера, который послужил бы не только временной заменой В.В. Путину, но и стал неким либеральным перерывом после жестких реформ Путина. Политтехнологи представили общественности Медведева, в его избирательной кампании основным направлением являлось брендинг, построение имиджа кандидата.

Исходя из вышесказанного, можно сделать выводы. Избирательные кампании, проводимые российскими политическими элитами, имеют

ряд особенностей. Избирательная кампания проводится непосредственно перед выборами, воздействие не несет перманентный характер, что негативно сказывается как на эффективности избирательной кампании, так и на стабильности настроений общественности, перегруженной потоками политической информации.

Еще одним существенным отличием избирательных кампаний последнего электорального цикла является относительно высокая активность субъектов политической кампании на выборах в Государственную Думу VI созыва и низкая – на выборах Президента РФ. Это обусловлено малым временным промежутком между двумя выборами, что становится причиной «слияния» избирательных кампаний.

Характерной особенностью является постоянное использование технологии «паровозов», позволяющей использовать должностные положения кандидатов для создания информационного повода и скрытой агитации.

Библиографический список

1. Битва партийных рекламных роликов: большинство предпочитает единороссов. Пресс-выпуск № 1892 // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112096> (дата обращения: 20.05.14).
2. Итоги выборов: удивительные или ожидаемые? Пресс-выпуск № 1978 // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112600> (дата обращения: 20.05.14).
3. «Левада-центр»: Рейтинги тандема и «Единой России» падают / РИСК. 2011. № 7. URL: http://risk-inform.ru/article_2751.html (дата обращения: 20.05.14).
4. Митингующие в Москве: кто и зачем вышел на проспект Сахарова в субботу. Пресс-выпуск № 1917 // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112274> (дата обращения: 25.05.14).
5. Общероссийский Народный фронт: известность и поддержка. Пресс-выпуск № 1978 // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111691> (дата обращения: 20.05.14).
6. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/14088> (дата обращения: 25.05.14).
7. Электоральный рейтинг политических партий // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/unparliamentary-parties/> (дата обращения: 20.05.14).

В.Д. Кортнева

Демографический кризис в России: предпосылки возникновения и перспективы развития

В статье анализируются подходы к определению демографической политики, охарактеризованы средства, применяемые государствами для решения демографических проблем. Дается определение демографической политики и определяется роль демографических процессов для всего политического процесса в современной России. Также статья раскрывает причины возникновения и обострения демографического кризиса в России.

Ключевые слова: демографическая политика, демографический кризис, меры демографической политики, депопуляция, причины депопуляции, предпосылки демографического кризиса.

Процессы социальной модернизации общества как целостной системы, структурные элементы которой тесно взаимосвязаны друг с другом, затронули и демографическую сферу, претерпевшую за последние годы многочисленные преобразования. Изменение стиля жизни различных слоев населения, обусловленное сдвигами в структуре ценностей и появлением новых потребностей, утверждением прав женщин на возможность карьерного роста, профессиональной самореализации, свобода выбора форм проведения личного досуга привели к трансформации моделей репродуктивного поведения. Глобальной тенденцией экономически развитых стран и государств с переходной экономикой явилось распространение массовой однодетности, что, в свою очередь, привело к усугублению в этих странах демографической ситуации [2, с. 166].

Необходимо отметить, что демографические проблемы в современном мире признаны наиболее значимыми. В каждом государстве внимание к проблемам демографии отражается в национальной демографической политике, а также в ее составляющих – семейной и миграционной политике.

Попытки установления контроля государства над брачностью, рождаемостью, миграцией и другими демографическими процессами имели место еще в Древнем мире. Демографическая политика современных государств отличается разнообразием целей и широтой подходов к их реализации. Как правило, в каждом государстве в соответствии с имеющимися

демографическими характеристиками формулируются концепция и цель демографической политики, избираются формы и методы ее правового обеспечения [7, с. 38].

При проведении анализа демографической политики государства, полноты ее мер, эффективности, необходимо изначально иметь теоретические знания и представления в данной сфере. Высокой теоретической ценностью обладает интерпретация В.Г. Глушковой, в которой демографическая политика названа системой мер, предпринимаемых государством для воздействия на естественное движение населения и достижения определенных демографических результатов [4, с. 206]. Созвучное определение дается М.А. Клуптом: «Демографическая политика представляет собой комплекс мер, принимаемых государством с целью повлиять на режим демографического воспроизводства в заданном направлении» [5, с. 311]. Широкое определение демографической политики подразумевает деятельность государства в сфере здравоохранения, образования, социальной защиты, охраны окружающей среды, занятости, налоговой политики, транспорта, строительства, жилищно-коммунальной сферы, что непосредственно или косвенным образом влияет на состояние жизни семей. В нее включаются меры, целью которых является поддержка семей с несовершеннолетними детьми (выплаты и пособия, налоговые льготы); обеспечение льготами работников, имеющих родительские обязанности (пособия по уходу за ребенком, больничные листы, декретный отпуск); создание системы дневного пребывания ребенка (ясли, детские сады, группы продленного дня, секции и кружки, летние лагеря); другие службы и льготы для семей с детьми в сфере социальной защиты, образования, жилищной политики, здравоохранения; законодательство, непосредственно нацеленное на семью (в т.ч. фиксирующее усыновления, разводы и т.д.) [3, с. 68].

Кроме административных и экономических мер регулирования демографических процессов, выделяют также меры информационно-пропагандистского характера и организационные меры. Главная задача информационных – подготовка общественного мнения в необходимости проведения демографической политики, отвечающей национальным интересам страны. К ним относятся: формирование общественного мнения, норм и стандартов демографического поведения; определение отношения к религиозным нормам, традициям и обычаям; политика планирования семьи; половое образование молодежи. К мероприятиям организационного характера относятся: создание властных структур в стране, занимающейся решением демографических проблем; создание общественных организаций (советов, фондов и др.), работающих по конкретным

демографическим проблемам; создание советов, консультаций, занимающихся решением проблем семьи, в том числе и многодетных; создание служб доверия, помогающих молодым семьям; совершенствование работы служб, занимающихся созданием информационной базы о демографических процессах, в т.ч. о миграции населения; создание и поддержка служб, ведущих борьбу с наркоманией, алкоголизмом, курением. Таким образом, меры демографической политики воздействуют как на формирование демографических потребностей, обуславливающих специфику демографического поведения, так и на создание условий для их реализации.

В последние годы в России на уровне государства и общества происходило постепенное осознание необходимости проведения активной семейно-демографической политики, ориентированной на семью с несколькими детьми. Основным объектом семейно-демографической политики с учетом демографической структуры населения остается семья. Это обусловлено серьезной обеспокоенностью российского государства и его институтов демографической проблемой, сложившейся в стране в последние два десятилетия. Об этой обеспокоенности говорит, во-первых, наличие большого количества государственных программ, направленных на улучшение и стабилизацию демографической ситуации, а во-вторых, тот акцент, который на протяжении нескольких лет делает в своих ежегодных посланиях Федеральному Собранию Президент РФ.

Следует отметить, что глубокий кризис института семьи в России на фоне тяжелого социально-экономического положения обусловил развитие негативных демографических тенденций: падение рождаемости ниже уровня, обеспечивающего возобновление поколений; сокращение легитимной брачности; рост числа разводов; распространение внебрачной рождаемости; ухудшение репродуктивного здоровья; высокая на фоне развитых стран смертность населения. И это далеко не все негативные тенденции, которые существуют сегодня в нашей стране.

Очевидно, что проблема демографического характера является в современной России одной из самых острых и злободневных. Все вышеперечисленные тенденции оказывают негативное воздействие на экономическое развитие, конкурентоспособность и стабильность нашей страны, на благосостояние ее граждан. Чтобы избежать негативного влияния этих факторов на потенциал государства, последнее вынуждено постоянно разрабатывать все новые методы управления демографическими процессами, искать способы оптимизации существующего состояния демографических характеристик.

Выработка эффективной демографической политики в условиях депопуляции – первостепенная задача, решение которой предполагает исследования в области экономики, права, социологии. Лишь методом комплексного изучения данных естественных и прикладных наук возможно предотвратить демографическую катастрофу, но главное в этом вопросе – формирование общенациональной правовой концепции регулирования демографических проблем, создание эффективной законодательной базы в этой области.

Также следует добавить, что проблему численности и структуры населения необходимо включить к приоритетным направлениям в политике государства, т.к. численность и состав населения оказывают прямое воздействие на выполнение поставленных целей и задач во всех областях жизнедеятельности человека. Только многочисленное население может сохранить государственные территории (такие территории, которыми обладает Россия), кроме того, высокая доля трудоспособного населения может выполнить имеющиеся экономические и социальные программы, а значит, способствовать укреплению позиций (политических, военных, экономических и др.) собственной страны. Таким образом, только при наличии демографического потенциала государства можно рассчитывать на достижение его процветания.

Демографический кризис, охвативший Россию, порождает острую полемику по вопросам демографической политики. Возникает закономерный вопрос о причинах возникновения и обострения демографического кризиса в России, принявшего трагические формы.

Какие социальные силы и факторы вызвали его, а каковы перспективы его разрешения? Поиск ответов на эти непростые вопросы определяет нынешнюю полемику в российском обществе и среде российских ученых, а также остроту противоборства различных политических сил. Ответы на эти вопросы определяют и выбор соответствующей семейно-демографической политики [8, с. 95].

Демографические изменения, которые были привнесены в жизнь ходом социально-экономического развития на основе рыночных процессов, не отрицает никто из ученых, как отечественных, так и зарубежных, но оценка этих трансформаций оказывается принципиально различной. В науке существуют многочисленные попытки обоснования российского демографического феномена.

Одни авторы считают, что неблагоприятные жизненные условия, а именно отсутствие необходимого жилья (собственной квартиры), достаточного семейного дохода, развитой социальной инфраструктуры, доступных детских дошкольных учреждений, являются препятствием

для роста рождаемости. Другие исследователи полагают, что время многодетности безвозвратно ушло, сформировались новые стереотипы репродуктивного поведения, другие стили жизни семей, потребности, социальные установки и жизненные ценности, соответствующие вызовам современного этапа развития. В связи с этим никакие материальные стимулы и привилегии не способны не только сформировать установки на многодетность, но даже сделать доминирующей двух-, трехдетную модель семьи [2, с. 166–167].

По одной из версий, главные причины депопуляции в России – политика власти и радикальные реформы. Соответственно предлагаются и пути решения демографических проблем. Это, во-первых, возвращение во времена тоталитаризма и реставрация его социальной политики. Во-вторых, в рамках «демографической технологии» предлагаются запретительные меры, направленные на подъем рождаемости, типа запрета разводов, абортов, регулирования рождаемости, восстановления налога на бездетность и т.п. Словом, установление тоталитарного контроля над репродуктивным процессом, подобного тому, что проводится в Китае, только с противоположными целями. Некоторые из ученых идут еще дальше, предлагая переход к индустриальным способам производства людей: найму работников с конкурентоспособной зарплатой для рождения детей и с дальнейшим их воспитанием в государственных воспитательных учреждениях (детских домах, домах ребенка, интернатах) [8, с. 95]. Другими словами, полное упразднение семьи в качестве предприятия по воспроизводству человека и передача этой функции всецело в руки государства.

Многие демографы считают, что высокая смертность связана с незавершенностью процессов модернизации страны, включая социокультурный аспект, разрушением системы медицинской помощи, рекламой алкогольных напитков, распространением наркотиков и ухудшением положения с охраной труда и промышленной безопасности на предприятиях, в связи с нежеланием владельцев нести ненужные, по их мнению, расходы. Особенно ярко это проявилось в случаях аварий на шахтах. Другой причиной является возросшая неуверенность в будущем, отсутствие перспектив развития, что приводит к развитию депрессий, связанных с ними болезней и самоубийств. Академик Е.И. Чазов даже выступил с гипотезой, что неуверенность в будущем является основной причиной демографического кризиса в России [Там же, с. 96].

Здесь представляется интересным проанализировать результаты проведенного опроса экспертов, в качестве которых выступили работники социальных служб, здравоохранения, представители научного сообщества, органов власти и управления. Экспертам было предложено

ответить на вопрос: какой фактор является для семьи сдерживающим от рождения первого, второго, третьего и последующих детей. Результаты исследования представлены в таблице 1 [6, с. 28].

Таблица 1

Проблемы, удерживающие семьи от рождения детей, %

Проблемы	1-го ребенка	2-го ребенка	3-го и последующих детей
Финансовые проблемы	6,2%	8,8%	12,0%
Проблемы с жильем	8,8%	12,0%	12,0%
Неуверенность в будущем и другие социальные проблемы, связанные с социальным здоровьем	36,2%	32,4%	28,4%
Социальные проблемы, связанные с развитием девиантного поведения самих родителей, в т.ч. алкоголизм и наркомания	6,0%	9,2%	11,2%
Требования рыночной экономики и стремление быть как можно дольше конкурентоспособными на рынке труда	36,0%	30,0%	22,0%
Снижение значимости детства как такого в общей системе ценностей общества	6,8%	7,6%	14,4%

Таким образом, основными проблемами, удерживающими семьи от рождения первого ребенка, по мнению экспертов, являются неуверенность в будущем и другие социальные проблемы, связанные с социальным здоровьем, а также требования рыночной экономики и стремление быть как можно дольше конкурентоспособными на рынке труда.

Относительно второго ребенка действие этих факторов несколько сокращается, хотя и продолжает оставаться основным. В отношении рождения второго ребенка большее значение приобретают финансовые и жилищные проблемы, а также снижение значимости детства как такового в общей системе ценностей общества. Действие последних проблем в качестве сдерживающего фактора для рождения третьего и последующих детей еще более усиливается. Это отражает преимущественную ориентацию семей на одно-, двухдетность и в целом то обстоятельство, что семьи с большим числом детей сталкиваются с более широким спектром проблем, которые могут расцениваться как препятствие для рождения последующих детей.

Правительством России последние несколько лет проводится активная демографическая и семейная политика, направленная на стабилизацию

численности населения, рост рождаемости, повышение уровня и качества жизни семей с детьми («Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»). В рамках реализации указанной государственной стратегии введен комплекс мер пронаталистского характера, включающий увеличение размеров пособий по уходу за ребенком, дифференцированных в зависимости от очередности рождения детей; распространение права получения этих пособий на неработающих женщин; использование компенсаций за посещение ребенком детского дошкольного учреждения; реализация материнского (семейного) капитала. В регионах России отработывается правовой механизм передачи земельных участков в собственность многодетных семей для индивидуального жилищного строительства. В ближайшее время предполагается реализация мер, направленных на стимулирование рождаемости в регионах со сложной демографической ситуацией, в виде специального пособия при рождении третьего ребенка и последующих детей до достижения ими трех лет. Дополнительные меры, выполняющие компенсационную функцию и играющие определенную стимулирующую роль, оказались недостаточными для массового распространения двух-, трехдетной, а тем более многодетной семьи.

Несмотря на рост рождаемости, отмеченный в последние годы, в России устойчиво сохраняется и доминирует малодетный образ жизни, укорененный в практиках повседневности, социальных установках и жизненных ориентациях семей. Социологи, демографы, экономисты не прекращают споры о роли материальных стимулов в повышении рождаемости, с одной стороны, и степени влияния ценностных ориентаций на принятие решений о количестве детей в семье – с другой. Все большее число ученых приходит к выводу, что для радикального сокращения масштабов депопуляции, обеспечений условий для замещения поколений и поддержания простого воспроизводства населения необходимо целенаправленное формирование у молодежи потребности в семье с несколькими детьми. Исходя из этого, наряду с политикой материального стимулирования рождаемости необходима стратегия формирования потребности в детях и укрепления социального статуса семьи. Следует согласиться, что исследование вопроса о месте потребности в детях в структуре других потребностей имеет не только научное, но и большое практическое значение. Оно поможет в определении путей смены малодетного образа жизни среднететным, что возможно только при кардинальном изменении всей системы потребностей [1, с. 44].

Следует отметить, что демографическая политика, сколько бы определенных не давали ученые данному явлению, прежде всего, представляет

собой совокупность мероприятий, направленных на оптимизацию и стабилизацию демографических процессов в обществе. Поскольку эти демографические процессы и явления, как уже говорилось выше, способны прямым образом воздействовать на уровень национальной безопасности страны, на уровень благосостояния ее граждан и уровень их жизни, можно сделать вывод о том, что проведение эффективной демографической политики – важнейшая задача государственной власти. А сама семейно-демографическая политика является неотъемлемой частью общегосударственной политики.

На сегодняшний день большинство государств рассматривает демографическую политику как важнейший инструмент управления демографическими процессами. Россия не является исключением. Особое геополитическое положение, социально-политическое и экономическое развитие России обуславливают необходимость выработки собственной модели демографического развития и демографической политики с учетом ее региональных особенностей.

Библиографический список

1. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М., 2006.
2. Блинова Т.В., Вяльшина А.А. Репродуктивные предпочтения сельских женщин и ценность детей в семье // Социология. 2013. № 8. С. 165–170.
3. Вартумян А.А. Компаративистский анализ современных концепций и стратегий демографической политики // Политика и общество. 2012. № 3. С. 66–73.
4. Демография / Под ред. В.Г. Глушковой. М., 2004.
5. Клупт М.А. Демография регионов Земли. СПб., 2008.
6. Коломасова Е.Н., Романовская Е.С., Савинов Л.И. Семейно-демографическая политика в условиях урбанизации // Социология города. 2011. № 2. С. 23–29.
7. Никулина Ю.А., Нижник Н.С. Правовые средства обеспечения демографической политики в странах Западной Европы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1 (53). С. 38–45.
8. Фролкин П.П., Шатило Я.С. Демографическая политика и демографическая ситуация в Российской Федерации // Информационная безопасность регионов. 2012. № 2 (11). С. 93–97.

Э.В. Тюхтенов

Организация системы управления региональной избирательной кампанией: опыт применения мобилизационных технологий

Статья посвящена описанию проекта применения технологии политической мобилизации во время предвыборной кампании по выборам депутатов Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай в 2009–2010 гг. На конкретных примерах дано описание использования политических технологий в условиях региональных выборов, проанализирован результат.

Ключевые слова: политическая мобилизация, политические технологии, региональная избирательная кампания, региональные выборы, предвыборная кампания по выборам депутатов Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай в 2009–2010 гг.

Вопрос «Как победить на выборах?» становится актуальнее с каждым годом. Он же, этот вопрос, спровоцировал бурное развитие дискуссий, как теоретического, так и практического характера, на всем протяжении постсоветского времени в России. Спад политической активности граждан нашей страны наблюдается уже с 2005 г. К примеру, на выборах 14 марта 2010 г. в Республике Алтай до урны для голосования дошло лишь 59,26% избирателей. До этих выборов средняя явка составляла 75% [3]. Каким образом привлечь к участию в выборах тех избирателей, которые не пошли голосовать? Чтобы достичь желаемого (гипотетически) 99,99% уровня участия населения в выборах, следует понять, каков он, избиратель XXI в. и на какие «кнопки нажать», с тем, чтобы человек дошел до урны и опустил в нее бюллетень для голосования. Одним из возможных вариантов ответа на вышеуказанные вопросы может быть технология политической мобилизации.

Однако, прежде чем говорить о политической мобилизации, следует сказать несколько слов о нашем современнике – избирателе. Т.В. Кремень предлагает классифицировать потенциальных избирателей по типу политического поведения и политического участия. Ученая выделяет группы индивидов со следующими характеристиками:

- 1) высокая, постоянная политическая активность;
- 2) эпизодическое участие в политике, участие в выборах;

3) проявление определенного интереса к политике, или вербальное политическое поведение;

4) равнодушие, аполитичность, апатия, негативное отношение к возможному собственному участию в политике [2].

Как указывает большинство политологов и социологов, последняя, четвертая группа, численно увеличивается – растет деполитизация населения и прогрессирует абсентеизм. Так, по данным ВЦИОМ, за последние шесть лет интерес россиян к политике снизился: доля тех, кому эта сфера интересна, сократилась с 48 до 39%, а тех, кто не уделяет ей внимание, напротив, увеличилась с 50 до 59%. Таким образом, если в 2005 г. доли политизированных и неполитизированных сограждан были примерно равны (48% против 50%), то сегодня последние доминируют (39% против 59%). Интерес к политической жизни проявляют прежде всего респонденты предпенсионного (42%) и пенсионного возрастов (47%), высокообразованные (50%), сторонники непарламентских партий (57%) и эсеры (52%), жители двух столиц (45%). Не представляет интереса политика, как правило, для россиян до 45 лет (63–66%), малообразованных (66%), абсентеистов (68%) и селян (65%) [6].

Именно в отношении этой группы населения и возможно проведение определенной работы в рамках организации системы управления избирательной кампанией.

Политическая мобилизация

В литературе можно найти различные определения этого понятия. Так, к примеру, «Энциклопедический словарь» определяет понятие «мобилизация» (от лат. *mobilis* – подвижный) как «приведение кого-либо или чего-либо в активное состояние, сосредоточение сил и средств для достижения какой-либо цели» [4]. В «Социологическом словаре» даны следующие значения мобилизации: «1) Мобилизация (от лат. *Mobilis* – подвижный), англ. *mobilization*; нем. *Mobilisierung*). 1. Активизация и концентрация внутренних сил индивида или социальной группы на выполнение определенных задач. 2. Направленный процесс активизации масс в целях решения чрезвычайных политических, военных, экономических и др. целей. 3. Перевод вооруженных сил государства в состояние боевой готовности; призыв военнообязанных запаса на действительную службу» [8]. В другом словаре видим: «Мобилизация политическая – привлечение политическим лидером группой или правительством материальных или людских ресурсов для форсированного достижения поставленных целей. Мобилизация политическая обычно связана с мобилизованным политическим участием» [5].

В определениях проводится четкое различие между субъектом и объектом политической мобилизации. В случае политической мобилизации как субъект может выступать государство, политические партии и любые другие политические организации. Таким образом, данному процессу могут быть даны следующие определения. Политическая мобилизация – сосредоточение и задействование субъектом политики, или актором, различных материальных и людских ресурсов для достижения своих целей, прежде всего путем создания массовой поддержки со стороны граждан, установления контроля над финансовыми и информационными источниками. Иными словами: организация партиями и движениями высокого уровня политического участия своих сторонников для победы на выборах.

Особенности использования технологии политической мобилизации на примере выборов депутатов Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай 14 марта 2010 г.

В марте 2010 г. на территории Республики Алтай прошли выборы депутатов законодательного собрания региона. Выборы состоялись по смешанной системе: 20 депутатов избирались по мажоритарной системе, 21 – по пропорциональной избирательной системе, всего 41 мандат. В выборах приняли участие лишь парламентские партии: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия».

Опишем стартовые условия избирательной кампании.

1. Социальное самочувствие населения. По данным социологического исследования ФОМ, проведенного в октябре 2009 г. в Республике Алтай, половина опрошенных (45%) довольны состоянием дел в республике. Примерно столько же недовольных. При этом 33% ответили, что в республике жить легче, чем в других регионах России. Только 16% опрошенных отметили, что за последние два года состояние дел в субъекте ухудшилось, 29% отметили улучшение, 50% опрошенных считают, что состояние дел в республике не изменилось. В отличие от других регионов, где проблемы с ЖКХ стоят на первом месте, жителей Республики Алтай больше волнуют вопросы алкоголизма и инфляции (53%), на третьем месте – проблема занятости населения (43%). За последнее время, как отмечают опрошенные, значительно улучшилось благоустройство городов и сел (состояние дорог, работа общественного транспорта и т.д.) [3].

Электоральные ожидания жителей республики (по результатам фокус-групп) это, прежде всего, развитие транспортной инфраструктуры, упорядочивание туристической деятельности, реализация проектов, обеспечивающих снижение себестоимости энергоресурсов, и, как следст-

вие – снижение тарифов на жилищно-коммунальные услуги. На втором плане стандартный запрос на строительство и реконструкцию объектов социальной сферы: детских садов, школ и медицинских учреждений.

2. Отношение к партиям. Достаточно высокие позиции на октябрь имела «Единая Россия», за которую готовы были проголосовать в начале осени 66% опрошенных. КПРФ и «Справедливая Россия» на момент опроса имели по 7% и 6% соответственно, ЛДПР – 4%. «Затрудняюсь ответить» – 10%. После актуализации кампаний партий ситуация может измениться не в пользу правящей партии. Что и показали результаты выборов. Наибольший потенциал к росту у «Справедливой России», которой доверяло 18% опрошенных, у КПРФ – 12% и у ЛДПР – 8%.

3. Оценка конкурентного поля. В республике на тот момент было зарегистрировано и действовало 7 политических партий. Из оппозиционных партий наиболее активную кампанию вела партия «Справедливая Россия». Данная партия в основу своей агитационной работы ставит проблемное позиционирование, перехватывая, при этом, повестку у «Единой России» в ряде тем: процесс объединения с краем, вопросы по земельным отношениям и т.д. По наблюдению избирателей, уже за 2,5 месяца до выборов ведется активное распространение агитационной литературы, проводятся пикеты различной тематики, в том числе, посвященные борьбе с алкоголизмом, а также высоким тарифам на услуги ЖКХ; в городе замечены передвижные баннеры. В газете «Трибуна Справедливости» используются образы Президента РФ и премьер-министра РФ. По мнению большинства опрошенных избирателей, это санкционированные действия эсеров, и вышеуказанные лица (в особенности, Президент РФ), симпатизируют или даже поддерживают партию «Справедливая Россия» (фокус-группы). «Справедливая Россия» действует на общем электоральном поле с партией «Единая Россия» и данные действия влияют, прежде всего, на сторонников единороссов, заставляя их пересматривать свои политические взгляды. Убеждение в том, что «Справедливая Россия» не является оппозицией и как партия является инструментом реализации федеральной политики, уже практически сформировано. В выпусках «Трибуны» уже прослеживаются стратегические линии позиционирования, построенные на негативных и провокационных темах: «объединение с Алтайским краем», «незаконная продажа земли» (педалирование патриотических настроений) и т.д. Отмечалось усиленное фоновое присутствие лидеров споров в местных и региональных СМИ. Активизировались депутаты-споровоссы, которые пытаются инициировать популистские темы в рамках парламента Республики Алтай.

По информации экспертов, велась работа по привлечению в списки «Справедливой России» в качестве референтных лиц потенциальных кандидатов от других партий, включая «Единую Россию». Также отмечается работа представителей «Справедливой России» с главами районов и другими представителями административного аппарата. Кроме того, избиратели отмечают, что «Справедливая Россия» ведет активные действия по перекупке агитационной сети «Единая Россия», сформированной на предыдущих кампаниях.

КПРФ и ЛДПР имеют своих сторонников в регионе, однако осенью 2009 г. из этих двух партий проявила себя только ЛДПР. Либерал-демократы провели в нескольких районах ряд акций и пикетов, содержание которых избирателям не запомнилось. Они отмечали, что результаты ЛДПР на выборах в республике будут зависеть от прямой включенности в избирательную кампанию лидера партии В.В. Жириновского. КПРФ в еженедельном режиме выпускала партийную газету «Правда Горного Алтая».

Содержание избирательной кампании

В результате анализа выявленных осенью 2009 г. электоральных ожиданий была сформирована доминанта избирательной кампании «Единой России»: добиться улучшения качества жизни и благосостояния жителей Горного Алтая можно только через модернизацию экономической и социальной сферы Республики. Партия «Единая Россия», имеющая поддержку федерального центра и представляющая интересы большинства жителей – единственный гарант такой модернизации. Генеральный слоган избирательной кампании: «Современный Алтай – новое качество жизни».

Программное позиционирование партии «Единая Россия» было основано на следующих пунктах:

- экономическая модернизация и социальное развитие Республики за счет развития транспортной сети (аэропорт, расширение федеральной трассы М52, строительство железной дороги) и социальной инфраструктуры (строительство детсадов и школ, реконструкция республиканской больницы, оснащение больниц современным оборудованием и т.д.);
- создание по инициативе «Единой России» механизма государственно-частного партнерства в туристической сфере с целью регулирования туристической деятельности; удовлетворение запросов избирателей: регламентация туристической деятельности, создание новых рабочих мест, новые возможности для предпринимательской деятельности;

- решение проблемы энергодефицита в республике, улучшение экологической ситуации (газификация республики, строительство малых ГЭС);
- развитие агропромышленного комплекса республики за счет открытия перерабатывающих производств, модернизация существующих производств; улучшение качества жизни на селе;
- «Народная программа» – актуализация существующей в регионе Стратегии социально-экономического развития Республики до 2028 г. посредством привлечения внимания населения к основным проблемам и задачам, которые предстоит решить региональной власти в ближайшие 4 года; организация общественного обсуждения возможных путей развития республики в период до 2014 г., а также общественная экспертиза вносимых правительством Республики Алтай корректировок в Стратегию, возникших в связи с кризисом;
- «Единая Россия» – партия, ответственная за положение дел в стране и регионе; формирование четкой связки с «Народной программой» персоналий кандидатов-списочников и одномандатников от партии; единороссы в республике работают в тесном сотрудничестве с правительством Республики Алтай и федеральной властью, и только благодаря этому в регионе возможна стабильность и развитие, при этом именно представители «Единой России» выступают инициаторами обсуждения стратегически важных для региона вопросов, чтобы при помощи жителей республики расставить приоритеты дальнейшего ее развития в условиях кризиса; единороссы же будут контролировать, как воплощается в жизнь Стратегия в период 2010–2014 гг., в формировании которой принимало непосредственное участие население.

В качестве ключевых тем избирательной кампании были определены следующие:

- укрепление образа «Единой России» как единственного гаранта преемственности государственной политики в интересах достойного будущего России и каждого из ее граждан; территориальная привязка к Республике Алтай;
- демонстрация достижений партии «Единая Россия» в регионе; демонстрация слаженного взаимодействия исполнительной и законодательной власти в республике (прекращение конфликта между исполнительной и законодательной властью) благодаря наличию большинства депутатов «Единой России» в Госсобрании;
- демонстрация ведущей роли «Единой России» в формировании политики, направленной на рост и повышение качества «человеческого капитала» страны (в области поддержки рождаемости, совершенствования системы образования и здравоохранения), укреплении

семейных ценностей, сохранении богатого культурного и духовного наследия.

Фоновыми темами избирательной кампании послужили следующие темы.

1. Сохранение традиционных ценностей. Республика Алтай – земля, богатая традициями и уважаемыми людьми (поднятие уровня местного патриотизма, экскурс в историю республики и истории знаковых людей Алтая). Позиционирование партии через людей, живущих в республике.

2. «Единая Россия» – партия конкретных дел, реализующая на территории республики ряд масштабных проектов при участии федерального центра.

3. Массированное доведение до населения республики информации о существовании федеральных целевых программ, их финансировании федеральным центром, а также участии федерального центра в проектах в рамках стратегии избирательной кампании.

Технологический инструментарий кампании

Основная тактическая задача кампании – навязать избирателям повестку путем публичного обсуждения основных тем за счет налаживания обратной связи с жителями республики. Инструмент: рабочие группы, круглые столы, общественные слушания. Основными спикерами данных групп выступили кандидаты-списочники и одномандатники от «Единой России».

Основным каналом медиа-коммуникации выступали наиболее рейтинговые СМИ региона и инорегиональные СМИ (манипулирование на уровне освещения кампаний партий плюс фоновая кампания «Единой России»). К освещению кампании были привлечены газеты «Комсомольская правда» (Барнаул), «АиФ» (Барнаул); Интернет-СМИ «Банк-информ», «ПолитСиб.ру». Кроме того, привлекались республиканские СМИ: официальные газеты – «Звезда Алтая», «Алтайдын Чолмоны», «Вестник Горно-Алтайска» и независимый еженедельник «Постскриптум». В этих СМИ были инициированы публикации. Были также использованы возможности радио и телевидения путем показа информационных сюжетов в новостях, тематических программ, роликов по каналам ГТРК «Алтай», республиканского радио, радио «Мега», радио «Сибирь». На сайте «Новости Горного Алтая» было проведено Интернет-голосование. Помимо общесибирских и республиканских СМИ, были использованы и районные СМИ. Это газеты «Сельчанка», «Чойские вести», «Чуйские зори», «Чемальский Вестник», «Уймонские вести», «Истоки», «Улаган сегодня», «Сельская Новь», «Ажуда», «Голос времени».

Для освещения хода предвыборной кампании штаб «Единой России» производил и распространял печатные агитационно-пропагандистские материалы: плакаты, буклеты, брошюры, листовки и билборды.

Также были задействованы каналы общей коммуникации: организация общественных слушаний с обсуждением основных программных предложений «Единой России» в регионе; кампания «От двери к двери»; проводились формирующие опросы на каждом смысловом этапе кампании; все агитационно-пропагандистские материалы и смысловые сигналы тестировались на фокус-группах, создаваемых не только в Горно-Алтайске, но и в сельских районах республики; была налажена обратная связь с каждым избирателем; создана единая база данных сторонников «Единой России»; директ-мэйл; мобилизация в день выборов.

Основные тематические и технологические этапы кампании

Этап № 1. Инициация общественного обсуждения программы регионального отделения Партии. Сроки реализации: декабрь 2009 г. – конец января 2010 г. Цель: перехват проблемных тем у оппонентов, первичная мобилизация электората. Задачи: актуализация основных тем избирательной кампании; активная презентация кандидатов-списочников и одномандатников, которые выступали экспертами по основным темам кампании; нейтрализация оппонентов как активных участников жизни региона путем демонстрации их политического бессилия.

Этап № 2. Подведение итогов общественной экспертизы предвыборной программы, придание ей статуса Программы развития Республики Алтай, имеющей федеральное звучание. Сроки реализации: февраль 2010 г. Цель: усиление электоральных позиций партии, кандидатов-списочников и одномандатников в регионе и на местах. Задачи: демонстрация избирателям, что их голос услышан на всех уровнях – от поселкового до республиканского – путем информирования о включении их предложений в Программу развития республики; демонстрация потенциала правящей партии, «Единой России», в регионе путем вовлечения федерального центра в реализацию программы (визит С.К. Шойгу, И.Е. Левитина; программное обращение первых лиц республики к премьеру В.В. Путину и президенту Д.А. Медведеву).

Этап № 3. Позиционирование партии «Единая Россия» (кандидатов-списочников и одномандатников) как единственной силы, способной реализовать программу развития Республики. Сроки реализации: 1–13 марта 2010 г. Цель: мобилизация активных сторонников партии и кандидатов и привлечение на свою сторону сомневающихся. Задачи: укрепление сложившегося позитивного образа партии, наполненного рациональным

содержанием; снижение электорального потенциала оппонентов путем демонстрации, что в прошлом они были противниками полезных для Республики инициатив власти; донесение до избирателя мысли: программа, которую создала общественность Республики, будет реализована только в том случае, если во властном большинстве будут ее авторы и сторонники.

Результаты

По результатам выборов 14 марта 2010 г. в Государственное Собрание – Эл Курултай Республики Алтай «Единая Россия» набрала 44,33% (34 880 голосов), КПРФ – 24,97% (19 644 голоса), «Справедливая Россия» – 16,08% (12 649 голосов) и ЛДПР – 11,75% (9 244 голоса). По одномандатным округам выдвиженцы от партии «Единая Россия» победили в 14 округах, в 6 победили самовыдвиженцы (всего 20). Из 21 мандата по партийным спискам прошли: «Единая Россия» – 10, КПРФ – 5, «Справедливая Россия» – 4 и ЛДПР – 2. Итого: «Единая Россия» – 24, КПРФ – 5, «Справедливая Россия» – 4, ЛДПР – 2. Независимые депутаты – 6. Явка составила 59,26% (78 677 голосов) [3].

Завершившаяся 14 марта 2010 г. избирательная кампания характеризовалась рядом негативных тенденций. Очевидный тренд, который был зафиксирован общественными организациями и наблюдателями, – предельное ужесточение политической борьбы. Представители партий использовали все возможные методы для привлечения избирателей на свою сторону и ослабления позиции конкурентов. Пассивность же избирателей только провоцировала жесткость методов. Лучше всего об этом сказано у французского философа и социолога Жана Бодрийера: «Молчание массы подобно молчанию животных... Она не скажет ни того, где для нее – на стороне левых или правых – истина, ни того, на что она – на освободительную революцию или на подавление – ориентирована. Масса обходится без истины и без мотива. <...> Такое молчание невыносимо. Оно является неизвестным политического уравнения, аннулирующим любые политические уравнения» [1].

Как показала избирательная кампания, самой большой проблемой стала мотивация участия в выборном процессе вообще. Этим, собственно, было вызвано применение технологии политической мобилизации. Главной стала борьба за ведение повестки дня. Надо отметить, что конкурирование за возможность решить проблемы алкоголизации и инфляции в республике принесла неплохие политические дивиденды кандидатам, работавшим в этой сфере. Объяснить это можно тем, что сознание современного человека фрагментарно. Он постоянно реагирует на то, что ему показывают. Согласно исследованиям психологов, человек способен сосредоточить

внимание максимум на 5–7 темах. Не более. Вот за это и идет борьба. Какая тема будет сегодня на повестке дня? Разные темы выгодны разным силам. Поэтому каждая стремится навязать свою. А в нашем конкретном случае – обыграть единую тему по своим правилам.

Отметим методы, прямо или косвенно оказывающие мобилизирующее воздействие. Во-первых, подтолкнуть избирателя к ознакомлению с рейтингами может простой интерес. Выборы – зрелище достаточно захватывающее, чтобы простой человек мог позволить себе поинтересоваться, чем же все это закончится. Поскольку такой интерес, как правило, не предполагает активных действий, то и манипулятивный элемент тут достаточно слаб. Во-вторых, избиратель может знакомиться с рейтингами, чтобы сделать разумный выбор, проголосовать так, чтобы его голос не пропал. В-третьих, избиратель может захотеть быть с лидером. Конкретные психологические причины такого интереса могут быть самыми разными. Это и просто «чувство толпы», и желание проголосовать за «сильного лидера» (предполагается, что такой всегда должен быть первым), и другие подобные случаи. Этой простой технологией мобилизации пользовались все участники выборного процесса.

В заключение следует отметить, что мобилизационные технологии, безусловно, оказывают серьезное воздействие на избирателей, особенно в региональных кампаниях. Вместе с тем, основной проблемой применения политических технологий в современной России является низкий уровень эффективности, к тому же ограничение их в рамках одного электорального цикла. Дальнейшей целью развития политических технологий в России должны стать такие методы, которые могут провоцировать у ныне инертной социальной массы населения субъектность, формировать в ней определенные позиции, отношения, мотивы и, наконец, потребность реагировать. Провоцирование субъектности, превращение пассивного объекта в активный субъект коммуникации, формирование общественного отношения к определенному вопросу – такова главная функция политических технологий. Достичь согласия с той или иной социальной группой можно, лишь преодолев ее безразличие, доказав, что ее интересы накрепко связаны с конкретной политической институцией. Именно это согласие, без которого невозможна легитимация, полноценная деятельность и, в конечном счете, успех политической партии или властного института.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального (A l'ombre des majorités silencieuses, ou La fin du social) / Пер. с фр. Н.В. Сулова. Екатеринбург, 2000.

2. Кремень Т.В. Компоненты политической мобилизации // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. № 8 (28). Сб. ст. по материалам XXVIII международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2013. С. 6–12.
3. Официальный сайт Избирательной комиссии Республики Алтай. URL: www.altai_ger.vybory.izbirkom.ru/region/altai_ger (дата обращения: 23.11.14).
4. Политическая наука: Словарь-справочник / Сост. проф. И.И. Санжаревский. Тамбов, 2010.
5. Политология: Словарь-справочник / Сост. М.А. Василик и др. М., 2001.
6. Пресс-выпуск № 1725: «Интерес к политике: растет или падает?» // ВЦИОМ: Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111495> (дата обращения: 23.11.14).
7. Республика Алтай, октябрь 2009 г. Основные результаты опроса (справка) // Фонд общественного мнения (ФОМ). URL: www.fom.ru (дата обращения: 23.11.14).
8. Социологический словарь. URL: www.onlinedics.ru/slovar/soc/m/mobilizatsija.html (дата обращения: 23.11.14).

В.В. Регнацкий

Образовательные организации как субъекты формирования национально-государственной идентичности молодежи Москвы

В статье осуществляется анализ роли образовательных организаций в процессе формирования национально-государственной идентичности молодежи Москвы. Представлен опыт деятельности специальных образовательных организаций, которые применяют особые методы, технологии и формы образовательной и воспитательной работы со школьниками.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, политическое воспитание школьников, гражданское воспитание школьников, школа как институт политической социализации, политическая культура старшекласников.

Проблема формирования общероссийской идентичности в настоящее время является актуальной как в теоретическом, так и в практическом плане. Теоретическая значимость данной проблемы связана с серьезным поиском учеными разного профиля (политологами, социологами, психологами, педагогами) концептуальных оснований для конструирования идентичности российских граждан в масштабах всей страны [7; 9; 11; 12]. Сложная социальная ситуация в нашей стране, обострение национально-этнических противоречий обуславливают важность практической работы по формированию национально-государственной идентичности, которую обозначил Президент России В.В. Путин на заседании клуба «Валдай».

Наиболее остро проблема формирования национально-государственной идентичности встает применительно к молодому поколению россиян, которое не отягощено опытом советского прошлого и чье сознание формируется в социально-экономических и политических условиях

современной России. В ситуации политического плюрализма и информационного многообразия молодежь испытывает на себе влияние множества разнонаправленных информационных потоков, подвергается воздействию разных идеологических течений, что сильно затрудняет формирование единой основы для отождествления себя со своей страной. В этих условиях именно образовательные учреждения могут выступать теми субъектами, которые способны не только отфильтровывать разнообразные информационные послания, но и формировать у школьников критические способности самостоятельно анализировать получаемую из социальной среды информацию.

Формирование национально-государственной идентичности молодежи в образовательных организациях

Формирование национально-государственной идентичности молодежи осуществляется в процессе политической социализации, которая представляет собой «включение индивида в общество через оснащение его опытом предыдущих поколений, закреплённом в культуре» [22, с. 223]. Ученые стали акцентировать внимание на гражданской идентичности личности как результате процесса социализации не так давно, что обусловлено возрастанием проблемы идентичности в общемировом масштабе [8]. В 2012 г. Ежегодное собрание Международного общества политических психологов было посвящено проблеме идентичности в политике и политике идентичности.

Основным институтом политической социализации, способным целенаправленно формировать политические представления и ценности как смысловые и символические «кирпичики» для конструирования идентичности молодежи, являются образовательные организации, в первую очередь, школы.

Период школьного обучения является наиболее подходящим для формирования в сознании детей и подростков необходимых представлений и ценностей, поскольку с точки зрения возрастной психологии их мыслительные и другие психические процессы достигают необходимого уровня развития. В то же время школы как образовательные организации обладают всеми необходимыми возможностями для осуществления специальной работы по формированию у школьников «правильных» с точки зрения государства и общества представлений и ценностей. «Школа является институтом, официально открытым для политического воспитания со стороны власти, благодаря тому, что политическим содержанием наполнена ведущая деятельность этого периода – обучение» [19, с. 75].

Исследователи школы как института политической социализации и учителей как ее ключевых агентов отмечают наличие существенных возможностей для формирования национально-государственной идентичности молодежи, которые носят как содержательный, так и организационный характер. В частности, учебные предметы обществоведческого и культурологического характера обладают содержанием, позволяющим транслировать когнитивно сложные и эмоционально-позитивные представления о власти, государстве, истории и культуре нашей страны и ее регионов, а формы и методы учебно-воспитательной работы в школе позволяют осуществлять этот процесс системно и последовательно, что может стать залогом успеха деятельности по формированию комплекса идентификационных представлений и ценностей школьников.

Одним из направлений деятельности по формированию национально-государственной идентичности молодежи в школе является гражданское воспитание как часть воспитательной работы, способствующей развитию гражданственности как качества личности и политической культуры старшеклассников. «Содержание гражданского воспитания составляет практическая работа по патриотическому воспитанию, формированию основ культуры межнационального общения и правовой культуры, содержательную основу для которой предоставляют учебные курсы “право”, “обществознание”, “история”» [18, с. 113].

В то же время, изучение особенностей политической социализации в современных российских школах за последние 5–7 лет показывает наличие большого количества проблем, препятствующих эффективному формированию национально-государственной идентичности школьников. «Стихийность и непредсказуемость процесса политической социализации в современной российской школе не создает достаточных условий для формирования политической культуры, соответствующей современному уровню развития российской политической культуры» [13, с. 125].

Образовательные учреждения обязаны решать задачи гражданско-патриотического воспитания школьников и формирования их национального и гражданского самосознания, что закреплено в Федеральном государственном образовательном стандарте среднего (полного) общего образования.

Исследователи выделяют три модели формирования национального и гражданского самосознания школьников как основы национально-государственной идентичности, которые реализуются в образовательно-воспитательной практике в современной России:

– традиционная модель, ориентированная на оптимальное соотношение обучения и воспитания;

- интегрированная (поликультурная) модель, ориентированная на сотрудничество с представителями других государств и культур с целью формирования поликультурной среды для своих обучающихся;
- специальная модель, реализуемая в профильных образовательных и воспитательных учреждениях (суворовских училищах, кадетских корпусах и т.д.) [11].

Наиболее распространенной и при этом наименее эффективной является традиционная модель, существующая в большинстве общеобразовательных школ нашей страны. «Школы, озабоченные, прежде всего, успешной сдачей ЕГЭ, используют, в основном, стандартные воспитательные методы работы с учениками» [6, с. 13]. Ученые не выявляют в большинстве школ каких-то оригинальных и нестандартных методов работы с учащимися по формированию национально-государственной идентичности. Исключение составляют образовательные организации, реализующие поликультурную и специальную модели, основанные на деятельностном подходе к формированию личности и создающие особую воспитательную среду, в которой школьники реально вовлечены в практическую деятельность гражданской и патриотической направленности.

Особенности работы по формированию национально-государственной идентичности школьников в образовательных организациях Москвы

Первая поликультурная школа

Средняя общеобразовательная школа № 1650 – Первая поликультурная школа «Школа культуры мира» – возникла в 1991 г. в Москве как новая модель образовательной системы в полиэтничном обществе. Как отмечают создатели школы, «выдвигая свою концепцию и программу поликультурного образования, мы преследовали цель выстроить в системе столичного образования такую подсистему, которая максимально отвечала бы культурным и образовательным запросам жителей столицы» [3, с. 26].

Образовательно-воспитательный процесс в данной школе в содержательном и организационном плане всецело направлен на обучение языку, истории и этнокультурным традициям разных народов, развитие национального самосознания, формирование культуры толерантности, социально-этических норм поведения и гражданских качеств личности [1, с. 53–54]. Достижение поставленных целей осуществляется в школе за счет приобщения учащихся к традициям как своего этноса, так и других народов в контексте достижений мировой культуры и общечеловеческих духовных ценностей.

Основное обучение в школе осуществляется в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом среднего (полного) общего образования. При этом, «поликультурное просвещение осуществляется через ознакомление учащихся с этнокультуроведческим материалом, интегрированным в учебные дисциплины базисного общеобразовательного цикла» [2, с. 240]. Кроме того, существуют специальные учебные предметы (этнология, культурология, культура и искусство народов мира), изучение которых расширяет кругозор школьников, позволяет видеть взаимовлияние культур, способствует формированию навыков межкультурной коммуникации.

В школе функционирует система разнообразных внеучебных этноориентированных занятий, нацеленных также на приобщение школьников к национальным, общероссийским и общечеловеческим ценностям: студия изобразительного и декоративно-прикладного искусства; хореографический ансамбль (национальные танцы); художественно-прикладные кружки; спортивные секции (национальные виды спорта); музыкальные кружки (национальная музыка); фольклорные кружки разных этносоциумов.

Таким образом, можно заметить, что важное место в работе школы занимает деятельность, ориентированная на формирование представлений учащихся об особенностях культуры, обычаев различных этносов, проживающих на территории России, многие из которых представлены в Москве. На уроках литературы школьники познают общность нравственных ценностей в произведениях русских писателей и писателей других народов, на уроках русского языка они узнают о взаимосвязи и взаимовлиянии друг на друга разных языков, на уроках истории обозначают позитивные результаты взаимного сотрудничества разных стран, выявляют общность исторического пути развития государств и народов. В танцевальном кружке школьники разучивают танцы различных народов России, в музыкальных и фольклорных кружках изучают национальную музыку и музыкальные инструменты, познавая, таким образом, на собственном опыте специфику культуры представителей этих народов.

Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации

Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации был создан в 2008 г. по решению Министра обороны РФ в рамках реализации «Стратегии социального развития Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2020 г.». Одной из задач учреждения, в соответствии с его Уставом, является воспитание у учащихся чувства патриотизма, готовности к защите Родины [21]. Образовательно-воспитательный процесс в Пансионе воспитанниц организован таким образом, чтобы максимально эффективно решать поставленные задачи.

Учебный процесс в Пансионе воспитанниц включает в себя набор учебных предметов, содержание которых обладает потенциалом для формирования гражданского самосознания, патриотических чувств и национальной самоидентификации. В рамках основного общего образования эти предметы включены в такие образовательные области, как «Иностранный язык», изучение которой способствует обеспечению межкультурного общения, «Социальные науки», включающую в себя освоение истории и обществознания, «Искусство», предусматривающей изучение мировой художественной культуры, музыки, искусства. В рамках среднего (полного) общего образования реализуется социально-гуманитарных профиль, включающий в себя изучение истории и обществознания.

Дополнительное образование в Пансионе воспитанниц, в числе прочего, включает в себя героико-патриотическое направление, представленное такими предметами и видами деятельности, как «вокальное искусство», «хоровое пение», «ансамбль барабанщиц», «вокально-инструментальный ансамбль», «ансамбль народного танца». В системе дополнительного образования Пансиона создан драматический кружок, в репертуар которого входят литературно-художественные композиции военно-патриотического направления.

В рамках военно-патриотического воспитания проводится множество мероприятий: выставки живописи «Война 1812 года. Лубок», «Герои и события 1812 года. Рисованная графика», историко-искусствоведческая мастерская «Два взгляда на гражданскую войну в кинематографе». Многие проекты, отражающие военную или кадетскую тематику, были посвящены юбилейным датам и имели большое практическое значение, такие, как «Дни воинской славы России на географической карте», «Исследование географической символики на школьных тетрадях по географии», «"Остров Русский" – мой параграф в учебнике географии» [17].

В Пансионе воспитанниц реализуется серьезный информационно-коммуникативный проект «Телевидение Пансиона», который позволяет создать в Пансионе единое медиа-пространство, посредством которого осуществляется информирование обучающихся о различных проектах, трансляция социально-политических представлений и ценностей. В частности, телевизионный канал позволил воспитанницам познакомиться с Научно-просветительским проектом «Недаром помнит вся Россия...», посвященным 200-летию Отечественной войны 1812 г.

Первый Московский Кадетский корпус

Государственное бюджетное образовательное учреждение города Москвы Кадетская школа-интернат №1 «Первый Московский кадетский корпус» было образовано в 1997 г. Учреждение призвано реализовать

несколько задач, две из которых связаны с формированием национальной-государственной идентичности: воспитание у кадетов любви к Родине и ее столице Москве, традициям, верности конституционному долгу, ответственности перед обществом за судьбу Отечества, потребности в упорном труде во имя его могущества и процветания, а также привитие кадетам чувств чести и достоинства, гражданственности, уважения к правам и свободам человека [16].

Выполнение поставленных задач осуществляется в рамках учебной и воспитательной деятельности. Учебная работа предусматривает изучение цикла предметов, которые имеют гражданско-патриотическое содержание, в первую очередь, предметной области «Социальные науки».

В рамках программы дополнительного образования в кадетском корпусе реализуется военно-патриотическая направленность – организация военно-патриотического воспитания молодежи, формирование у них гражданской позиции, чувства ответственности за свою Родину, осознания необходимости встать на защиту своего Отечества [15].

В кадетском корпусе существует Военно-исторический кружок «Долг. Честь. Отечество. Польза», деятельность которого направлена на расширение знаний, полученных на уроках истории, формирование у воспитанников жизненных ценностей, основанных на исторических традициях, нравственном, духовном и культурном наследии своего Отечества.

Для детей 9–10 лет в корпусе функционирует школа выходного дня «Сыны Отечества», которая воспитывает у них любовь к Родине, ее столице, знакомит с лучшими традициями Российского государства, осуществляет распространение исторических знаний и традиций русских кадетов.

Важную роль в формировании гражданской позиции оказывает кадетская общественная организация «Сыны Отечества». На базе корпуса работает штаб «Патриот» как один из элементов структуры организации. Штаб проводит комплекс мероприятий гражданско-патриотической направленности: месячники «Защитникам Москвы», «Защитникам Отечества», «Победный май», встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, ежегодные зимние и летние военно-полевые сборы.

Для повышения эффективности гражданского, патриотического воспитания важная роль отведена музею. В рамках его деятельности подготовлена общекорпусная презентация «Книга Памяти», проводятся экскурсии, а актив музея участвует в окружном и городском конкурсах «Юные таланты Московии».

Корпус сотрудничает с учреждениями дополнительного образования: Московским городским дворцом детского и юношеского творчества, учреждениями культуры столицы и округа – Музеем Великой

Отечественной войны на Поклонной горе, Музеем и культурным центром Вооруженных Сил Российской Федерации, Государственным историческим музеем, Театром Российской Армии и др.

Средняя общеобразовательная школа № 384 им. Д.К. Корнеева

Для решения задач патриотического и гражданского воспитания на базе школы № 384, существующей в Москве с 1965 г., была разработана и реализуется Комплексная программа военно-патриотического и гражданского воспитания «Общественно-активная школа – центр гражданского и патриотического воспитания личности». По мнению руководства школы, для воспитания патриотизма у школьников необходимо опираться на деятельностный подход: «только в ходе реализации специальной целенаправленной организованной педагогической деятельности школьников они приобретают важнейшие нравственные, морально-психологические и физические качества, такие как: организованность, самостоятельность, дисциплинированность, волевая стойкость, гражданская активность, любовь к Родине, специальные профессиональные знания, умения и навыки, необходимые будущему защитнику Отечества, полноправному гражданину своей страны» [4, с. 31].

Воспитательная работа в школе в содержательном и организационном смыслах осуществляется по следующим взаимосвязанным направлениям: духовно-нравственное; историко-краеведческое; гражданско-патриотическое; социально-патриотическое; военно-патриотическое; героико-патриотическое; военно-спортивное.

В рамках учебного процесса гражданско-патриотическое воспитание школьников осуществляется с применением специальных методов и технологий обучения (уроков-экскурсий, уроков мужества в музеях, интегрированных уроков по нескольким предметам).

В процессе работы коллектив школы активно взаимодействует с родительской общественностью, разными государственными и общественными учреждениями и организациями (музеями, поисковыми отрядами и клубами, детскими общественными объединениями).

Выводы

Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи осуществляется в процессе политической социализации через деятельность разных институтов, агентов и факторов. Наибольшее значение среди них придается образовательным организациям, за которыми эта деятельность закреплена юридически как обязательная. Однако, как показывают исследования, школы в нашей стране едва ли

справляются с решением поставленных задач. Учителя, призванные осуществлять работу по формированию национального и гражданского самосознания школьников как основы их национально-государственной идентичности, считают образовательные организации самыми важными и влиятельными институтами социализации [20]. Однако школьники доверяют преимущественно семье и друзьям, а информацию о текущих социально-политических процессах черпают из СМИ и сети Интернет [6]. Выявленное в результате исследований противоречие наглядно показывает, что в современной России существует серьезное расхождение между моделью должного образования и реальной образовательной практикой.

Анализ результатов многочисленных исследований по рассматриваемой проблематике позволяет сделать несколько обобщающих выводов.

Во-первых, в практике деятельности образовательных учреждений существует серьезный перекоп в сторону патриотического воспитания в ущерб гражданскому. Это обусловлено, на наш взгляд, многими причинами, в т.ч. традициями воспитательной работы, сохранившимися еще с советских времен, более ясными ориентирами в формировании патриотических чувств, наличием относительно понятного исторического содержания и символического наполнения подобной работы. В то же время, в отношении гражданского воспитания существует большое количество проблем содержательного и организационно-методического характера.

Во-вторых, осуществляемая в образовательных организациях работа носит несистематический характер. Это проявляется в недостаточном временном обеспечении на изучение дисциплин обществоведческого и историко-культурного циклов, реализации программ воспитательной работы в виде мероприятий, проводимых от случая к случаю.

В-третьих, большинство образовательных организаций лишь формально осуществляют свою учебную и воспитательную работу, ограничиваясь лишь вербальными способами формирования политических представлений национально-государственного характера. Тогда как только деятельностный подход, реализуемый в некоторых уникальных образовательных организациях, позволяет вовлекать учащихся в реальную гражданско-патриотическую работу и формировать у них когнитивно сложные и позитивные представления о России.

В-четвертых, несправедливо было бы говорить о том, что в процессе формирования национально-государственной идентичности образовательными учреждениями Москвы существуют только недочеты и проблемы. В целом стоит отметить, что существует значительный позитивный

опыт работы в этом направлении, разработаны и эффективно используются современные методы и технологии воспитательной работы, предпринимаются шаги по решению этой проблемы со стороны администрации города.

Библиографический список

1. Аракелян О.В. 20 лет школе культуры мира: инновационный опыт осуществленной мечты. М., 2011.
2. Аракелян О.В. Поликультурное образование: сущность и содержание. М., 2001.
3. Аракелян О.В., Цацурова Т.А. Поликультурное образование как необходимое условие для формирования гражданского и национального самосознания обучающихся на старшей ступени современной школы // Модели и механизмы становления гражданского и национального самосознания старшеклассников в современной школе: реализация потенциала Федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (13–15 декабря 2013 года). М., 2014. С. 13–26.
4. Выступец Н.П., Курашкина Е.В. Система военно-патриотического и гражданского воспитания ГБОУ СОШ № 384 им. Д.К. Корнеева «Общественно-активная школа – центр гражданского и патриотического воспитания личности» // Модели и механизмы становления гражданского и национального самосознания старшеклассников в современной школе: реализация потенциала Федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (13–15 декабря 2013 года). М., 2014. С. 29–41.
5. Данилова А.Р. Компетентностный подход к патриотическому воспитанию школьников в воспитательном процессе // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Педагогика и психология». 2013. № 3. С. 21–26.
6. Евгеньева Т.В., Нечаев В.Д. Проблема формирования национально-государственной идентичности российских школьников. Анализ результатов исследования гражданской и национальной самоидентификации старшеклассников // Ценности и смыслы. 2014. № 1. С. 7–21.
7. Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 122–134.
8. Зверев А.Л., Молчанова О.А. Теория политической социализации в условиях трансформации политических систем / Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е.Б. Шестопап. М., 2011. С. 259–268.
9. Иванова С.В. О гражданственности, национальной идентичности, безопасности // Ценности и смыслы. 2012. № 5. С. 4–9.
10. Идентичность и социально-политические изменения в XXI в. / Отв. ред. И.С. Семенов. М., 2012.
11. Козилова Л.В., Седых В.В., Семенова Т.А. Основные модели по формированию гражданского и национального самосознания у старшеклассников в Москве и регионах Российской Федерации // Модели и механизмы

- становления гражданского и национального самосознания старшеклассников в современной школе: реализация потенциала Федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (13–15 декабря 2013 года). М., 2014. С. 74–85.
12. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. С. 90–105.
 13. Молчанова О.А. Формирование образов государства и политической системы в современной российской школе // Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопа. М., 2008. С. 115–125.
 14. Мягкова А.П. Некоторые направления деятельности образовательного учреждения по формированию гражданственности у школьников // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Педагогика и психология». 2014. № 4. С. 14–19.
 15. Образовательная программа ГБОУ Кадетской школы-интерната № 1 «Первый Московский Кадетский корпус» на 2013–2014 учебный год. URL: <http://1mkk.com/go/activity/obrazovatel'naya/item/303-obrazovatel'naya-programma-2013-2014-g> (дата обращения: 14.04.2014).
 16. Первый Московский Кадетский корпус. Общая информация об учреждении. URL: <http://1mkk.com/go/about/obshchaya-informatsiya>. (дата обращения: 14.04.2014).
 17. Публичный отчет Пансиона воспитанниц Министерства обороны РФ за 2012–2013 учебный год. URL: <http://www.pansion-mil.ru/images/publicchnyyotchet20122013.pdf> (дата обращения: 14.04.2014).
 18. Селезнева А.В. Политические представления старшеклассников в контексте гражданского воспитания и формирования политической культуры // Ценности и смыслы. 2012. № 3 (19). С. 149–166.
 19. Селезнева А.В. Роль образовательных организаций в становлении национального и гражданского самосознания школьников // Ценности и смыслы. 2014. № 1. С. 69–79.
 20. Селезнева А.В. Формирование политического сознания молодежи в современной России // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 2. С. 33–46.
 21. Устав Федерального государственного казенного общеобразовательного учреждения «Московский кадетский корпус «Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации». URL: <http://www.pansion-mil.ru/images/ustav2011.pdf> (дата обращения: 14.04.2014).
 22. Шестопа. Е.Б. Политическая психология: Учебник для студентов вузов. М., 2007.

В.В. Суховерхов

Преемственность испанских
конституционно-парламентских идей:
от политической философии
Г.М. де Ховельяноса к конституциям
1855 и 1978 гг.

На основании оригинальных источников в авторском переводе в самом общем виде дан сравнительный анализ конституционно-парламентской концепции о структуре центральной власти, сформулированной выдающимся испанским просветителем Г.М. де Ховельяносом, с декларированными в национальных Конституциях 1855 и 1978 гг. положениями, показана их конструктивная преемственность. Обосновывается идея правомерности проведения указанного анализа с Конституцией 1855 г. как реально отобразившей бесповоротное становление Испании на путь капиталистического развития.

Ключевые слова: конституционализм, конституционно-парламентская концепция, кортесы, модерадос, прогрессисты, разделение властей, суверенитет, преемственность испанских конституционно-парламентских идей, Конституция Испании 1855 г.

*Политика – не наука... ее максимы могут быть всегда
бесспорными в теории, но мало когда на практике.*

Г.М. де Ховельянос. Письма. Лорду Холланду

В представленной статье речь пойдет не столько о политической философии Г.М. де Ховельяноса, сколько о Конституциях 1855 и 1978 гг. и, естественно, кратко, о структуре центральной власти – вопросе, напрямую связанном с размышлениями просветителя по этому поводу.

Смысл его конституционно-парламентской концепции сводился к необходимости разумного обобщения не утративших значимости положений средневековых испанских сводов законов или конституций, понятых в просветительском духе, с политико-конституционными идеями современных мыслителей или мыслителей недавнего прошлого, главным образом Дж. Локка.

Ховельянос отказался от своей первоначальной идеи об однопалатном парламенте, придя к убеждению о необходимости в условиях революции созыва двухпалатных кортесов, которые при такой структуре могли

бы препятствовать как радикальным устремлениям «офранцузенных» либералов, так и непреклонному консерватизму традиционалистов. В итоге он утвердился в конституционно-парламентском вопросе на центристских идейных позициях [8, t. I (46), p. 289–298; 520–621].

Конституция 1812 г. [2, с. 6–118] (первая из испанских – Кадисская, по названию г. Кадис, где была разработана и декларирована) оставалась наиболее прогрессивной, хотя и утопической, вплоть до 1855 г., когда в ходе IV испанской революции 1854–1856 гг. была разработана очередная Конституция в ряду многих ей предшествовавших.

Революция 1854–1856 гг. открыла, несмотря на свое поражение, новый качественный этап в развитии страны. После нее Испания бесповоротно становится на путь капиталистического развития. Национальной экономике был обеспечен необходимый минимум условий для развития буржуазных отношений, что нашло отражение в революционном законодательстве, прежде всего, в Конституции 1855 г.

Испанские исследователи единодушны в оценке Конституции 1855 г. как более передовой в социально-политическом и правовом отношении, по сравнению с предшествовавшими ей Конституциями – 1837 и 1812 гг. Однако, исходя из своих политико-партийных предпочтений и в зависимости от того, насколько она отвечала интересам тех или иных классов и социальных слоев страны, характеризуют ее неоднозначно. Как «демократическую» [12, p. 139], «прогрессистскую» [10, p. 212], «наиболее адекватно отобразившую... идейную сущность прогрессистской партии» [1, p. 305], как «декларировавшую очень немного вообще», с точки зрения утверждения в стране социальной справедливости [7, p. 181].

Несмотря на то, что Конституция 1855 г. не смогла, вследствие поражения революции, стать действующей, она, по мнению испанских историков и правоведов, «заслуживает внимания» [12, p. 50] как один из фундаментальных документов конституционной истории Испании.

Сравнивая Конституции, обнаруживается, в частности, что «франкистский» режим не был абсолютно «новым» [Там же, p. 3]. Что присущий ему, например, авторитаризм имел своим истоком некоторые положения конституций консерваторов (модератос). И, наоборот, ряд положений прогрессистской Конституции 1855 г. напоминает смысл некоторых статей ныне действующей Конституции Испании [3].

«...Сравнивать тексты различных конституций, действовавших в Испании... в высшей степени поучительно» [7], – резонно отмечал испанский историк Э. де Гусман. «Выясняется печальная история не свершившихся надежд и стремлений множества политиков разных идейных направлений... так и не достигших, чтобы будущее устройство страны отвечало

их желанным проектам» [7], – делал он малоутешительный вывод. Компромиссность и половинчатость в той или иной мере всех испанских Конституций давали для такого вывода вполне определенные основания, но, вместе с тем, свидетельствовали и о большей их приближенности к жизненным реалиям страны в сравнении с теми из них, в которых декларировалась какая-либо преимущественная социально-политическая и правовая тенденция.

4 октября 1854 г. начались выборы в Учредительные кортесы. Несмотря на то, что лидеру революции генералу Б. Эспартеро удалось отстоять их проведение на основе избирательного закона 1837 г., значительно более либерального, чем закон 1846 г., на котором настаивали модерадос, тем не менее, лишь один избиратель приходился примерно на 20 человек взрослого мужского населения страны [9, р. 95].

Демократы и республиканцы выступили на выборах раздельно, не желая блокироваться между собой. Их разобщенность, а также политические маневры модерадос и правых прогрессистов, образовавших перед выборами объединенную партию «Либеральный союз», принесли им на выборах успех.

Большинство в Учредительных кортесах составили умеренные прогрессисты – представители буржуазной интеллигенции, члены «Либерального союза» [11, р. 622, 623], которые совместно с модерадос образовали правое крыло парламента и оказывали сильное давление на его решения.

8 ноября 1854 г. открылись заседания Учредительных кортесов. Вопрос о судьбе монархии стал первым из поставленных на их обсуждение.

30 ноября 1854 г. прогрессисты внесли в Кортесах предложение объявить в стране, как реально существующую, конституционную монархию во главе с Изабеллой II [5, t. I, р. 1, 2]. После продолжительных дебатов, на которых в той или иной мере варьировались про- и контр-монархические точки зрения, вопрос о судьбе монархии был поставлен на голосование. Предложение провозгласить в стране монархию с Изабеллой II во главе поддержали 194 депутата, 21 – голосовали «против» [Там же, р. 292–299].

9 июля 1855 г. Комиссия по выработке Основного закона королевства представила на рассмотрение кортесов полный текст Конституции [5, t. 8, р. 6.392–6.395].

Комиссия обращала внимание, что в основу своей работы она положила изучение конституций всех стран Европы и Америки, идеи которых оказались «применимы к современным нуждам испанской нации» [Там же, р. 6.391], и сформулировала ряд новых положений, отсутствовавших

в известных ей «Кодексах». Вместе с тем, Комиссия отметила, что наибольшее сходство Конституция 1855 г. имеет с провозглашенной в 1837 г. Конституцией, часть статей из которой была взята без изменений, другая – будучи модифицированной [5, t. 8, p. 6.391].

1-я ст. Конституции провозглашала народный суверенитет. «Все народные права исходят от суверенной нации, и поэтому исключительно ей принадлежит право устанавливать основные законы» [Там же, p. 6.392].

Идея верховенства нации означала, что полномочия короля ограничивались и создавались определенные возможности для более свободного, по сравнению с Конституцией 1845 г., проведения в жизнь интересов общества через посредство своих депутатов в кортесах.

1-я ст. современной Конституции Испании также провозглашает, что источником государственной власти, носителем национального суверенитета является испанский народ [3, Art. 1(2)].

Вместе с тем, в 49-й ст. Конституции 1855 г. указывалось, что «монарх санкционирует и провозглашает законы» [5, t. 8, p. 6.394]. Большинство депутатов выразило точку зрения, что подобная формулировка устарела. Так, например, прогрессист Х. Вирседа заявил, что эта статья аналогична статье в Конституции не только 1837 г., но и 1845 г., а также формулировке, содержащейся в «реакционном проекте» Б. Мурильо 1851 г. [5, t. 3, p. 1.903].

В этом и других выступлениях слышится критика статьи Конституции 1855 г., предоставлявшей полноту власти монарху, стремление депутатов напомнить о Конституции 1812 г., сводившей власть монарха к ограниченным, по существу, декоративным функциям, – критика, не признанная в будущем авторитетом испанской истории в качестве конструктивной.

Конституция 1978 г. также предоставляет королю полномочия «санкционировать и провозглашать законы» [3, art. 62 (a)].

Согласно Конституциям 1855 г. и 1978 г. (Раздел второй – «О Короне»), монарх, являющийся символом единства народа и гарантом преемственности государства, персоной неприкосновенной и неподотвественной, «законным продолжателем исторической династии», обладает и обладает правом объявлять войну и ратифицировать мир с условием предоставления об этом документального отчета кортесам; определять существо дипломатических и торговых отношений; созывать и распустить нижнюю палату (Congreso de los Diputados) или «Генеральные Кортесы» и т.д. [Там же, art. 62, 63; 5, t. 8, art. 28, 50 (3–10), p. 6.393, 6.394]. В действительности, король Испании ни одно из этих и многих других полномочий по обеим Конституциям не осуществлял и не осуществляет

самостоятельно, но в той или иной мере по согласованию с кортесами [3, art. 94 (1, 2); 5, t. 8, art. 51, p. 6.394].

Кортесы ведали также установлением размера денежных дотаций, шедших на содержание короля и его семьи. По современному конституционному положению, королю, его семье и Двору государство из своего бюджета выделяет «общую сумму» для свободного распоряжения [3, art. 65 (1); 5, t. 8, art. 52, p. 6.394].

Ограничение прав монарха мы находим в обеих Конституциях. Соответственно в 41-й и 61-й ст., согласно которым король и наследный принц, а также регент королевства должны присягать на верность Конституции и законам [3, art. 61 (1); 5, t. 8, art. 41(1), p. 6.393].

Правом законодательной инициативы, по Конституции 1855 г., обладали кортесы и король [Там же, art. 15, 37, p. 6.392, 6.393], т.е. в соответствии с представлениями по этому вопросу Ховельяноса («supremacía», по его формулировке) [8, t. I (46), p. 621]. В настоящее время право законодательной инициативы принадлежит кортесам («Конгрессу и Сенату») и правительству [3, art. 87 (1)].

Что касается законов о налогообложении и в целом – финансах страны, то они находились по Конституции 1855 г. и находятся теперь в безусловном ведении кортесов [Там же, art. 66 (2); 5, t. 8, art. 38, p. 6.393]. Король имел и имеет право, как отмечалось, созывать Кортесы (в современной формулировке – Генеральные), приостанавливать или закрывать вовсе работу нижней палаты, или Генеральных кортесов. Но при этом он обязан был созвать парламент «на условиях, предусмотренных Конституцией», а в варианте 1855 г. – через два месяца после его роспуска [Там же, art. 62 (b); 5, t. 8, art. 28, p. 6.393].

Ограничение власти короля по Конституции 1855 г. в целом свидетельствовало об ослаблении позиций феодальной знати, что создавало определенные возможности для более быстрого, чем до IV революции, развития страны в буржуазном направлении. Применительно к настоящей ситуации в Испании это обстоятельство – показатель окончательного слома франкизма как авторитарной диктатуры и стабилизации демократического процесса.

Одну из центральных позиций в государственной структуре власти Конституция 1855 г. отводила парламенту, ответственному за осуществление власти законодательной. Члены Комиссии по выработке законопроекта по данному вопросу, прогрессисты М. Ласала и К. Валера, отстаивали однопалатное представительство. Напротив, умеренный прогрессист К. Лусурьяга от лица Кабинета министров недвусмысленно заявил, что Кабинет предпочитает двухпалатную систему организации

парламента [5, t. 2, p. 1.349–1.351, t. 4, p. 2.762, 2.763]. Эта точка зрения, тождественная той, что выдвигалась в свое время Ховельяносом (как отмечалось выше), и возобладала в Учредительных кортесах 1854–1856 гг.

Срок полномочий депутатов снижался с пяти лет, как это следовало из Конституции 1845 г., до трех. Такой порядок обеспечивал большой контакт населения с Кортесами и, следовательно, большее влияние на общественно-политическую жизнь страны. Роль короля в назначении сенаторов исключалась. «Сенаторы избирались тем же образом и теми же избирателями, что и депутаты нижней палаты», – декларировала 18-я ст. Конституции 1855 г. [Там же, t. 8, p. 6.392]. Такая формулировка впервые прозвучала в конституционной истории Испании.

Имущественный ценз при выборах в палату Кортесов снижался прогрессистами с 400 реалов, как это было в период правления консерваторов-модератов [6, p. 816], до 120 [5, t. 16, p. 14.303], чем достигалась большая возможность прохождения представителей средней буржуазии в парламент.

Следовательно, Учредительные кортесы 1854–1856 гг. осуществили большую демократизацию для буржуазии избирательных прав, значительно расширив их в сравнении с прогрессистским избирательным законом 1837 г., по которому имущественный ценз при выборах в палату депутатов составлял 200 реалов [4, p. 3.790, 3.962].

В Конституции 1978 г. на несравненно более демократической основе, чем в Конституции 1855 г., решается вопрос о членстве в Сенате и палате депутатов. Избирательный ценз, как условие участия в выборах, исключается. Голосование в палаты осуществляется «всеми испанцами», достигшими 18-летнего возраста, «путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования». Срок полномочий как сенаторов, так и депутатов нижней палаты определен в 4 года. Социально-политическое предназначение кортесов – представлять «испанский народ» [3, art. 66 (1)].

Носителем исполнительной власти по Конституции 1855 г. выступал король и правительство [5, t. 8, art. 47–52, 64, 65, p. 6.393–6.395], что Ховельянос определял как «soberanía» [11]. Правительство, по современной Конституции, осуществляет руководство внутренней и внешней политикой, гражданской и военной администрацией и защитой государства. Оно осуществляет исполнительную власть в соответствии с Конституцией и законами [3, art. 97].

«Судебная власть исходит от народа», она независима и подчиняется только закону. По Конституциям 1855 и 1978 гг. исключалось вмешательство короля в деятельность органов судебной власти, хотя обе они декла-

рировали, что таковая «осуществляется от имени короля» [3, art. 117 (1); 5, t. 8, art. 71, p. 6.395].

Итак, государственная власть в Испании, согласно обеим Конституциям (1855 и 1978 гг.), делилась и продолжает делиться в самом общем виде между тремя выступающими с разной степенью политической самостоятельности, влияния и обладания властными полномочиями в целом и каждой из них в отдельности силами:

- 1) Законодательным собранием – Кортесами;
- 2) Правительством – исполнительной властью;
- 3) судебной властью.

Авторитарно-координирующую роль среди всех этих сил и в государстве вообще с ограниченными прерогативами конституционного монарха предписывалось осуществлять королю в первом случае (1855 г.), в качестве высшего и наиболее приоритетного символа нации, объединяющего ее начала, – во втором (1978 г.).

Сравнивая положения о структуре парламента по Конституциям 1978, 1855 и 1812 гг., замечаем, что современный испанский парламент и Учредительные кортесы 1854–1856 гг. оказались в этом вопросе менее демократичными, чем однопалатный парламент 1812 г., но зато более реалистичными в политическом отношении, в большей мере отвечавшими и отвечающими общественно-политической практике испанского бытия. Т.е. развитие конституционализма в Испании, так или иначе, шло и продолжает идти в русле парламентских идей и прогнозов Ховельяноса. Именно: нацеленности институтов власти на сохранение в обществе политического равновесия в условиях плюрализма различных социально-классовых сил и партийных группировок и их противостояния.

Библиографический список

1. Agesta L. Historia del constitucionalismo español. Madrid, 1974.
2. Constituciones Españolas 1812–1931–1978. Córdoba, 1999.
3. Constitución española. Junta de Castilla y León, 1978.
4. Córtes Constituyentes. Legislatura de 1836–1837. T. II. Madrid, 1880–1881.
5. Córtes Constituyentes 1854–1856. T. 1–17. Madrid, 1880–1881.
6. Diario de las Córtes. Legislatura de 1845–1846. T. II. Madrid, 1880–1881.
7. Guzmán E., de. España entre las dictaduras y la democracia. Madrid, 1974.
8. Jovellanos G.M., de. Memoria en que se rebaten las calumnias divulgadas contra los individuos de la Junta Central del Reino, y se da razón de la conducta y opiniones del autor desde que recobró su libertad. Apéndices á la Memoria // Jovellanos G.M., de. Obras. Biblioteca de Autores Españoles. Madrid, 1933. T. I (46).
9. Kiernan V. The Revolution of 1854 in Spanish history. Oxford, 1966.

10. Navarro F. La nueva ley fundamental para la reforma política. Madrid, 1977.
11. Nido y Segalerva. Historia política y parlamentaria de B.F. Espartero. Madrid, 1916.
12. Tura y Eliseo Aja J. Constituciones y períodos constituyentes en España (1808–1936). Madrid, 1978.

Вахромеева Анастасия Викторовна – лаборант-исследователь лаборатории социологии Интернета Института гуманитарных технологий в сфере социального компьютеринга, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: navellka@gmail.com.

Иванов Илья Сергеевич – аспирант кафедры политологии Института политики, права и социального развития МГГУ им. М.А. Шолохова; директор, компания «Русь-Инвест». E-mail: p.pro@bk.ru.

Кортнева Варвара Дмитриевна – магистрант факультета социологии и управления Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. E-mail: v.kortneva@rsu.edu.ru.

Купцова Ирина Александровна – доктор культурологии, доцент; профессор кафедры отечественной истории и культурологии Института политики, права и социального развития, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: ki-06@list.ru.

Лобанов Дмитрий Владимирович – студент исторического факультета Института политики, права и социального развития МГГУ им. М.А. Шолохова; методист по музейно-образовательной деятельности, Центральный музей Великой Отечественной войны, г. Москва. E-mail: dmitr.lobanow@yandex.ru.

Регнацкий Владимир Владимирович – начальник, Управление по обеспечению деятельности мировых судей г. Москвы. E-mail: vvr.moscow@mail.ru.

Смирнов Александр Георгиевич – кандидат культурологии; доцент кафедры отечественной истории и культурологии Института политики, права и социального развития, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: asmir73@mail.ru.

Суржик Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, Ph. D. (European University, Hannover); научный сотрудник научно-исследовательского центра «Великая Отечественная война», Военный университет Министерства обороны РФ, г. Москва. E-mail: dimsu@inbox.ru.

Суховерхов Валерий Васильевич – доктор исторических наук, кандидат философских наук; профессор кафедры зарубежной истории Института

политики, права и социального развития, МГТУ им. М.А. Шолохова. E-mail: sujoverjov@gmail.com.

Тюхтенов Эмиль Валерьевич – магистрант кафедры политологии Института политики, права и социального развития МГТУ им. М.А. Шолохова; заместитель руководителя Республиканского исполнительного комитета Всероссийской политической партии «Единая Россия» Республики Алтай, г. Горно-Алтайск. E-mail: emil_tyhtenev@mail.ru.

Щербаков Сергей Николаевич – кандидат исторических наук; методист по истории, Городской методический центр Департамента образования г. Москвы. E-mail: scherbakowsn@mosmethod.ru.

V. Kortneva

The demographic crisis in Russia:
background
and prospects
of development

The paper analyses the approaches to the definition of population policy and characterizes the means which are used by states in order to solve the demographic problems. The definition of population policy is given and the role of demographic processes for the entire political process in modern Russia is determined. Also the article reveals the reasons for occurrence and aggravation of the demographic crisis in Russia.

Key words: population policy, the demographic crisis, measures of population policy, depopulation, the causes of depopulation, background of the demographic crisis.

I. Kuptsova

The culture of the province
in the post-reform period
in the development
of the Russian society

The article analyses the factors of the dynamics of the Russian province after the reforms of the 1860's. Special attention is paid to the subjects of the provincial community and culture, as well as the terms of the historical development of the province. The author examines the social and class structure of the provincial society, identifies the mechanisms of class transformation. The interrelation of the province and the capital, the role of cultural institutions in their development are analyzed.

Key words: provincial culture, Russian culture, post-reform period, dynamics of culture, transformation of culture, culture of Russia of the XIX century.

D. Lobanov

The tombs of the Patriotic war heroes of 1812 and Foreign campaigns of the Russian army of 1813–1814 in a necropolis of Donskoy Monastery

The author gives a brief overview of the graves continuing and complementing the Donskoy monastery necropolis travel guide published by the State Scientific and Research Museum of Architecture named after A.V. Schusev (GNIMA) in 1988 where the list of 62 heroes of the Patriotic war of 1812 is submitted. This article presents 73 participants of the 1812 War and the foreign campaigns of the Russian Army 1813–1814 buried in the territory of Donskoy Monastery.

Key words: Donskoy Monastery, Donskoy monastery necropolis, the Patriotic War of 1812 participants, Archangel-Michael church in Donskoy Monastery, headstones of Donskoy monastery, Moscow Opolchenie (militia) in 1812.

V. Regnatsky

Educational organizations as subjects of the nation-state identity formation of the youth in Moscow

The article analyzes the role of educational institutions in the process of nation-state identity formation of the youth in Moscow. The author presents the experience of special educational institutions that use special techniques, technologies and forms of educational and training work with students.

Key words: nation-state identity, political education of pupils, civil education of pupils, the school as an institution of political socialization, political culture of high school students.

S. Scherbakov

«Posad-based» administrative in XVI–XVII centuries

Based on the analysis of publicly available sources and modern scientific research this article considers the specific aspects of development of posads along with difficulties of the state reforming in XVI–XVII centuries. Implementation of «posad-based» administrative in the nation on the wide scale in XVII century, as well as the appliance of household tax reform in 1679 made it possible to draw up the first state budget of Russia dating back to 1680.

Key words: state budget of Russia dating back to 1680, the household tax reform in 1679, «Posad-based» administrative of Tsar Boris Godunov, noblemen.

A. Smirnov

The role of religious consciousness in ideological positions and life practice of the Knights in the Fourth Crusade

The article is devoted to the specifics of perception of the religious duty by Crusaders which had a significant influence on their actions in the Fourth Crusade. The interpretation of events through the prism of religious consciousness by the Knights allows one to gain a better understanding of how certain aspects of historical events in 1199–1204's as well as the axiological and world outlook priorities dominated among Crusade warriors.

Key words: the Knighthood, Crusades, the Knighthood Ideology, Constantinople, the Knighthood, the Holy War, The Fourth Crusade, Crusaders, religious consciousness, the religious factor of Medieval Wars.

V. Sukhoverkhov

The succession of Spanish constitutional parliamentary ideas: from political philosophy of G.M. de Jovellanos to the Constitution of 1855 and 1978

On the basis of the original sources in the author's translation, the article gives the most general form of a comparative analysis of the constitutional and parliamentary concept about the structure of the central government formulated by an outstanding Spanish enlightener G.M. de Jovellanos, and the regulations declared in the national Constitutions of 1855 and 1978; their structural succession is shown. The author presents the idea of the legitimacy of carrying out the present analysis to the Constitution of 1855, as actually displaying the irreversible formation of Spain on the path of capitalist development.

Key words: constitutionalism, constitutional and parliamentary concept, Cortes, moderados, progresistas, separation of powers, sovereignty, succession.

D. Surzhik

The struggle for the moral and competitive spirit of the Englishmen during World War II

The article dwells on the struggle between BBC and NAZI radio station "Germany Calling" for the moral and competitive spirit of the Englishmen

during World War II. As it is known, not a single mass pro-Hitler manifestation was detected in Britain during World War II. However, the fight on the radio still remains hidden from the researchers. Meanwhile, counter-propaganda techniques that were used at the time haven't not lost their relevance.

Key words: BBC, "Germany Calling", lord Haw-Haw, broadcast during World War II, radio propaganda.

E. Tyukhtenev

The organization of management system
of regional election campaign:
mobilization technologies experience

The article describes the application of political mobilization technology project during the pre-election campaign of the State Assembly deputies – El Kurultay of the Altai Republic in 2009–2010. The description of political technologies usage in the context of regional elections is given with specific examples; the result is analyzed.

Key words: political mobilization, political technologies, regional election campaign, regional elections, the pre-election campaign of the State Assembly deputies – El Kurultay of the Altai Republic in 2009–2010.

A. Vakhromeeva, I. Ivanov

Information, agitation and mass organizational direction
of election campaigns in Russia (2011–2012)

The article analyzes the state and the main trends of the information, agitation and mass organizational directions of the election campaigns in Russia in 2011–2012. The results of the comparative analysis of pre-election struggling of main parliamentary and non-parliamentary political parties are given.

Key words: Election campaign, political elites, political parties, election technologies, election campaigns of 2011–2012 in Russia.

«Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова: Серия “История и политология”» – издание, в котором публикуются результаты научных исследований в области политологии, истории и археологии.

Рубрики

Исторические науки и археология

Отечественная история

Всеобщая история

Археология

Этнография, этнология и антропология

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

История науки и техники

История международных отношений и внешней политики

Политология

Теория и философия политики, история и методология политической науки

Политические институты, процессы и технологии

Политическая культура и идеологии

Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Политическая регионалистика. Этнополитика

Конфликтология

Редакционная коллегия

Жиряков Иван Георгиевич – доктор исторических наук, профессор; Заслуженный работник высшей школы РФ; заведующий кафедрой зарубежной истории Института политики, права и социального развития Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова (*главный редактор*).

Орлов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры зарубежной истории Института политики, права и социального развития Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова (*заместитель главного редактора*).

Сергованцев Денис Николаевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры отечественной истории и культурологии Института политики, права

и социального развития Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова (*ответственный секретарь*).

Бродовская Елена Викторовна – доктор политических наук, профессор; заведующая кафедрой политологии, заместитель директора Института политики, права и социального развития Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

Михайловский Федор Александрович – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всеобщей истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Мионов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук; Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ; Член Союза журналистов России, член Союза писателей России; профессор кафедры отечественной истории и культурологии Института политики, права и социального развития Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

Нечаев Владимир Дмитриевич – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки (РАПН), президент совета по образованию РАПН; ректор Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

Савино Джованни – кандидат исторических наук (Ph.D. по истории); научный сотрудник Университета Федерико II в Неаполе, Италия.

Смоленский Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой новой и новейшей истории и методологии исторического факультета Московского государственного областного университета.

Эпштейн Александр (Алек) Давидович – доктор социологических наук (Ph.D. по социологии); председатель Центра изучения и развития современного искусства (Москва–Иерусалим), Израиль.

Юрьев Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор; почетный работник высшего профессионального образования РФ; профессор кафедры отечественной истории и культурологии Института политики, права и социального развития Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

Требования к статье, представленной для публикации

Представленная статья должна быть оригинальной и нигде ранее не опубликованной, должна содержать результаты научных исследований автора (группы авторов).

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов), в формате Word.

К статье прилагается **анкета автора**: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); должность и место работы (если имеются); место учебы с указанием кафедры (если имеются); телефон

(мобильный, в журнале не публикуется, необходим для связи редакции с автором); электронная почта.

Затем следуют заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке также должно включать все перечисленные выше позиции.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц).

Требования к электронному варианту статьи:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках;
- список литературы располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и сформирован по алфавиту, сначала литература на русском языке, затем на иностранном).

Внимание! К статье должна быть приложена рецензия (рецензенты должны являться признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике представленной статьи).

Редакционная коллегия также проводит независимое рецензирование предоставленных авторами статей. К печати принимаются статьи после утверждения их редколлекгией. В случае отказа редакция направляет автору копии рецензий или мотивированный отказ, но не вступает в полемику по поводу конкретной статьи.

Заявки на публикацию статей в вестнике МГУ им. М.А. Шолохова (серия «История и политология») принимаются по адресу: vest-ist@mail.ru.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет,
компьютерная
верстка
М. В. Кантакузен

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «История и политология»
2015.1

Электронная версия журнала: www.mggu-sh.ru

Сдано в набор 18.03.2015 г.
Подписано в печать 24.03.2015 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.